ISSN 0131—0097
ОКТЯБРЬ № 44 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

СЕКС? ОН НЕ ПРОЙДЕТ!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 44 (3354)

26 октября — 2 ноября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотомонтаж Бориса ЯКОВЛЕВА (см. в номере материал «Вперед, к личной жизни!»).

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 04.10.91. Подписано к печати 22.10.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 949. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

А я вот возьму и назову Родину, как ее еще никто никогда не называл, не честил. И ты притом не усомнишься в моей к ней любви и преданности, тем более из вас никто не рявкнет — пройдемте.

Пройдемте вы!

В зал, наряжаемый для фестиваля клоунов примерно за сутки до торжественного открытия и гала-концерта, когда все так нервно, следовательно, очень искренно (фальшь радостных мгновений изобретена на нашей Родине), следовательно, и достоверно.

Фестиваль называется Первый международный конкурс, и его громкое название оправдано перспективой, впрочем, оправдывается и на старте. В жюри такие лица, как Анни Фрателлини из клоунской династии Фрателлини, начинавшей «у вас в Твери». Анни сказала: «Женщина-клоун — это нормально, даже более нормально, чем клоун-мужчина». Ну, мы к этому еще вернемся.

В жюри Изабель и Доминик Моклеры, организаторы французского фестиваля «Цирк завтрашнего дня...».

В жюри — Никулин во главе!

Завтра вечером он, давно уже слишком седой, скажет, так чудесно подавшись к залу со сцены (а за спиной его клоуны, как котята или как дети):

— Жизнь так грустна, что, конечно, надо было устроить этот фестиваль.

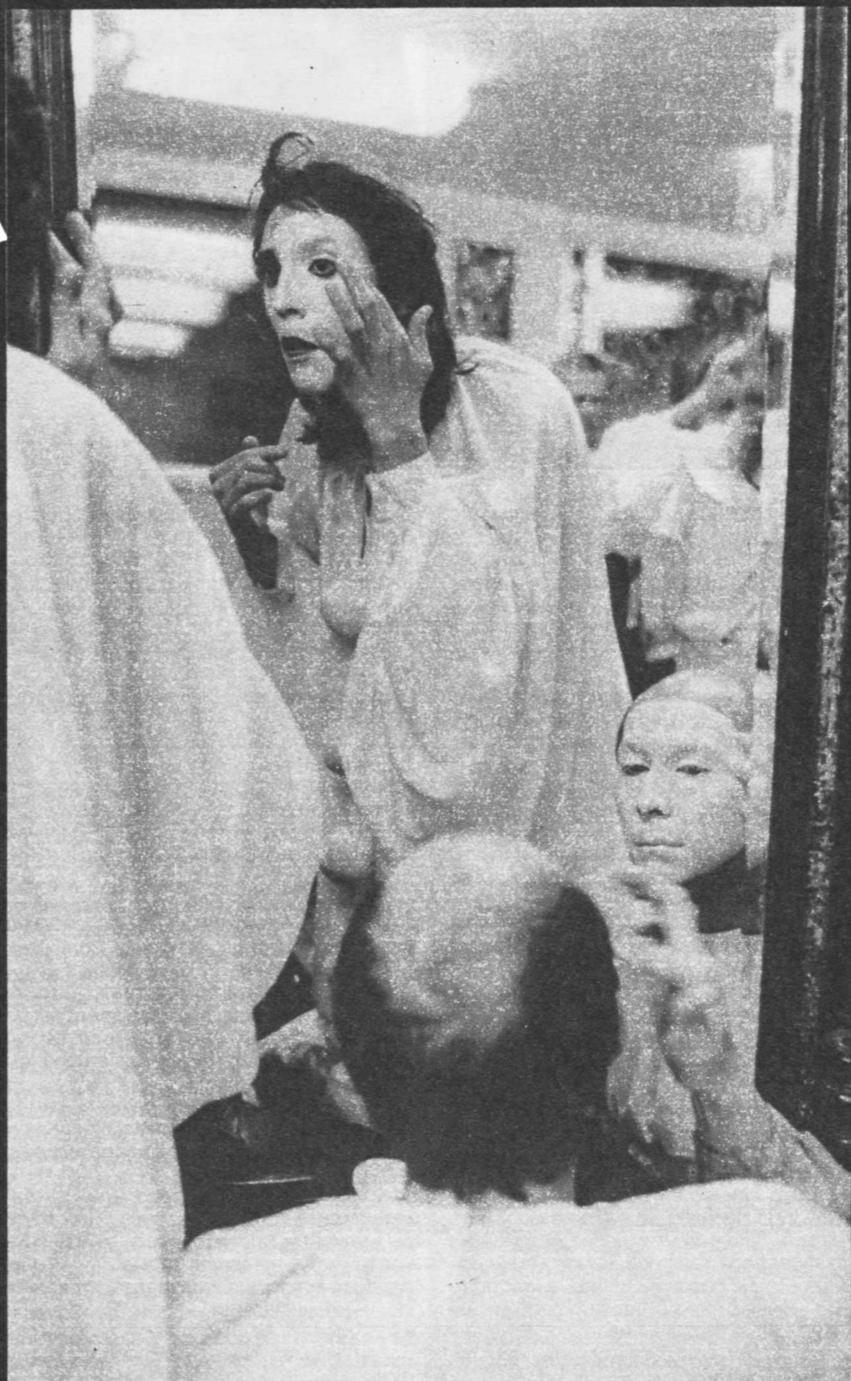
И его, усадив в кресло с шелковой,

ГДЕ
ИХ

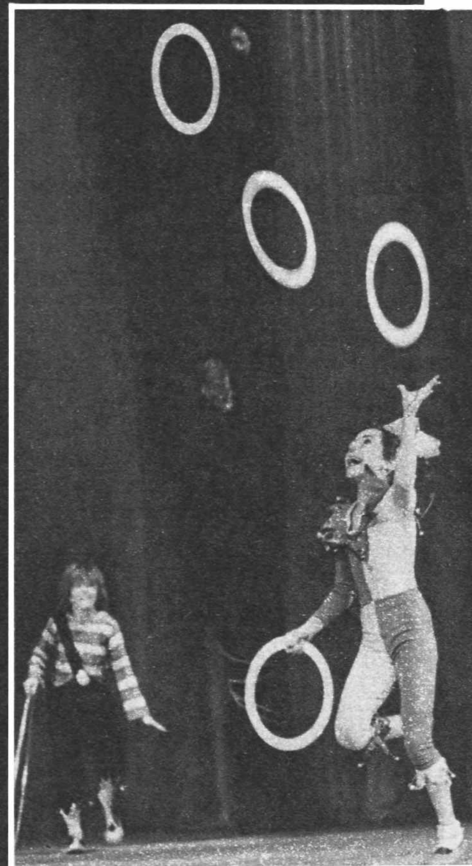
ОН ТОЛЬКО НАВОРОВАЛ?..

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

тщусь разглядеть с одиннадцатого ряда, обивкой, понесут со сцены в зал на наипочетнейшее место. Я раза два во время концерта оглянулась и видела на лице его выражение просмотра.

А мы тем временем уже рыдали на своих местах в иных местах гала-концерта.

(До появления Гарри на сцене было еще далеко, и стыла за стенами дарагая-мая-столица, предоставившая клоунам не самый лучший концертный зал, не цирк и не Дворец съездов, конечно: серьезная ночь подступала к ней, как пес к кости.)

Накануне, когда все нервно, зал выглядел особенно прекрасно, как дом во время проводов в армию младшего сына, и кто-то сказал Терезе Дуровой, она как бы вся затянута была в черное трико:

— А те! вон те клоуны! они просто сидят и ничего не делают.

Тоном детсадника. И Тереза оглянулась, слегка ахнула и сказала тем ленивым клоунам: мол, ребята, если вы не будете участвовать, вас никогда не заметят.

Так было произнесено слово-ключ. ВАС НИКОГДА НЕ ЗАМЕТЯТ.

Кто-то принес ей водички, и она сказала: «Ты же знаешь, что я не могу пить из горлышка». И утомление потихоньку устраивалось где-то в конструкции занавеса, как рабочий сцены в костюме того именно синего цвета, который невозможно повторить нарочно. В ярких глазах Терезы оно вспыхивало, как случайный софит.

(А попробуй повтори тот советский цвет в партикулярном платье, так и явишься в общество сборщиком винной тары, стеклопротирщиком, н-ну то есть клоуном, как цвет-то в нашей жизни над нами властен, а мы все грешили на один кумач... тем временем как нас узнавали по раскраске.)

В другом зале, поменьше, было навалено шаров, в комнате с табличкой «Приемная» сидели, кажется, сразу все, и здесь Наталья Остроумова, режиссер цирка «Июль», сказала мне в сутолоке что-то чрезвычайно важное, о чем я могу лишь догадываться.

Никто не думал, что у нас столько клоунов.

Считалось, что клоунада умирает.

Возможно, это так или почти так. Кто любимые клоуны нашей ребятни? Нет их, и это печальная правда, но никто не думал, что у нас столько клоунов.

Согласно легенде (легенда — верный признак династии, долг жизни, верность в чувствах и делах) идея конкурса привиделась Терезе Дуровой во сне, «когда я оказалась в толпе прекрасных, нарядных, веселых людей. Эти люди смеялись и пели».

И кто-то ответил по-русски. Значит, это было у нас?

Она проснулась и поняла, что это возможно в жизни как фестиваль клоунов. Если это не сон Веры Павловны.

Не говори: ну да, еще бы! Где же еще нам посмеяться и увидеть много нарядных! Во сне, на карнавале. И то...

Не ерничай.

Не ерничай. Стань прямо. Не вертись. Соберись и выступи на нашем собрании. Начни новую жизнь. Опять начни новую жизнь. Расстанься с этим человеком, а то пропустишь хорошего. Возьми себя в руки. Не смей плакать, он тебя не стоит.

Она тебя не стоит. Не смей рыдать. Уж мы-то знаем, как у тебя дела.

Будь мужчиной (женщиной). Взгляни на жизнь трезво.

Над тобой все будут смеяться. Над тобой и так все смеются. Ты просто шут гороховый. Не доводи все до абсурда. В твоем возрасте... А кому хорошо живется? Что это на тебе надето? Не смей устраивать тут балаган (истерику, скандал).

Не смей.

(Так нас оттаскивают от собственно нас.)

А я и не смею. И не смеюсь.

Когда устроители фестиваля разослали оповещение о своих намерениях в разные страны, то получили около тысячи ответных писем с согласием приехать, участвовать.

В конце концов было принято около четырехсот заявок на участие. Значительная часть их представляла новеньких!

— Вы увидите! — говорили мне.— Вы увидите столько разного. Есть группы «уличных клоунов», есть мимы, есть коверные. А «черная клоунада»! У них одна миниатюра заканчивается петлей. Но — клоун! артист! — как красиво он изогнулся.

Так можно лишь, работая на грани фола.

Я киваю, мне это знакомо, мне ясно, о чем они.

Гала-концерт собрал публику тонкую, в большинстве своем искушенную...

— До появления Гарри есть время.

Я думаю, глядя на сцену (слева мальчик весь извертелся, кто его воспитывает, справа дама, жена прогрессивного редактора, а по головам идет клоун, об этом не предупреждали, кажется, он идет вполне буквально, мы жертвы клоунской тусовки, вот они переговариваются со сцены в зал и женский голос: «Лешенька, давай!»), я думаю о том, что есть две-три профессии, оппозиционные любому режиму, даже хорошему. И я эти профессии хорошо чувствую и понимаю, я знаю их тайные тайны! И то, как вдруг перестают пускать к искусствам, где музы моются в пруду. И то, как вдруг их хлеб начинают считать дармовым. Немного таких профессий, противных любому режиму. Две. Три от силы.

Но, друзья, как же их покупают! Нам и не снилось быть так покупаемыми.

Клоуна вынуждали линчевать стиляг. Чем брали?..

Это то же, как балетная сюита «Сильнее смерти», пародируемая сильно пьющими мужиками каждую минуту в каком-нибудь да уголке Родины.

Клоун на службе Отечеству? Да. На службе у государства?

Х-ха.

Ему говорят (говорили?) о теме его выступления. Как это связано с дальнейшими негоциями России.

Ему говорят: не связано. И он уходит со сцены. Или линчует (бичует?) отсутствие носков в продаже, «гневно высмеивая». Впрочем, что носки. Ему поручались и высокие антивоенные темы.

Попробуй откажись. Попробуй откажись служить народу! Нету аргументов. Единственный (служу уж тем, что существую в среде народа) смешон. Зачем нам нужен клоун, живущий навзрыд? Ему твердят, чтоб был по теме животрепещущ, а он трепещет и прозрачен, как лист голландской бумаги.

Завидую Вам, клоун. Я так не могу уже.

Да, Ты нарисовал себе другое лицо. Но оттого Твое родное явственнее светится в полнолунии концерта. Душа вся насквозь просвечивает, как ребенок на экране.

Прости, Ты одет чер-те во что. Но кто раскованнее носит фрак и смокинг и с приставной фигурой выступает павой?

Клоуна можно неузнанным ввести в собрание тиранов, и, если смех не задушит его самого, тираны его изберут своим главным. Тут им и смерть.

Он комикует: он искренен. Сквозь тряпки душа просвечивает, как сквозь скорлупу. О, как же им завидуют трагики. Трагикам не можно позволить себе настоящий накал страстей, им надо сдержанностью поразить зал, зубовным скрежетом, и умирать им следует некрасиво, так достовернее... в петле пусть куролесит, ища рисунок позы, комедьянт проклятый.

Серьезно: когда умирает клоун, душа собирает его манатки с собой, уносит реквизит, коробочку помады. Остается лицо исскорбевшейся души, гипсовый слепок, его видят близкие. Лощеный Чарлз Чаплин всегда мне (чисто внешне) напоминал импресарио Чарли, его умного агента.

Тут на сцену выкатили кубарем семь девушек из группы «Жарт» (Киев, студия пантомимы, существует с 83-го) и под вечную музыку к кинофильму «Время, вперед!» и под девизом «Время, назад!» смаршировали такую нашу жизнь, такой хлопкоуборочный комбайн, такие грозные и суровые годы испытаний, такое торжество ликующего труда... О, как давно мы не смеялись над тем, что же с нами такое сделали эти гады коммунисты (теперь так — можно?).

Мы выжили потому лишь, что мы были в большинстве своем страной клоунов. Вот правда! Мы сумели сыграть роль коверного в этом цирке.

Только б не одергивали. Пусть она себе изображает святую простоту, а он — железного Феликса. Пусть она видит в себе вечную юность, а он — снежную вершину, пусть они веселятся, пусть они работают, пусть они живут.

Кар-на-вал, гля-ди-те — карнавал! Суета и сутолока масок, где набрал он на ночь столько красок, где он только их...

Гарри вышел под занавес. Он был одет так красиво, в мои любимые цвета: сиреневый, розовый, синий, бордо... И шляпу, конечно, обвязал пестрым сиренево-синим платком. Он принес с собой бадью и водрузил на сцену. Он размешал в ней мыльную воду...

Он выпустил в зал мыльных пузырей миллион.

Дети сорвались со своих мест.

Сначала они пытались душить пузыри. Гарри терпел это нечаянное зверство.

Потом дети привыкли к виду красоты.

Тогда Гарри выпустил огромный, переливающийся, весь живой!

Мы вскочили со своих мест.

Сначала мы хотели, чтоб он скорее лопнул.

То, что я крикнула вслух, не было свойственно мне.

Я закричала: ВОТ ЭТО РАБОТА.

И я узнала зависть наконец.

Н. Ч.

СОЛО

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Пока «новая», «революционная» и «демократическая» власть империи обустраивается в благоприобретенных кабинетах и заверяет колонии, что они теперь совершенно свободны и суверенны; пока «близнецы-враги» «Белый дом» и Кремль перераспределяют награбленные коммунистами авуары и недвижимость, от Бориса Николаевича Ельцина и его команды все дальше и дальше уплывает последний шанс. Числа до 31 августа за ним достаточно было протянуть руку. До 10 сентября, до начала конференции по СБСЕ[1], до него можно было еще доплыть, задыхаясь и захлебываясь. После 10 сентября он стал недосягаем и теперь где-то на горизонте белеет, как «парус одинокий в тумане моря голубом». Еще несколько недель — и никто уже не поверит, что он был вообще, этот шанс. Шанс для абсолютной, как водится, российской власти — не быть в кои-то веки проклинаемой (как водится от века) свободомыслящей интеллигенцией — окуджавскими «московскими муравьями», которые всегда вне ваших Советов, мэрий и Союзов — сами по себе.

Как только опасность отхлынула, как только начались победные залпы и праздничные реляции, «московских муравьев» — анархистов, дээсовцев, кадетов и просто неангажированных интеллигентов — как ветром сдуло, они разбежались от «Белого дома» (уже не Брестской крепости, уже Зимнего дворца дофевральских очертаний), как от чумы. Революционные праздники кончились, наступили авторитарные будни. Что демократия нам не светит, это было ясно и без экспериментов (1—2 проц. общества бросились с голыми руками на танки, остальные мирно работали, а кое-кто и салютовал ГКЧП). Посткоммунистическое общество без демократического прошлого, с авторитарной монархией за спиной не может быстро сделаться демократическим (кто знает, может ли вообще?). Никто от Б. Н. Ельцина демократии и не требовал. Так же, как и хлеба. Чего же ждал «московский муравей», которому раз в жизни захотелось во имя общих и святых трех «августовских дней» поверить в очарованность свою? А просто хотелось увидеть немного добра. Добра, покаяния, честности, интеллигентности. Если раньше обстоятельства, Горбачев, Крючков не давали сделать это добро, а о нем думалось, мечталось, страдалось, то как же 23 августа было не освободить всех политзаключенных по спискам МОПЧ[2], а уточнить спорные старые списки Кронида Любарского поручить Валерию Сендерову, братьям Подрабинекам, Алексею Смирнову — правозащитникам, которые занимаются этим целую вечность и все бы облазили в ГУЛАГе, чтобы кого-то не забыть? Мы с этими списками только что не спим последние годы, выучили наизусть все номера лагерей, все фамилии. Но вот мы стоим с плакатами на пикетах (при победившей «демократии»!), стоим неделю, другую, шанс уплывает в открытое море, а люди сидят, голодные, избитые, униженные ежедневно.

Начинается конференция по СБСЕ в стране победившего антикоммунизма (и где начинается: в Колонном зале, там и политические процессы в 37-м году шли, место проклятое), а политзаключенные сидят! 10 сентября, 11 сентября. Хоть в петлю лезь. Наконец освобожда-

[1] Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.
[2] Международное общество прав человека.

МОСКОВСКОГО МУРАВЬЯ

Соло Валерии Новодворской — с каких бы страниц, из каких бы динамиков ни звучало — всегда шокирует слушателя. В отличие от окуджавского этот «московский муравей» не испытывает потребности в кумирах.
Неустанная борьба с любой властью формирует стиль письма и стиль жизни: бескомпромиссный, отчаянный, на грани фола...
Расплата за такое «поведение» — тюрьма и психушка при любых режимах.
Валерия Новодворская — вечный диссидент. Впервые стала политзаключенной при Брежневе.
В последний (пока) раз — при Горбачеве — Крючкове.
В либеральных салонах ее имя принято произносить с пренебрежительным смехом. А то и с ужасом: сколько, мол, вреда от подобных экстремистов, мешающих интеллигенции по-умному договориться с доброй властью.
К сожалению, довольно часто обнаруживается правота иных «экстремистских» воззрений. То власть оказывается не столь добра, как всем бы хотелось, то предсказания радикальных пророков случаются не столь уж безумными...
Эпоха заражена экстремизмом.
Чем выше пьедестал, на который взгромождается новый идол, тем сильнее его неприятие.
Конечно, у новой российской власти столько же критиков, сколько и новых забот. Крест, что тащит на себе «команда Ельцина», тяжек непереносимо.
Цели в мутной перспективе столь велики, что можно и не замечать муравьиные укусы по-детски обиженных оппонентов. Но власть будет мудра, если научится без гнева и пристрастия внимать гневной и пристрастной речи.
Отделяя важное и нелживое от второстепенного и пустого.
Почитаем Новодворскую.

Илья МИЛЬШТЕЙН

ют пятерых из 16. (Первым, кстати, президент Киргизии вспомнил про «своего» узника совести, Янин был освобожден первым; странно, что Борис Николаевич не понял, что это его опозорило.) И как освобождают — помилованием! Невиновных! Степан Хмара в Лукьяновской тюрьме свое помилование уже разорвал; все равно, конечно, вывели на улицу, но ведь оскорбили перед этим! Когда Валерий Янин мне позвонил и благодарил за то, что ДС делал все эти 3 года для освобождения политзеков, я чуть сквозь землю не провалилась от стыда, я умоляла его простить нас за то, что мы садились, но не насовсем, за то, что все-таки были на свободе, за то, что не получилось или освободить раньше, или разделить их судьбу. Я просила прощения — Борис Николаевич не просил. Ему не стыдно. А остальные сидят. Если за каждый путч нам будут освобождать по 5 политзеков, то сколько еще путчей понадобится? Генералов и маршалов не хватит. Вот этой черствости с политзаключенными нельзя ни забыть, ни простить. Никогда.

Давайте перечислим, что можно было сделать в первый день «свободы». Одним росчерком пера. Бесплатно. Чтобы облегчить душу. (Совесть — это бремя, «московскому муравью» — интеллигенту всегда чего-то стыдно, всегда он угрызается, рефлектирует, краснеет, боится, что не выполнил долг, не отдал чего-то, кого-то не уберег. Совесть — это хроническая хворь, неизлечимая вовеки.)

Итак, 23—24 августа.

1. Освободить политзаключенных с реабилитацией, извинениями и компенсацией.
2. Реабилитировать всех политических по делам 60—90-х годов.
3. Помиловать Шмонова (ведь Горбачев жив и здоров, за что же дольше мучить «террориста»?).
4. Отменить смертную казнь.
5. Ввести альтернативную службу в армии.
6. Закрыть КГБ. Закрыть, упразднить, ликвидировать.
7. Объявить, что нынешняя власть ВС и Президента — временная, до выборов в Учредительное собрание.
8. Отменить для России закон об оскорблении чести и достоинства Президента СССР и статью 166^1 о несанкционированных митингах.
9. Приостановить действие 70-й статьи УК.
10. Приостановить действие $190^{2,3}$и 183^3. Давняя мечта диссидентов!
11. Отменить принудительный труд, принудительное кормление при голодовке, ограничения на свидания, переписку, средства и передачи от родных для узников ГУЛАГа и СИЗО.
12. Начать вывод войск из Латвии, Эстонии, Литвы и Молдовы.
13. Сделать заявление, что нам очень совестно удерживать захваченные у Японии острова, что мы вернем их с извинениями в ближайшее время.
14. Собрать правозащитников, антисоветчиков, демократически настроенных политических противников режима и спросить, что сделать еще; составить из них свой Политсовет.

И все эти решения — на сессию, на ВС РСФСР. А там — убрать аббревиатуру РСФСР и поставить на голосование вопрос о выходе России из Союза и неподписании Союзного договора на все оставшиеся времена.

Что ты не смог — тебе простится.
Что ты не хочешь — никогда.

(Ибсен)

Революция — это искупление. А искупление предполагает чувство вины. Ну, ничего, мы, московские муравьи, творим себе богов только по образу и подобию своему. Жесткая порфира государства без этих 14 пунктов нам ничего не говорит. Нас можно обмануть не больше чем на неделю. И ничем нас нельзя купить, кроме человечности. Впервые за 400 лет истории российской автократии на три дня сошлись дороги власти и ее вечных противников, которые шли в декабристы, народники, дэзэсовцы. И разошлись, естественно. Я оплакиваю несбывшееся — согласие, консенсус, те надписи непримиримой и нелояльной оппозиции, которые остались как священный завет для власти на стенах «Белого дома», как впервые протянутая ей нами рука, и которые власть сотрет, если уже не стерла, из памяти и с облицовки.

Эта статья, если хотите, Реквием по общим баррикадам, потому что теперь нам с «новой» властью быть опять по разные стороны баррикад. До конца или до следующего путча. Власть ничем не рискует. Она знает своих противников. 19—21 августа, стоя вокруг «Белого дома», неформалы защищали не законную власть, которую они за таковую не признавали ни до, ни во время, ни после; они защищали слабейшего, обреченного, гонимого, хуже вооруженного. Что ж, кодекс Дон Кихота действителен во все времена. Арестованного (по крайней мере так мы тогда считали) Горбачева тоже можно было пожалеть и защищать. Истинный интеллигент и Бухарина стал бы спасать от Сталина (зная про "Азбуку коммунизма»), и Тухачевского, и Зиновьева (зная отлично их «добрые дела»). Интеллигент защищает того, кто внизу. И это неотменяемо. Хрупкая студентка Тверского университета, член ДС Тамара Целикова, которую первую судили за «оскорбление величия» Михаила Сергеевича, в дни хунты стояла с лозунгом «Свободу Горбачеву!». Это и есть ДС — кучка безоружных интеллигентов, которые, ни на что не надеясь, занимаются безнадежной правозащитной деятельностью, обличая век и отказывая ему в своем соучастии. «И все будет вечно хреново, но все же ты вечно звучи». Это, правда, Юлий Ким, но они с Окуджавой оба — «московские муравьи» и писали для своих, для интеллигентов. Враги Горбачева пожалели Горбачева в беде. Кого пожалел Горбачев? Помните, как доктор Андрей Ефимович из чеховской «Палаты № 6», оказавшись в тогдашней психушке, умер от удара за один день? И не потому, что ему стало страшно за себя, а потому, что он понял, что такие же пытки по его милости терпели долгие годы обитатели палаты... Вот это раскаяние... А что, Михаилу Сергеевичу не о чем печалиться? У него с Язовым, Крючковым и Лукьяновым общие мрачные дела: гибель в застенках Чистополя Анатолия Марченко, участь политзаключенных, кровь Звартноца, Вильнюса, Баку, Тбилиси... Ну ладно, в Форосе, по его словам, его изолировали. А до этого? 6 лет держали под арестом в Кремле с пистолетом у виска и не давали читать «Экспресс-хронику», где все можно подробно узнать о нарушениях, вернее, попрании прав человека? Похоже, что и Борис Николаевич этим изданием пренебрегает, хотя по такому случаю редактор Саша Подрабинек даром бы посылал каждую неделю номера... Странные дела творятся на 1/6 части суши! В Германии именно руководители национал-социалистической партии отвечали за деяния организации, и их вина была сочтена большей, чем у рядовых членов, а у нас есть виновная распущенная партия и невинный ее генсек! С больной головы на здоровую... Раскаяние никому не заказано, апостол Павел был прощен, и Милован Джилас, правая рука Иосипа Броз Тито, заплатил 10 годами тюрьмы за прозрение...

Но где раскаяние Михаила Горбачева? Где его ужас, его боль, его стыд? В аресте гэкачепистов, что ли? Чужой кровью не смоешь свою вину. Кающийся грешник сказал бы: не могу их судить, да не судим буду; вины у нас одни.

Скверный получается у нас анекдот, с козликами отпущения. А судьи кто? И прокуроры? И следователи? Давно ли судили диссидентов и дэзэсовцев?

Час искупленья пробил? Не такой ли, как в октябре 17-го?

Бог с ней, с политикой, она от лукавого. Бог с ней, с демократией. С совестью-то как у нас дела обстоят? Кто-то суфлирует, что у нас произошла демократическая революция. И развалился Союз.

Ну-ка давайте посчитаем, что у нас было и чего поубавилось.

Название СССР — есть! Президент Союза — есть! ВС Союза — есть! Войска союзные во всех республиках — есть! Так что, собственно, развалилось? Генерал Шапошников не против вывода войск из Прибалтики, да ему их девать некуда и трех дней мало, да и оборонительная брешь намечается. От кого обороняться собираемся? От Швеции с Норвегией? Им бы от нас отбиться... Некуда девать войска? Демобилизовывайте. Трех дней мало? А кто вас звал в Балтию, господа империалисты, августовские и сентябрьские? А знаете ли вы, сколько дней вам с вашими войсками на коленях стоять надобно, чтобы простили за 40—90-е годы? Где ваше раскаяние, обновленные оккупанты?

Значит, Союз на месте. Плюс слова, слова, слова... Членство в ООН 15 республик — это не независимость, а хрустальная мечта Иосифа Виссарионовича. Смотрит он на нас из могилы и радуется. А мы твердим одно: с любимыми не расставайтесь. С колониями то есть.

Со строем тоже все в порядке. Частной собственности нет, колхозы на месте, многопартийность в уме, политзаключенные сидят, психиатрический террор продолжается — Шмонов признан невменяемым институтом Сербского и отправился в спецпсихтюрьму, как в добрые старые времена...

КГБ — здравствует и процветает в переподчиненном состоянии, тоже обновляется, но не настолько, чтобы по 70-й дело закрыть. На начало октября это демократическое ведомство без Крючкова продолжает мое с Даниловым дело, и ничего, без Крючкова справляются, разве что меру пресечения изменили. А как его закрывать? Строй не изменился, Горбачев — тоже. Состав преступления актуален как никогда.

Может быть, опять Ельцину мешает Горбачев? Тогда зачем с ним брататься?

Неверие — главная особенность «московского муравья», «грустного, как жители земли».

Не верю я что-то в вашу революцию и в ваши суверенитеты, господа. В три дня верю. В дальнейшее — нет. Поэтому жаль Бориса Николаевича. Он теряет больше, чем мы. Никогда больше ДС не будет распространять его воззвания. Не быть ему больше товарищем в борьбе.

Будут толпы зевак, поклонников, лимузины, овации, лесть, учтивые западные президенты на приемах и брекфэстах. Все будет, но не будет рядом тех, которые 19 августа организовали первый митинг на Манежной. Что может сделать с громадой режима бессильная и безоружная интеллигенция? Она, увы, не может его свергнуть. Зато она может его проклясть. И не будет без нее удачи ни одной власти. Куда ни поскачет ваш Медный всадник с тяжелым топотом, всюду он наткнется на бедного Евгения — петербургского муравья, предшественника московских интеллигентов, внесистемного неформала, который не ставит ни во что вашу медь, вашу ложь, вашу мощь. И вместо мальчиков кровавых ваша незрячая совесть всюду споткнется о наши лозунги. И не будет вам покоя.

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

В разговорах о приватизации
только и слышишь:
«Ах, теневики скупят!»
Ну и, допустим, скупили.
Что дальше?
Дальше работать нужно,
налоги платить.
Учитывая их деятельность
в неофициальных условиях,
думаю,
неплохо будут работать.
Накопленные капиталы
станут хорошим подспорьем.
Скажете,
что это безнравственно?
С точки зрения
чистой морали, возможно.
Значит, будем голодать,
но хранить чистоту?
Не пора ли принять теневую
экономику как данность и
предоставить ей шанс
послужить народу?

А. Н. СТОМА
Евпатория

Только в нашей стране
преследуют гомосексуалистов,
чего уж проще — запретить
и посадить,
а если не посадить,
то не повысить в должности,
не пустить за границу.
Мы, «голубые»,
вынуждены скрывать
свои отношения.
Явление это,
замалчиваемое ранее,
теперь вышло наружу.
Сколько можно лицемерить?
Пора отменять статью...

А. Д-В
Киев

Разногласия
в Российском парламенте
(между Хасбулатовым,
Шахраем и Бурбулисом),
если не победит
здравый смысл, могут
привести к нежелательным
последствиям. Хотелось,
чтобы как
можно скорее
эти умные политики
научились контролировать
свои эмоции при стрессовых
перегрузках.

Л. П. ПАВЛОВА
Владимир

Нужно отдать торговлю
(за исключением магазинов
для малоимущих)
и снабжение в частные руки,
это же очевидно.
Кто будет сам
у себя воровать?
Видели ли вы когда-нибудь
торговца на рынке,
продающего с «черного хода»
или припрятавшего
от покупателя свой товар?

А. КОРЕШИН
Пермь

■

В последние дни из-за высоких цен на картофель в Санкт-Петербурге в полтора раза увеличилось дневное потребление хлеба, и не исключено введение карточек на хлеб. У нас в Вязниках хлеб пока есть, но на детские талоны отпускают 200 г масла и 200 г карамели в месяц, мяса (на самом деле это колбаса самого низкого качества) дают полкило. Из средств массовой информации знаю, что в некоторых областях хлеба либо не хватает, либо на него уже введены карточки.

И вот Радио России сообщило, какие продукты переданы гэкачеписту В. Стародубцеву: шоколад, кофе, три банки икры. Подследственным путчистам, оказывается, определен «привилегированный» рацион (учитываются их болезни и возраст), ежемесячные передачи по 10 кг, в которых они, естественно, будут получать дефицит.

Простите, уважаемые прокуроры, они что, самые старые и больные в «Матросской тишине»? Или настолько срослись с привилегиями, что не доживут без них до суда? Доживут. И пусть хотя бы несколько месяцев почувствуют всю «прелесть» социалистического режима. Неужели нашему российскому прокурору не ясно, что подобные льготы в данной ситуации абсолютно безнравственны и вызывают законное возмущение у народа?

Л. П. МЕЛЬНИКОВА
Вязники Владимирской области

■

Год назад, осенью, мой сын Павел пошел в армию. Он, как ни странно, хотел служить. По рассказам старшего брата, а мой Денис, к счастью, благополучно отслужил два года в воздушно-десантных войсках, он знал, что такое армия. И даже готовил себя к ней, занимался парашютным спортом, имеет 1-й разряд.

Радовался, что попал в десантники. Полгода прошли в учебке (Чирчик), Павел на хорошем счету, получал благодарности. И вот в мае этого года он пошел добровольцем (подумать только!) в десантную часть в Азербайджане. Там, как я только сейчас узнала, и начались все несчастья. В части в основном оказались парни из среднеазиатских и закавказских районов. Я и раньше слышала, что в армии часто «выясняются отношения» между ними и москвичами на кулаках, в драках. Но никогда не думала, что это коснется Павла. Парень он с умом, правда, есть у него повышенное чувство справедливости, долга. Сейчас я уже знаю подробности того «конфликта», и никто из начальства сына не докажет мне, что он был не прав.

Представьте себе, от сына за год службы ни единой жалобы. И вдруг звонок, и он на пороге — больной, измученный, раздавленный. Павел сбежал из части. В том самом «конфликте» он получил закрытую травму правой половины поясничной области (как написано в медицинской справке, которую он привез). Месяц (с 20 августа по 19 сентября) лежал в госпитале — была операция из-за разрыва правой почки. В справке указано также, что младший сержант Румянцев «нуждается в отпуске по болезни на 30 суток». А уже после отпуска комиссия должна решить вопрос о его пригодности к воинской службе. Мне никто из части об этом не сообщил, сын же не хотел меня волновать, говорит мне сейчас: «Мама, я надеялся сам справиться...»

Но на этом несчастья не кончились. Отпуск не дали, Павел вернулся в часть. На занятиях капитан заставил его нести тяжелый ящик, через десять метров Павел упал. Вновь госпиталь. После госпиталя сын просит перевести его в другую часть и предоставить отпуск. Безрезультатно.

И вот в октябре Павел дома, слава Богу, что хватило сил на эту долгую дорогу. В 20 лет он раздавлен и морально, и физически. Сразу же положили в больницу. Говорят, за побег — трибунал. А я требую, чтобы был суд над теми, кто довел сына до такого состояния. Я одна вырастила, поверьте мне, двоих нормальных парней и имею на это право.

Г. РУМЯНЦЕВА
Москва

■

«Молодежь Эстонии» напечатала жуткое сообщение. Цитирую: «Владимир Жириновский в кулуарах московской конференции «По человеческому измерению» сказал, что если станет президентом СССР, то устроит вдоль границ прибалтийских республик захоронения радиоактивных отходов, да еще поставит мощные вентиляторы, чтобы ветер гнал радиацию на территории этих государств. Касаясь украинцев, лидер либерал-демократической партии заявил, что они поставляют в Россию ядовитое сало».

Многие, конечно, принимают Владимира Вольфовича за шута горохового. А если вдуматься, проголосовало за него ни много ни мало — около восьми миллионов человек. Восемь миллионов единомышленников-экстремистов — это же страшно...

А. И. ПОСТНИКОВ
Таллинн

■

С июня прошлого и по сентябрь 1991 г. я безвыездно жил на лесозаготовительном вахтовом участке (хотя само слово «вахтовый» предполагает периодическую замену состава). Работал вальщиком леса. На поселение, известно, отправляют тех, кто добросовестно трудился в колониях.

О какой Конституции и правах человека можно говорить, когда люди, пусть оступившиеся, находятся на положении рабочего скота? Работают без замены до полного освобождения (некоторые здесь уже более трех лет). Бездорожье, болота, на вахтовый можно добраться лишь на гусеничном вездеходе или тракторе. Приплюсуйте еще морозы, ветры и плохое питание. Санчасть лишь в «метрополии» за 60 км, в штабе колонии поселения, поэтому на медицинскую помощь и рассчитывать нечего. Мы же работаем с бензопилами, топорами.

Выходных у нас не существует, хотя администрация на случай проверки их проставляет. Не вышел на работу в выходной, значит, будут тебе резиновые палки, стрижка наголо или штрафной изолятор. Правда, раз в месяц можно получить выходной, если план выполнил в счет этого дня. План же постоянно увеличивается, а расценки падают. Нас администрация просто-напросто обманывает. В тяжелейших условиях, за тяжелейшую работу, выполнив план, получаем всего 190—200 рублей. За наш счет администрация удерживает на плаву в условиях хозрасчета непомерно раздутый управленческий аппарат. Поэтому ее интересует только план, любой ценой давай план. Администрация грозит физической расправой за невыполнение плана. Бывали случаи, когда приезжали на вездеходе надзиратели (контролеры по надзору) и избивали поселенцев.

Продолжать можно бесконечно. В наших лагерях и поселениях сложилась уникальная система эксплуатации, никем не контролируемая. Видно, рабский труд — дешевый и выгоден для государства. Поэтому мало веры, что кто-то обяжет нашу администрацию соблюдать Конституцию и законы страны.

Под этим письмом могли подписаться все поселенцы нашего вахтового, но, зная, что последуют репрессии, подписываюсь я один, так как для меня рабство кончилось, срок мой истек.

А. Г. КОВАЛЕВ
пос. Вожаель Коми ССР

■

В начале 1979 года в моей жизни почти одновременно произошли следующие события: защита кандидатской диссертации в НИИ радио Министерства связи (в этом институте и сейчас я работаю), отъезд из СССР на постоянное жительство моего брата с семьей и окончание 15-летнего срока моего допуска к секретным документам.

Вскоре после защиты диссертации я был вызван в ВАК на комиссию, которая приняла решение об утверждении диссертации. В это же время меня неоднократно вызывали в отдел кадров с требованием, чтобы я заполнил документы об оформлении допуска на следующий срок. Однако это означало бы для меня полный разрыв каких бы то ни было связей с моим единственным братом. Поэтому я не стал заполнять эти документы. В итоге председатель ученого совета института отозвал из ВАКа мои документы, была назначена комиссия для разбора моего «дела».

Непродление мною допуска было квалифицировано как «антипатриотический поступок», на основании чего на состоявшемся в 1980 году заседании ученого совета я был лишен присужденной мне ученой степени (по политическим причинам).

В то время я пытался обжаловать это решение, обращался в различные инстанции, вплоть до самых высоких, но тщетно.

Прошло несколько лет. Я продолжал работать. Упомянутое решение не пересматривалось, однако администрация института всячески подталкивала меня к тому, чтобы я вновь защищал диссертацию, хотя научное содержание моей диссертации никем не оспаривалось. В конце концов я согласился. К тому времени мною был получен ряд новых научных результатов, которые были дополнительно включены в мою работу. Диссертация была несколько переработана и усовершенствована.

В 1985 году я вновь защитил ее. Из 15 присутствовавших членов ученого совета 14 проголосовали «за». Однако ВАК направил ее на так называемую «коллективную рецензию» в Московский институт инженеров гражданской авиации (совершенно другая отрасль). В конце рецензии

было сказано о том, что неясно отношение руководства моего института к определенным параграфам инструкции ВАКа, на основании которых ранее меня лишили ученой степени (за «антипатриотический» поступок). В результате ВАК не утвердил диссертацию. В течение двух лет после этого я тщетно пытался обжаловать это решение.

Несмотря на очевидность приводившихся мною аргументов, весомость полученных научных результатов, поддержку правоты моего дела со стороны ведущих ученых в данной области, добиться справедливости не удалось.

Я продолжаю работать в том же институте. Ежедневно встречаю людей, когда-то осудивших и наказавших меня за якобы «антипатриотический» поступок, процветающих, довольных собой. Я же был отодвинут на вторые позиции, длительное время подвергался официальной и неофициальной опале. До сих пор многие сотрудники знают, что я совершил что-то нехорошее, за что меня разжаловали, хотя и не знают, что именно. Ведь злополучное решение об осуждении меня за «антипатриотический» поступок до сих пор не отменено.

Я. А. КАЧЕРОВИЧ,
ведущий инженер-конструктор НИИ радио

■

Пишу под впечатлением от обложки № 36 «Огонька». Надпись на ней — «День победы», на фото Ельцин и Руцкой. Да, они победители, а побежденные — все остальные, граждане могучего когда-то государства под названием СССР. Это они с Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе разрушили и продолжают разрушать государство, партию, экономику, финансы, оборонный потенциал, армию, искусство. В этом им активно помогает пресса, в том числе и ваш журнал.

Они нарушили мировой баланс сил, увеличили вероятность войны, по их воле льется кровь, миллионы беженцев ищут кров. Это они ездят в Вашингтон за подаянием. На другой день после «победы» Ельцин признал независимость прибалтийских республик, а недавно делегация Российского парламента под руководством Красавченко не усмотрела притеснения русского населения в Приднестровье. Тут же «демократическая» пресса оказывает моральную поддержку исламским фундаменталистам в Таджикистане.

Да, видимо, много одеколона выпито великим русским народом, если он терпит таких правителей. Москвичам я не верю, москвичи все хотят быть господами, да к тому же я прочитал, что в столице почти около миллиона гомосексуалистов. Ждать от москвичей нечего. Но остальные? Неужели в остальных ничего не осталось от русских?

В. Б. РЯБЕЦ
Славута Хмельницкой области

■

15 лет я был подписчиком «Огонька», а вот теперь прощаюсь с ним. Прощаюсь, потому что пенсия у меня, как у инвалида II группы с детства по зрению, всего 70 рублей. После 2 апреля наши политические монстры лишили меня возможности подписаться. Но есть одно обстоятельство, которое заставило обратиться к вам.

Российское телевидение показало, как слуги народа делили духовную литературу: Библию, Евангелие. Власть имущие пускали в ход все, лишь бы схватить бесплатную книгу, да еще не одну. Я мечтаю о Библии, но мне она не по карману, 140 «деревянных» взять негде. Зато депутатам — бесплатно. Не думаю, что у них доход меньше, чем у меня. Радио, газеты часто сообщают о гуманитарной помощи. Теперь ясно, куда она идет.

Мне уже за сорок, приходится мириться, что нет пальто, ботинок, костюма, но смириться с тем, что собственное правительство лишило возможности читать «Огонек», не могу.

А. Г. НЕСТЕРЕНКО
с. Кищенцы Черкасской области

■

Сразу хочу заявить, что к Ленину отношусь крайне отрицательно, считаю его величайшим преступником всех времен и народов, если таковой титул имеет право на существование.

Тем не менее уверен, что переносить тело Ленина на кладбище в С.-Петербург сейчас нельзя — не дадут ему спокойно лежать, надругаются над могилой или еще того хуже... Свежий пример — надругательство над могилой маршала Ахромеева. Нужно будет постоянно держать охрану, а это, согласитесь, все-таки уже будет не почетный пост № 1, как теперь.

Вопрос о захоронении Ленина нужно решать комплексно, вместе с другими захоронениями около и в Кремлевской стене. Нельзя держать кладбище на центральной площади страны. Мы к этому привыкли за столько лет, но, по сути, это дикость и варварство.

Поэтому считаю, что тело Ленина, все другие захоронения и урны с прахом с должным уважением к смерти (независимо от имен) нужно перенести с Красной площади и предать земле в одном месте — на одном из московских кладбищ или выделить для этого специальный участок, оформить его архитектурно и обязательно организовать постоянную охрану, используя для этого то же подразделение кремлевского караула, которое сейчас охраняет Мавзолей.

Е. Е. ЕФИМОВ
Одесса

■

Я не видел лиц восьмерых подростков, избивших на площадке Ленинских гор, напротив здания университета, моего сына. Я хотел бы, чтобы эти строчки попали им на глаза, пусть так же случайно, как попал на глаза мой сын, олицетворивший для них образ врага.

Мне 53 года, я не был на войне, не имею заслуг и привилегий, особо выделяющих мой статус и оберегающих честь. Я отношу себя к рядовой интеллигенции. Пусть это нескромно, но я убежден в абсолютной ценности этого звания.

Смотрю на сына. Изуродованное, вздутое лицо с лиловыми синяками под глазами, ссадинами на лбу, скуле. Вывернутые распухшие губы. Откуда столько ненависти к впервые встреченному человеку? Он шел из театральной мастерской, где плотничает по штату, с рюкзачком, с инструментами, сутулый, худой, в очках. Да, он носил длинные волосы, перехваченные налобной повязкой на манер русских мастеровых. Судя по тому, что его остригли, обкромсали грубо и наспех, пока он лежал без сознания, была конкретная установка на прическу. И ножницы были приготовлены загодя, и модель выбрана, и чувства накручены...

Я не могу понять злобы дикой стаи — урлы, упивавшейся насилием. Ненависть не бывает беспричинной. Не пройдя в своем воспитании элементарной школы добра, не умея жалеть и сочувствовать, такие социологизированные отрывыши начинают творить себе врага раньше, чем понимают смысл дружбы, приобщаясь таким вывернутым образом к общественной жизни.

Буржуи, нэпманы, меньшевики, кулаки, попы, космополиты, морганисты, немецкие шпионы, евреи — этот официальный список готовых ярлыков «врагов» разного рода можно писать бесконечно от революции до наших дней. Да, любое общество полярно по многим моментам и на разных уровнях, но такой легкости безнаказанной расправы над выявленным «врагом», наверное, нет нигде в мире.

Нет, это не уголовники, они детали социального механизма, жестокая функция которых предусмотрена и заложена в чертежи общества задолго до их рождения. Они просто сработали вне прямого указания, по личной инициативе, но в недрах и по логике все той же машины, ничего не изменив и не нарушив в ней. Даже ничего не отняли у избитого человека, даже побрызгали водой, привели в чувство, поставили на ноги, собрали рассыпанные вещички и показали, куда идти. Все как в «честной» борьбе, при свете дня, практически на виду.

Так что же нам делать? Отказаться от своей особенности ввиду неизбежной агрессивной реакции на нее? Уповать на писаные законы и права, практическая эфемерность которых на виду, а теоретическая эффективность весьма проблематична? Или жить, как в джунглях, кусаясь на каждый укус, вооружась мышцами, зубами, когтями, приемами, пистолетами? Но урла́ и антиурла́ — много ли между ними разницы, и разве существует в принципе гарантированное равновесие сил, ненавидящих друг друга? Зло в своем совершенствовании тоже не знает предела; непреображенное, оно только усиливается от каждого очередного отпора.

Насилие — это не только трагедия потерпевшей личности, покушение на чудо ее внутреннего мира, но это и Каинова цепь для того, кто насильничает.

А. Ф. ОСИПОВ,
старший научный сотрудник МИТХТ имени М. В. Ломоносова

■

Время нынче сложное. То Донецкий металлургический комбинат, то Новолипецкий вот-вот остановятся. Нет металла, нет сырья. И это в нашей стране, где у Кронштадтского причала стоят никому не нужные списанные подводные лодки, каждая больше тысячи тонн весом, одна уже затонула. По всей Волге торчат остовы судов, а в районе Астрахани их целое кладбище. Под Инкерманом другое кладбище — уже военных кораблей. Сколько же в стране затонувшего металла?

Как правило, списанные корабли должны быть укомплектованы, и отправляются они на собственное кладбище своим ходом. Покоятся там десятки лет. У нас в Мариуполе металлургический комбинат «Азовсталь» выходит к морю, имеет свой причал, откуда шихта судами доставляется в Керчь. Если вложить деньги и построить дополнительные причалы у завода, то списанные корабли можно было бы резать на месте и сразу использовать металлолом на заводе. Какая была бы выгода, а? И не только металл и сокращение транспортных расходов. При разделочной базе отдельная бригада могла бы снимать внутреннюю отделку кают, кубриков, полки, светильники, электроаппаратуру и продавать все это населению.

Увы, нам металлолом не нужен, мы будем руду добывать и развивать доменный процесс или продадим списанные суда Финляндии...

Л. Г. САХАРОВ
Мариуполь

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Не стало Ирины Федоровны Пузановой. Она пришла к нам в редакцию семнадцать лет назад скромной, старательной машинисткой. О ее добросовестности, чувстве ответственности ходили легенды. И когда понадобился человек, который мог бы возглавить административно-хозяйственный отдел, всем было ясно: «Лучшего, чем Ирина Федоровна, нам не найти».

Ирина Пузанова успевала везде и во всем — не считалась с собой, везла тяжкую поклажу редакционных хлопот, даже когда подкрадывалась к ней тяжелая неизлечимая болезнь...

Мы будем всегда помнить Ирину Федоровну.

Огоньковцы

БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

Эти люди... эти цветущие молодые парни семидесятых, бросившие молодость под ноги великой космической державы, отработавшие на нее честно и сполна,— они остались почти теми же. Их личная честь не пострадала. Значит, они победители. В центре — Миша Гришков. Его история, как и истории остальных, имеется в подробной записи. Всмотритесь в них, организаторы космических «испытаний». Узнаете? Евгений Кирюшин, Сергей Нефедов, Виктор Волков, Михаил Ходжаков и Хайдар Хобихожин в гостях у Миши Гришкова.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Нина ЧУГУНОВА

«...если кто-то из нас сорвется в эксперименте (забарахлило сердце, возник тромбофлебит, аллергия), путь один — увольняйся по собственному желанию. И это уже система. Некоторых испытателей, проработавших по 10 и более лет, просто выживают как непригодных».

Из третьего безответного письма в «Правду» «группы испытателей». 1974 г.

ГАЛЕРНИКИ КОСМОСА

В семидесятые годы в Москве в полувоенном научном учреждении с общим названием Институт медико-биологических проблем, занимавшемся вопросами пребывания человека в космосе (к тому времени стало ясно, что пребывание становится все более длительным), имелась группа профессиональных испытуемых, числившихся на должностях механиков или лаборантов со смехотворным даже по тем временам окладом, а в документах «испытаний» фигурировавших в качестве привлеченных добровольцев.

Ни прежде (институт был отделен от военного института авиационной медицины в 63-м году), ни потом эта группа не была столь многочисленной — около пятнадцати человек. Ни одна космическая или военная держава (исключение всегда может составить государство с тоталитарным социалистическим режимом) не использовала для военных, медицинских и иных целей своих граждан в качестве испытуемых, то есть людей, в чьи служебные обязанности входит исключительно подвергание себя воздействию враждебной среды или вредных факторов за деньги, которые являются единственным источником дохода для них, порой для семьи, и отдающих этому занятию столько времени и сил, что поиск иных форм самовыражения, развитие и творчество становятся для таких людей практически невозможны.

Речь идет о галерниках космоса.

Те, с кем мне удалось встретиться сейчас, прервали многолетнее молчание: для большинства стремление забыть «лучшие годы жизни» сделалось сродни задаче выжить в не подходящей для жизни среде.

Необходимо указать на разницу в подходах... разницу в самой идеологии работы с испытуемыми у нас и у них. Приводим изложение прав испытуемых-добровольцев, как это принято в США, с пометками бывшего механика ИМБП Сергея Нефедова («да», если подобное практикуется и в СССР).

Испытуемый имеет право: 1) быть проинформированным о характере и целях эксперимента на языке, доступном для понимания испытуемым (и да, и нет); 2) получить разъяснения о методах и препаратах, которые будут применяться (нет); 3) получить информацию о риске, связанном с участием в экспериментах (нет); 4) иметь возможность задавать дополнительные вопросы по ходу исследований (нет); 5) решать, соглашаться или не соглашаться на участие (нет); 6) получить копию подписанного им согласия на участие (нет!); 7) обратиться за разъяснением в организацию, санкционировавшую проведение экспериментов (нет); 8) в случае развития осложнений получить медицинское лечение (нет); 9) давать письменное согласие в присутствии свидетелей (нет); 10) ...которые также ставят свои подписи (нет).

Стоит ли сейчас задаваться вопросом, почему у нас была другая (абсурдная, унизительная, преступная, вредящая человеку и делу — читатель скоро сам подберет эпитет) организация медицинских экспериментов?

Да потому лишь, что н а м так было удобнее!

У СОВЕТСКИХ СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ...

Космос был не только сильнейшим транквилизатором, он объяснял все и все — оправдывал. И те, кто начал в «в/ч» у станции метро «Динамо», там на заре юности глотнул разреженного воздуха «космического эксперимента», и кто пришел с улицы, пролетел медкомиссию, как ласточка, от первой выплаты воспарил орлом, купив кое-что из мебели, они все были необыкновенно одарены, созданы для иного поприща. Поди узнай, какого...

Слово «эксперимент» не произносилось. «Работы». Так начиналась игра в секретность, любимая народом. Жены, поневоле или против воли, должны были включиться в эту игру: они становились как бы женами космонавтов... они были женами засекреченных, разовые выплаты за эксперимент и они не делили на двенадцать месяцев, особые трудности даже возвышали их над повсеместно распространенными.

(Не так? Но разве безупречность парадного космоса, совершенно очищенного от потного духа тяжелой человечьей работы, его волшебная успешливость, его надбытность, любимая нами во всем, внезап-

Окончание. Начало в № 43.

ность праздника, обрушившегося, как Новый год на карапуза, не рождали в нас теперь пугающее, наркотическое чувство правоты? Вот почему первые советские космические катастрофы, кроме человеческого чувства жалости, вызвали еще и коммунистическое: бешено уязвили гордость.

Не были мы готовы узнать про механиков, готовивших парад. И «Правда», не отвечавшая на письма испытателей, была права по-своему: народ не понял бы.

Но, похоже, и «механики» в нас не нуждались: ни в жалости, ни в уязвленной гордости народа. Много ли мы знаем о высокомерии безымянной славы?

Но самой могущественной силой, державшей их годами в надземном состоянии, был, конечно, ЭКСПЕРИМЕНТ.

АЗАРТ

К моменту первого полета было известно, что может встретить человека в космосе.

Самое длительное неприятное состояние человека при невесомости продолжается десять суток. Все это время организм лихорадочно перестраивается... Процесс адаптации может из землянина сделать космическое существо: сердцу легче качать кровь, мышцы не испытывают обычной нагрузки (за полтора месяца полета теряется до полутора килограммов мышц). Медики должны были не только помочь космонавту после тягот взлета освоиться с невесомостью, но и воспрепятствовать губительной метаморфозе организма, когда гравитация Земли угрожает смертью.

Гипокинезия — пребывание в лежачем состоянии, отрицательный наклон в шесть градусов — традиционно имитировала невесомость.

Потом начались опыты с иммерсией — пребыванием в воде. Иммерсия действовала даже сильнее, чем собственно невесомость. Но гипокинезия была дешевле.

«Здравствуй, Надюша. Пишу тебе лежа. Немного неудобно, но ничего. Вчера вечером ты звонила, но ребята не стали меня будить, потому что мы до этого времени долго не спали. Поднимаюсь я в следующий вторник. Надюша, я получил сорок рублей, семь рублей занял ребятам, а тридцать передаю тебе. Насчет моей следующей работы еще неизвестно, но я потом сообщу».

«Здравствуй, дорогая Надюша. Вот сейчас утро, у нас с Женькой (Кирюшиным.— Н. Ч.) полнымполно исследований, и вдруг приходит Сашка Огурцов и сообщает эту радостную — сын! Да еще богатырь. Опиши подробно, какой он».

«Надюша, здравствуй, посылаю тебе пока 35 рублей, потому что мне надо отдать на комсомол рубль двадцать, за профсоюз и Волкову собирае. **(Вите Волкову собирали, когда он «перекатался», это сделалось традицией братства, которая помогла выжить Мише Гришкову...— Н. Ч.)**

«...смотрите, осторожно, не поскользнитесь нигде, погода сейчас, говорят, такая... Я выйду 17-го, но домой попаду не сразу».

Это письма «из гипокинезии и барокамеры». Жену Сергея Нефедова Надю отвозил в роддом и привозил из роддома друг семьи Саша Огурцов. Когда Саша внезапно умер, незадолго перед тем уйдя из «испытателей», в группе прошел нехороший слух, что все Сашины медицинские карты изъяты из картотеки клинического отдела...

Когда Сергей Нефедов пишет эти строчки, Саша жив и здоров.

Все молоды и счастливы, идет 72-й год.

Саша жив, но уже сорвался Волков.

В тот день Сергей Нефедов также должен был вращаться, в тройке: с Витей и Юрой Бараташвили.

«Я заметил, что накануне он много курил, пришел в стационар, где мы находились перед вращением, очень поздно. Отговорить от вращения я его не мог, это был вопрос самолюбия, я лишь, как старший в группе, еще раз проинструктировал его на случай срочного останова и счел своим долгом отвращаться первым. Потом я не выдержал, поднялся на пульт, где были главный инженер и главврач Шульженко: меня допускали иногда на пульт, но вмешиваться я, конечно, не имел права.

...Витю распаковали от датчиков, подняться ему не разрешили, перенесли в «Скорую», потом дождались, когда отвращается Юра, и поехали. Я взял Витю за руку, он отвел глаза. В клинотделе уже все знали, ждали. Тройка Жени Кирюшина должна была вращаться наутро. Женя шел по коридору, спросил: ну, что? Я посмотрел на него. Он махнул рукой горестно. Потом мы пошли и покурили. Витьку потом долго мурыжили, переводили в разряд «практически здорового человека», но сердце уже было посажено. Тогда такие сильные испытатели, как Ваня Харачебан, Алексей Гаврилин, Юра Николаев, Роман Коцан и Миша Маликов, имели солидные противопоказания. Витя немного посидел на ста рублях и ушел».

Аварийный останов центрифуги всегда сопровождался такой картиной: распахиваются двери — и летят врачи. Был там один, по прозвищу Борода. Он, подлетев, не спрашивал, что с тобой, он немедленно брал кровь для анализа.

У них были исколоты пальцы, вены...

При совершенной очевидности итога **(Евгений Кирюшин:** «Из в/ч в худшем случае уходили инвалидами, но с орденами»; **Сергей Нефедов:** «Ущерб здоровью был мощнейший, вот почему после истории с Волковым затоÍропились списывать: пока ничего не случилось, пока можно списать «здорового») они были не привязаны к работе — прикованы к ней, и тяжесть эксперимента властвовала над ними, как наркотик (выражение Сергея Нефедова).

Они все знали настоящий азарт. Для космонавтов предельная норма вращений на центрифуге при 8 «ж» — две минуты. Нефедов «восьмерку» откатал 17 минут.

— Кто-то здесь собирается заработать все деньги,— услышал он (разные люди были и среди испытателей).

За эти 17 минут он заработал 54 рубля.

Деньги, даже когда они казались большими, никогда не были на первом плане, и, получив значительную сумму, они могли пойти в «Загородку» — так называли ресторан «Загородный». В ресторане их отличали...

(Когда после знаменитого 56-суточного эксперимента с иммерсией счастливый Евгений Борисович Шульженко на радостях выдаст Сергею Нефедову профсоюзную бумагу на покупку машины, на эту машину будут собирать по друзьям, на обмывание останется 17 рублей с копейками, а потом все равно ее придется продать, чтоб не впадать в долги.)

Этот уникальный эксперимент с иммерсией, в котором участвовал Сергей Нефедов, связан именно с азартом. Иммерсионные испытания начинались с десятичасовых экспериментов. Дошли до восьми суток. «Но была грандиозная мечта — пятьдесят шесть». В тот раз Сергей Нефедов и Игорь Палатов заступили на двадцать восемь... (Иммерсию описать сложно, особенно мучения иммерсии: изнывающее от «невесомости» тело, погруженное в воду, обернутое спецтканью, потеря чувства времени...) Он должен был подниматься, открутить положенное на центрифуге (обязательная имитация возвращения на Землю, вращение проводили также и в ходе иммерсии), когда Шульженко просто задохнулся от идеи: пятьдесят шесть суток!!!

Он побежал добиваться разрешения, а Нефедова перевели на центрифугу, началось вращение... «Я старался не допустить мысли, что вот сейчас могу встать, вернуться домой, допустить подобную мысль означало впасть в риск срыва».

Вращение заканчивалось, закончилось..., «и тут врывается Шульженко, весь развевающийся, и что-то кричит победное. Разрешили».

Весь развевающийся. По материалам, полученным в результате иммерсионных исследований, Шульженко защитил докторскую, банкет состоялся, когда Нефедов лежал в очередной гипокинезии, к столу банкетному доктору наук доставили телеграмму со стихами: «Я знал, что роль воды в природе велика...» Это написал Сергей Нефедов, он ужасно радовался нашей победе, все вокруг говорили об ордене, и только много позже, когда испытатели восстали, потребовав себе статуса испытателей (долгая, изнурительная, безрезультатная в итоге борьба), Кирюшин в одном кабинете вдруг «бестактно» вспомнил:

— Ну, хорошо, а где же орден для Нефедова обещанный?

От пятидесятишестисуточной иммерсии у Нефедова остался не орден, не похвальная грамота. Ощущение жизни. Вот чем они держались.

Они жили от эксперимента к эксперименту, носимые в эксперименте на руках в буквальном и переносном смысле слова, возвращающиеся из эксперимента, как спускаются с гор, смотревшие на измученных с маленькими детьми жен, как, видимо, смотрят на жен гонщики и альпинисты, через сутки-двое начинавшие испытывать первые признаки голода: их тянуло назад.

Чем это оборачивалось для семьи? Один из них сказал коротко: «Тысячекратными призывами к разводу».

Чем это оборачивалось для них? Одиночеством.

Рассказывает Сергей Нефедов: ***«Как-то мы с Юрой Афониным должны были отсидеть пять суток в камере с повышенным содержанием CO_2. Мы знали, что аварийное содержание этого газа на подводной лодке — три процента. У нас было 5,2 процента. Надо было с семи утра до половины одиннадцатого ночи работать, вести записи. Состояние одышки дошло до того, что просто не знали, что делать, потом полегчало, но мы знали, что приближается вторая волна ухудшения. Камера была маленькая, две полочки, как в купе. Вот ночь, я лежу наверху и слушаю: то Юра шевелился там внизу, боролся, а теперь не шевелится. Говорю себе: надо посмотреть, надо посмотреть. Это страшно трудно. Наконец свесил голову: он лежит, глаза открыты, ко рту платок прижал, и кровь идет. Ну, мы попросили что-то, а прекратить не прекратили».***

(Потом Кирюшин и Нефедов повторили эксперимент: провели в камере с повышенным содержанием CO_2 месяц.)

«Еще тяжелой всегда была центрифуга. Каждый раз ее надо было преодолевать сызнова! Это такой аппарат, что привыкнуть к нему невозможно, его надо побороть. И я, входя в зал, каждый раз, приближаясь к этому монстру, слегка так... кланялся ему».

Монстр центрифуги мог заставить сойти через три секунды.

Монстр эксперимента требовал полного подчинения себе.

Они стали настоящими профессионалами.

На общем фоне деятельности института пятнадцать испытателей терялись. Академик Газенко (в ту пору директор института, генерал-лейтенант) сожалел, что мало что может мне рассказать об испытателях, так как не сталкивался с ними лично.

Но очевидно: эта маленькая группа несла полувоенной науке самые достоверные сведения.

ЗОНДИРОВАНИЕ СЕРДЦА

При очевидном итоге каждый, конечно, считал себя защищенным от него. Это не было эгоистическое чувство: за годы, проведенные в экспериментах, на пределе психического напряжения, не рассорились Нефедов и Кирюшин. Не то чтобы каждый втайне считал себя самым здоровым. Просто легче было несчастье воспринимать как случайное. Это скорее поймут те же гонщики и альпинисты.

А кроме того, стало очевидным, что за порогом института их ничего не ждет.

А кроме того, они умели войти в эксперимент и выйти из него. Пусть выход порой осуществлялся с применением «самого действенного средства» — не было иного, а сменяющая эйфорию возвращения депрессия становилась непременным спутником их. А кроме того: «Я мог вечером напиться вдребезги, но утром пять километров пробежки были мои».

А кроме того... коротенькие «звоночки», сигналы об опасности... их можно было не слушать. «Ну, раз остановили вращение по показаниям».

Главное: сердце без этой работы уже не могло.

Последние годы Нефедов был старшим в команде, а у Саши Огурцова к тому времени уже были значительные ограничения, к высотным экспериментам его не допускали, и он ходил к Нефедову, планировавшему эксперименты, просил... и было летнее затишье, и хотелось, чтобы Саша подзаработал...

Монстр эксперимента все ближе придвигался к ним.

Некоторые подробности они узнавали в ходе «работы». **Евгений Кирюшин:** «Могли сказать: вот, прими эти таблеточки. Характер воздействия таблеточек был неизвестен». **Михаил Ходжаков:** «Однажды после эксперимента мне дали стакан спирта. Я выпил, считая, что это средство реабилитации, но в экспериментах с фармпрепаратами не участвовал: как внештатник мог выбирать».

Одна работа неожиданно потребовала биопсии мышечной ткани. Тогда их перед началом основного эксперимента повезли в клинику, распределили по палатам.

«Потом больные, узнавая, зачем мы здесь, изумлялись. Они говорили: вы закладываете собственное здоровье. Нам тогда это казалось старческим...»

Перед началом процедуры сидели в палате с гитарой. Неслышно вошел врач, приблизился к Нефедову и тихо сказал: «Пошли, Сережа?» На обратном пути Сергей собрал все силы, чтобы мимо палаты, где сидели с гитарой, проковылять весело.

Врач разрезал голень, внедрял инструменты в мышцу, добывал нужный отрезок и бросал в лед. Так с каждым.

Через пятнадцать лет мне позвонил Сергей Нефедов и сказал о том, что стало его беспокоить только сейчас. Хорошо, он, старший, опытный, мужественный, улыбаясь, проковылял мимо ребят, которых в операционной ждал врач, не хирург, а просто приглашенный к пустячной работе нейрохирург (дело-то простое: ногу разрезать и кусочек мышцы вырезать!).

— А что обо мне потом думали ребята? Об улыбавшемся: мол, «все в порядке и даже очень весело»? — сказал он.

Не знаю... И сколько докторских было защищено, не знаю.

Тогда Евгений Кирюшин понял, что ему стыдно и что он «подопытный кролик». С этой процедуры, не обошедшейся без осложнений, началось отрезвление.

Может, слово неточное, высокопарное. Но «жене рассказать о биопсии уже было невозможно».

Зондирование сердца проводилось в 76-м году.

Рассказывает Евгений Кирюшин: ***«У меня не было глубокого наркоза. Мне ввели препарат, который парализует абсолютно все мышцы, кроме сердечной, на этом фоне был наркоз типа нейролетонайгезии, то есть сознание не вырубается. Все манипуляции: искусственное дыхание, зондирование сердца,— все я отчетливо воспринимал. Психический удар был настолько мощным, что я выходил из этого состояния месяца четыре. Собственно, манипуляции те со мной продолжались часа два-три, и за это время несколько раз пропадало сознание, а когда я приходил в себя, то понимал: опять длится эта мука. Это дико вспомнить. Дико. Дико. Я, наверное, перегорел на этом эксперименте».***

Рассказывает Сергей Нефедов: ***«Меня, говоря медицинским языком, интубировал Валерий Васильевич Богомолов. Что касается неприятностей, то вводится через подключичную вену специальная игла, через нее катетер, катетер подходит к сердечной полости, в этот момент состояние страшное».*** **Кирюшин:** ***«...то ли предынфарктное, то ли предсмертное».*** **Нефедов:** ***«Потом легче. Когда мне дали наркоз и стали интубировать, я вдруг взял и открыл глаза, и им ничего не оставалось, как вкатить еще одну дозу. Богомолов потом сказал мне: «Если бы это был не ты, могло бы кончиться совсем плохо».***

Зондирование сердца тоже не было основным экспериментом. Это был так... заключительный момент гипокинезии.

Не так давно одна молодая умная женщина спросила Сергея Нефедова: с чем можно было бы сравнить их работу? И он моментально вдруг ответил очень точно: с униформой в цирке.

Вот он стоит на краю арены и думает: не надо мне ни полета на Луну, ничего. Пусти, хоть коверным, на арену, в этот круг, пусти...

С края арены один путь нормальный — в круг. Слишком редкая профессия. Если не в круг, если в мир — куда? В швейцары, в истопники? (Женя Кирюшин дважды пытался начать учебу в институте, получилось во второй, но нужно обладать железной волей Евгения Кирюшина, чтобы во второй раз не плюнуть, не бросить, как в первый, а начать читать учебники, лежа «вниз головой». Сергей Нефедов поступил на следующий год.) «...слишком редкая, слишком захватывающая...», а в душе хотелось думать, что можем рассчитывать на что-то более качественное. Был один такой разговор с Шульженко. Отеческий. Отеческий разговор или, может быть, отеческая фраза Евгения Борисовича Шульженко о возможности перехода в отряд подготовки космонавтов пусть останется на совести этого ученого, возглавляющего теперь Третье управление. Этой фразы вполне было достаточно, чтобы надежда уже не отпускала их.

Все гражданские космонавты проходили подготовку у испытателей, у них учились, как справиться с тем же монстром центрифуги, так подтверждая высокое положение испытателей (имена, названные мной, космонавты немедленно вспомнят), и в эти моменты они были одним отрядом, вот только потом одни уходили в круг света, морщась от прожекторов, как от боли (пусть картинка эта слишком красива: драма тех, кто по двадцать лет готовился к полету, так и не взлетев, это особый разговор)...

А другие?

ДРУГИЕ

«12 апреля однажды сидели с врачами на канале имени Москвы: костер, шампанское, песни. Когда возвращались, наискосок стояла подвыпившая компания, один отделился... началась солидная драчка, потом меня одного подстерегли человек восемь. Домой я пришел в одних брюках и себя в зеркале не узнал, а наутро меня тихонько направляли то к терапевту, то к хирургу... Мы, конечно, были сильнее. Мы те, да не те!..»

«Саша Огурцов был широкой натурой. Но он мог и психануть. Мог психануть в ресторане».

«76-й год. Вставали с трудом. Реабилитация проходила в институте Склифосовского. Я был на нулях. Стою у подъезда, покуриваю и думаю: ну что, удавиться? Там больные ходили, я думал: счастливые, они тут лечатся, ничто их не давит. Подошел Богомолов, спросил: Женя, ты чего такой? — и дал машину, разрешил съездить домой! Этот человек — колоссальный психолог. Он догадывался о нашем состоянии. Но профессионально психологи нами не занимались, у них тоже были свои темы, свои диссертации. Мы для них были материал.

Когда наступала передышка, думалось: елки-палки, какой я был нервный. Но с годами груз накапливался, и в новый эксперимент уже входили, не восстановившись. Потом стало совсем тяжело восстанавливаться.

Я на всю жизнь запомнил финал эксперимента 76-го года: сидит взрослый тридцатилетний парень и плачет. Час, второй, третий. Успокоить его не могут, отправляют домой. Я оклемался быстрее, но я раньше понял: «Боже, до чего я дошел, чему я уподобился!» А когда в 72-м для высоких целей понадобился костный мозг, Георгий Петрович Михайловский говорил нам: ну, с чем это можно сравнить? Вы курочку ели? Так вот там в косточке...»

«Лучшей эмоциональной разрядки, кроме как в алкоголе, мы не видели».

Женя Кирюшин и Сергей Нефедов. 1971 год.

Евгений Кирюшин и Сергей Нефедов — из тех, кто ушел вовремя, то есть прежде чем выработался весь, и кто, отчетливо представляя самый простой итог, годы сопротивлялся тому, к чему толкала «работа».

Сопротивлялись не все.

Среди испытателей-внештатников выделялся Сергей Дюкалин. Мастер спорта по гимнастике, удивительная личность. Когда сын Сергея Нефедова, Женька, был еще маленький, Дюкалин любил, придя в гости, поставить его на ладонь.

— Смотри, он стоит, он царь! Это царь! Он должен стать гимнастом.

Дюкалин, побывав в эксперименте, хлебнул этого воздуха и другой жизни уже не знал. Но что-то в эксперименты его не брали. Он стал пить...

Он прыгнул с балкона. Возможно, он и не был пьян в тот момент. Он остался жив, но покалечился. После он чувствовал себя превосходно лишь в том случае, когда с кем-то говорил об экспериментах. Сергей Нефедов приходил к нему и говорил об экспериментах.

Сильно стал пить тот, кто когда-то бросил в спину Нефедову: кто-то здесь хочет заработать все деньги!

Упал и умер тридцатишестилетний Дружинин. Тромб в артерии. Через год после того, как уволился из института, утром, выходя на работу, упал в подъезде Саша Огурцов. Увезли в Боткинскую. Он умер на следующий день. Вскрытие показало: опухоль мозга.

Борис Пашкин умер: залез в петлю. Он был хороший радиоинженер...

Год назад умер Альберт Аюпов.

Шесть лет неподвижен Миша Гришков.

Игорь Диков выбросился из окна.

КОНЕЦ

Фотография на скорую руку накрытого стола с двумя бутылками шампанского хранилась долго. На ней Шульженко обнимает молодого испытателя. Тогда все хотели обнять Сергея Нефедова, сфотографироваться с ним: так заканчивались знаменитые 56 суток. Потом были другие серии. Потом фотография куда-то пропала.

«Эхо Москвы» и «Шакур-Инвест» представляют:
«Девятнадцатое, двадцатое, двадцать первое...»
СВОБОДНОЕ РАДИО ДЛЯ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ
Три дня переворота глазами журналистов «Радио-М», документы, фотографии.
Первая книга по горячим следам событий.
«Шакур-Инвест» принимает заявки по телефону: 928-92-57.

«ЭКРАН И СЦЕНА»:
ВСЕ НОВОСТИ И СТРАСТИ КУЛЬТУРЫ.
СВОБОДНАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО ЧЕЛОВЕКА.
В ИЮЛЕ ГАЗЕТА ЗАКРЫВАЛАСЬ ЦК КПСС, В АВГУСТЕ — ГКЧП, НО СНОВА ОТКРЫТА ДЛЯ ВАС.
ИНДЕКС 50182.
ЦЕНА ПОДПИСКИ НА 1992 ГОД — 18.60,
НА ПОЛГОДА — 9.30,
НА ТРИ МЕСЯЦА — 4.65.
ЕСЛИ ВАМ ОТКАЖУТ НА ПОЧТЕ, ССЫЛАЙТЕСЬ НА ПРИЛОЖЕНИЕ № 2 К ПОДПИСНОМУ КАТАЛОГУ НА 1992 ГОД.

Организация продает быстро и по доступным ценам продукцию фирмы GOLDSTAR. Высший мировой уровень по самым низким для вас ценам:

– ТЕЛЕВИЗОРЫ
– ВИДЕОТЕХНИКА
– МИКРОВОЛНОВЫЕ ПЕЧИ
– АУДИОТЕХНИКА
– ПЫЛЕСОСЫ, ХОЛОДИЛЬНИКИ И ДРУГАЯ БЫТОВАЯ АППАРАТУРА.

Организация осуществляет гарантийное обслуживание:
1 год бесплатно, четыре года за рубли.

ПРЕПОДАЮЩИМ И ИЗУЧАЮЩИМ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ПО ИНТЕНСИВНОМУ МЕТОДУ

Учебный центр предлагает комплект учебных материалов

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ:

Комплект на основе Лондонского интенсивного курса: учебник, сборник упражнений, лексический справочник, кассета. Цена — 270 руб.

Тот же комплект с расширенным лингафонным курсом (4 кассеты). Цена — 380 руб.

Комплект на основе Оксфордского интенсивного курса: учебник, лексический справочник, пособие по дополнительному чтению, кассета. Цена — 280 руб.

ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВУЮЩИХСЯ:

«Первые шаги в США» — пособие по разговорной речи (американский вариант) с кассетой. Цена — 150 руб.

Материалы высылаются по получении почтового перевода. 103016, Москва, Авиабанк, Экспресс-бизнес 345019, ЦОУ при Госбанке СССР,
р/с 161820 МФО 299112.
Телефон: 281-88-16.

Александр МУРЗИН

КАК Я ПИСАЛ «ЦЕЛИНУ»

**Вопрос о «заавторстве»
«литературных шедевров» Л. И. Брежнева
обсуждается
вот уже тринадцатый год.
Еще до 1985 года
эта тема обсуждалась в обществе
на уровне шепотков, догадок, слухов,
доверительных признаний прямых
и косвенных свидетелей
содеянного подлога.
Сейчас
вокруг «венценосных» мемуаров
продолжают складываться
легенды и мифы.
Но ответа
на действительно серьезные вопросы
пока нет.
Наиболее точно,
полно и по сути
их сформулировал в открытом письме к нам,
анонимным авторам «мемуаров»,
ветеран войны и труда
журналист В. Безуглый.
Он писал:
«Хочу вас спросить:
1) как вас «сватали» на трудное дело,
какими материалами вы пользовались?
2) какое личное участие
принимал непосредственно
в написании книг Л. И. Брежнев?
3) как был поощрен ваш труд
морально и материально?»
Цель этой публикации —
не столько ответить В. Безуглому и тем,
кого интересует все,
что связано с «мемуарной»
эпопеей,
сколько снять наконец
глухую завесу с авантюры
трех особо приближенных
к Л. И. Брежневу лиц:
К. У. Черненко, Л. М. Замятина
и (так и хочется написать
«и примкнувшего к ним») В. Н. Игнатенко.**

Публикуя воспоминания настоящего автора книги «Целина», редакция не может гарантировать полной объективности в освещении этой истории. Однако этот рассказ позволяет многое понять в той обстановке, в которой создавалась мемуарная эпопея Генерального секретаря ЦК КПСС.

Непосредственно меня, как и всю нашу группу, привлек к сотворению будущей «эпопеи» нынешний генеральный директор ТАСС Виталий Игнатенко.

Почему именно он? Кто он, откуда? И кем он был тогда, в апреле 1977 года?

Все объясняется просто, потому что почти все мы, включая В. Н. Игнатенко,— бывшие корреспонденты «Комсомольской правды» и бывшие если не друзья, то, во всяком случае, близкие товарищи, коллеги. Лишь один из нас — Анатолий Аграновский, будущий автор «Возрождения»,— работал в «Известиях». «Вольного» же писателя Аркадия Сахнина (будущего автора «Малой земли»), хоть он и не состоял в штате «Комсомольской правды», я отношу тем не менее к этой газете, ибо именно в ней он долгие годы печатал свои блестящие и дерзкие по тем временам очерки и статьи и пользовался в ней куда большим авторитетом, чем мы, «штатники». Я, будущий автор «Целины», был в 60-х гг. редактором отдела комсомольской жизни и членом редколлегии «Комсомолки».

Теперь напомню тем, кто многое позабыл: через три года после появления в 1978 г. в «Новом мире» шумной трилогии (в № 2 — «Малой земли», в № 5 — «Возрождения» и в № 11 — «Целины») в том же журнале в № 11 за 1981 г. были опубликованы еще две главы «Воспоминаний» — «По заводскому гудку» и «Чувство Родины», а через год с небольшим, уже после смерти Л. И. Брежнева, в № 1 за 1983 г. еще три — «Молдавская весна», «Космический Октябрь» и «Слово о коммунистах». Кто же авторы всех этих глав? С большой натяжкой (позже объясню почему) могу сообщить, что авторами глав «По заводскому гудку» и «Чувство Родины» опять-таки можно назвать А. Аграновского и меня. Кто же остальные? Тут я должен сделать одну существенную оговорку относительно всех моих «соратников» по «мемуарному перу».

Фамилии Аграновского и Сахнина я счел возможным назвать здесь открыто лишь потому, что их имена, как и моя фамилия, все равно уже не раз обнародованы в прессе в связи с нашим «розыском». Хотя я слышал о том, что против какого-либо упоминания имени Аграновского в связи с мемуарами Л. И. Брежнева, не знаю почему, но протестует его семья. Что касается Сахнина, то еще в конце 1988 г. я предложил ему вместе выступить и сказать всю правду об истории создания «мемуаров», чтобы избежать стольких кривотолков, нараставших в прессе, как снежный ком. Я сказал ему: Аграновский умер, кто же выступит, кроме нас? Однако Аркадий Яковлевич, к немалому моему удивлению, не только категорически отказался это сделать, но, мгновенно преобразившись в лице, пригрозил, что подаст на меня в суд, а плюс к тому печатно обвинит меня в клевете, если я посмею выступить сам и обнародовать в связи с этим его фамилию. Все стало ясно, когда он добавил: так же думают В. Н. Игнатенко и В. Г.— автор «Молдавской весны», также известный ранее публицист «Комсомолки», затем «Советской культуры». Оставался еще один В. Г.— автор «Космического Октября», тоже бывший известный журналист «Комсомолки», а ныне работник «Правды». С ним мы просто побеседовали на эту тему. Большой реалист, дипломат и умница, он только мудро улыбнулся: «А зачем? Кому это нужно?»

Поскольку оба эти товарища не давали мне разрешения на огласку их фамилий, я не считаю себя вправе это делать и обозначаю их лишь по их полностью совпадающим инициалам: В. Г.-1 и В. Г.-2.

Так, из пяти подлинных авторов «мемуаров» я остался единственным обладателем этой тайны, готовым честно о ней рассказать.

К апрелю 1977 г. минуло уже 11 лет, как я ушел из «Комсомолки». С друзьями, товарищами оттуда всегда держал и держу связь и поныне, но с В. Н. Игнатенко особо близких отношений у меня не было. Тем более удивил меня его звонок в тот апрельский день 1977 года, когда он пригласил меня назавтра зайти к генеральному директору ТАСС Л. М. Замятину: с чего это он вдруг меня вспомнил? На этот вопрос я смог ответить лишь на другой день, когда узнал причину столь нежданного приглашения.

В декабре 1976 г. исполнялось 70 лет Л. И. Брежневу. В «Правде» лихорадочно думали, как отметить это событие. Сухой, казенной статьей? Нет, надо бы что-то почеловечнее. Выход нашел ответственный секретарь газеты С. Цукасов: дать обзор писем читателей, не преминувших прислать к высокому юбилею не слишком большую, но и немалую кипу таких писем, вполне искренних, написанных от души. Обзор С. Цукасов поручил написать мне, что я и сделал. Он так и назывался — «Строки от души». Отдаю себе отчет, какой камнепад вызываю на себя этим своим признанием, но что было, то было. Скажу лишь, что я выполнил задание, как и положено всякому дисциплинированному сотруднику, и тотчас забыл о своем деянии. А вот В. Н. Игнатенко, как я понял, мой обзор не только заметил, но и не забыл.

Помню, как Виталий (тогда еще не «Никитич») появился в «Комсомольской правде» в начале 60-х — чернявый, высокий, гибкий юноша. Появился как раз в отделе, где блистал пером В. Г.-1. В те годы в «Комсомолке» работали десятки талантливых людей — от В. Пескова, А. Иващенко и А. Нуйкина до совсем молодых, а ныне широко известных А. Стреляного, И. Клямкина и многих, многих других. То были не только яркие таланты, но и яростные бойцы и борцы, настоящие характеры, притом каждый наособицу.

Уже сильно холодало в середине 60-х после хрущевской оттепели, уже ударяли брежневские «морозы», «Комсомолке», стоявшей в те годы на самом левом фланге борьбы за перемены в обществе, было все труднее пытаться что-либо изменить во вновь застывшей, окаменевшей стране. Газету били по всякому поводу, изо дня в день. Летели головы. И лишь В. Н. Игнатенко в этой острой борьбе не участвовал, избегал «опасных» тем.

Едва я перешел в «Правду», как вскоре узнал: В. Н. Игнатенко стал заместителем главного редактора «Комсомолки». Как? За какие доблести? А ни за какие. Просто он чем-то полюбился референту Л. И. Брежнева Е. Самотейкину, «хозяину» которого были повсюду нужны, как известно, не только «стабильные», но и умеренные, послушные кадры. И из «Комсомолки» Игнатенко очень скоро взлетел еще выше — стал заместителем генерального директора ТАСС. Вот в этом качестве он и позвонил мне, пригласив к Л. М. Замятину и добавив интригующе:

— Там увидишь многих наших. Есть, знаешь, такое ответственное и почетное предложение, что никогда и не догадаешься...

Леонид Митрофанович Замятин с приятной, уверенной улыбкой на удлиненном, мягком, «бабьем» лице, все более входя в неподдельный восторг, рассказывал, как ехали недавно он и К. У. Черненко с Леонидом Ильичом в поезде и как тот вспоминал свои детство, юность, молодость — вспоминал жизнь. Какие потрясающие события он пережил! Во скольких лично участвовал! И как удивительно совпадают эти события с важнейшими этапами в жизни страны: тут и коллективизация, индустриализация, и война, и послевоенная разруха, и целина, и космос...

Я еще подумал: ну у кого из сограждан, согласно их возрасту, личная биография не совпадает с биографией страны? Но возникло и любопытство: личная жизнь, судьба всевозможных наших «вождей» всегда тщательно скрывались от народа, это сплошь были «сфинксы», и никогда и никто из нас не знал, кто и за что посажен править нами.

Между тем Леонид Митрофанович продолжал: а какая у Леонида Ильича память! Какой он необъятной доброты человек, какой лирик! Какие читал стихи — полувековой давности, и все, знаете, на память, на память! Мы с Константином Устиновичем были потрясены. Мы сказали Леониду Ильичу: да вы же живое воплощение нашей эпохи, ее сгусток, ее плоть и кровь! Все это надо непременно описать, написать в мемуарах! Получится поучительная книга!

Тут Замятин помолчал и заключил: — Но вы же знаете скромность и занятость Леонида Ильича... Лишь когда мы обещали найти ему помощников, он вроде бы дал предварительное согласие поработать над такой книгой. Вот и пригласили вас: не согласи-

тесь ли вы помочь Леониду Ильичу в этой работе? Впоследствии он сам многое напишет, надиктует, а к вам просьба помочь ему собрать некоторую фактуру в местах, где он рос, жил, работал, сделать кое-какие предварительные заготовки текстов. Повторяю, это всего лишь просьба. Если вы согласитесь, то в ближайшие дни пойдем к Константину Устиновичу. Он хорошо знает жизнь Леонида Ильича и многое вам подскажет...

Предложение, скажу честно, ошарашило. Как было поступить? По своей натуре я человек стеснительный в официальных ситуациях, органически не могу «высовываться», и потому молчал. Хотя никаких внутренних возражений в себе не испытывал: отчего не помочь старому, сверхзанятому человеку в столь сложном труде, тем более главе партии и государства? Все согласились, а стало быть, согласился и я, молчавший. Л. М. Замятин на глазах просиял, не скрывая своей радости:

— Спасибо за согласие, большое спасибо... Мы верили и надеялись, что вы не откажетесь. Ну а коль решились, то, на наш взгляд, прежде всего, да и хронологически, надо отобразить такие события в жизни Леонида Ильича, как война, восстановление народного хозяйства на Украине и эпопея подъема целины. Затем пойдут Молдавия и тема космоса. Кто же и какую тему возьмет? Кстати, тема Молдавии уже распределена, ее взял на себя ваш отсутствующий здесь товарищ...

И он назвал фамилию В. Г.-1, который на том первом сборе нашей группы отсутствовал. Только тут я сообразил, что все роли уже давно расписаны и со всеми, кроме меня, обговорены В. Н. Игнатенко, который, зная журналистский «профиль» каждого из нас, соответственно и подбирал группу. Ну, конечно же, о войне будет писать А. Сахнин, о космосе — В. Г.-2, «молдаванин» определен. Оставались Украина и Казахстан. Я работал собкором «Комсомолки» в Днепропетровске и Запорожье, хорошо знал Днепропетровск и весь тот регион — уж не его ли предназначил мне памятливый В. Н. Игнатенко? Я не хотел туда ехать: на воспоминаниях будущего автора о своем детстве, молодости, о возрождении страны из руин никаких современных жгучих проблем не поставить. Мысль моя работала быстро, и в голове уже вызревало решение: коль так все обернулось, то лучше всего ехать на целину — о ней мне, слава Богу, есть что сказать, а теперь являлась редчайшая, уникальная, может быть, единственная в жизни возможность и помочь ей в ее бедах, если удастся убедить автора будущих «мемуаров» поднять в книге ее тяжкие и не разрешимые в ту пору без «верховного перста» проблемы. Другого такого шанса не будет! Все произошло так, как я и предполагал. Аграновский первым выбрал себе Украину, Сахнин — войну, В. Г.-2 — космос. И целина осталась за мной как бы сама собой.

Как только все это состоялось, Л. М. Замятин попросил:

— Думаю, не стоит вас и предупреждать, вы люди понимающие. И все же не следует пока особенно распространяться о том, о чем мы тут беседовали. Это пока тайна, если хотите, государственная тайна номер один. Ведь все это пока лишь предварительные замыслы, и неизвестно еще, что из них получится.

Ну об этом и в самом деле можно было и не предупреждать...

Оказалось, были уготованы для нас не одни роли. Для «ориентировки» Л. М. Замятин тут же вручил нам всем загодя отпечатанный в ксерокопиях «План-проспект» задуманной эпопеи о «житии» Л. И. Брежнева, этакий классически пустопорожний «путеводитель» по «этапам» его жизни, точнее — жизни страны.

Через несколько дней В. Н. Игнатенко сообщил, что нас приглашает к себе К. У. Черненко. На этот раз собрались мы все. Маленький, мужиковатый, сутулый и весь какой-то скрученный седой человечек, вероятно, больной, страдавший одышкой, не произвел на меня никакого впечатления. Бывал я у него раза два и позже, но ничего, кроме натужно разыгрываемого спектакля простоты, доступности и панибратского "тыканья" в беседах, из этих встреч не запомнилось. Ничего "этакого" мы от него не узнали и в тот раз о предстоящем нам деле: повторилось почти точь-в-точь все то, что уже было у Замятина. Правда, в какой-то момент Константин Устинович вроде мимоходом, но в то же время и акцентируя, сказал:

— Разумеется, работа ваша будет оплачена...

Это была новость. Только люди, не знающие уникальной черты советской журналистики — обязанности журналистов писать так называемые «авторские» статьи и разные иные тексты, то есть писать их за авторов, сплошь и рядом не владеющих пером: за чабанов и токарей-слесарей, за генералов и министров, секретарей обкомов и генсеков,— только такие несведущие люди могут предполагать, что за это газетчикам идет какая-то тайная и неслыханная мзда. Всегда они делали это бесплатно — по служебной обязанности, а часто и просто выполняли как «партпоручение». Какая оплата?

Прощаясь, К. У. Черненко попросил нас немного подождать: возможно, скоро, может, на днях Леонид Ильич начнет с каждым из нас свои встречи, беседы.

— Вы сами увидите, какой это необычайный, какой мудрый, какой щедрой души человек...

Это была вторая и последняя общая встреча нашей группы. Расходясь со Старой площади, мы предварительно условились с А. Аграновским: мало ли что там потом понадобится будущему автору, но раз Анатолию выпала «заводская» тема, а мне как бы «деревенская», то он кратко охватит в «заготовке» своей главы и всю «индустриальную», а я — сельскую, в том числе и «доцелинную», биографию Л. И. Брежнева. С тех пор больше ни с кем из нашей группы по ходу работы над «мемуарами» я не общался и не беседовал.

Шли дни. Как было велено, я ожидал приглашения на «монаршую» встречу. Минули первомайские праздники. И вот звонок. Я не узнал прежнего мягкого, велеречивого и гугнивого голоса Л. М. Замятина, он был строг:

— Почему не выезжаете? Все уже уехали...

— Куда? Каким образом?

— Мы, кажется, договорились, за вами целина. Езжайте в Алма-Ату.

— Но кому и что я там скажу, как объясню свой визит и все, что мне потребуется? Ведь тайну, вы сказали, надо хранить.

— Тайны бывают разные. А в вашем случае какая тайна? Так и скажите: собираете материалы для Леонида Ильича о времени его пребывания на целине, он лично ими интересуется. А уж для чего, пусть каждый думает, как ему захочется. Вам там все обеспечат и предоставят!

— Кто? И потом я на службе. В каком качестве и от кого я поеду? От ЦК? От ТАСС? От «Правды»? Но есть главный редактор...

— Хорошо. Приезжайте.

Я поехал в ТАСС. В своем кабинете Л. М. Замятин при мне написал какую-то записку, запечатал в конверт и подал его мне:

— Извините, про Кунаева я как-то действительно позабыл. Это вручите только лично ему. Что касается вашего главного редактора, то он уже в курсе. Так что езжайте от «Правды», в обычную командировку. И как можно быстрей.

Изначально никто из отдельных членов Политбюро ЦК КПСС, ни тем более Политбюро в целом, как и никто другой, ведать не ведали о задуманной грандиозной акции с «мемуарами». Иначе и при полном всевластии Генсека она могла и не состояться. Подтверждаю это свое убеждение и ныне. Ведь все мы приезжали на места с одной и той же версией прикрытия: собираем материалы, «интересующие Леонида Ильича». А уж для чего ему понадобились эти материалы, никто не смел и расспрашивать. Не знал в дни моего приезда в Алма-Ату в мае 1977 г., что я буду собирать материал именно для книги «Целина», и Д. А. Кунаев. Основным куратором большинства глав «Воспоминаний» был главный биограф Л. И. Брежнева — сам К. У. Черненко. Другие «кураторы» — Д. А. Кунаев по «Целине», а, скажем, Д. Ф. Устинов — по «Космическому Октябрю» были подключены, каждый по своему «профилю», уже «постфактум», т. е. в 1978 г., когда начали выходить «Малая земля», затем «Возрождение». В этом-то и заключалась хитроумная операция матерого аппаратчика К. У. Черненко — в его точном расчете, что и в какой последовательности сделать, чтобы обойти всех и затем всех поставить перед свершившимся фактом.

Как бы там ни было, но 11 мая 1977 г. я был уже в кабинете Д. А. Кунаева. Он прочел замятинскую записку, тотчас разорвал и бросил в урну. И начал долгий, путаный, сумбурный рассказ о неохватно всесторонней деятельности Л. И. Брежнева в Казахстане, где все, буквально все — от целинного хлеба до металлургии, от науки до культуры,— было заложено им и только им еще тогда, в 50-е годы, и все и через двадцать лет держалось на нем и только на нем. Я слушал вполуха. Мне было нужно совсем другое. А Кунаев закончил свою речь внезапно:

— Великий труженик. И очень скромный. Двери открыты всегда. Очень хлебосолен... И в то же время крупнейший, выдающийся деятель. В связи со своим заданием ты будешь с ним встречаться и сразу сам это почувствуешь!

После этой беседы мне действительно было обеспечено и открыто все, вплоть до «святая святых» — архива партийных документов за 1954—1956 гг. и резиденций Л. И. Брежнева в Алма-Ате.

Не стану описывать, как собирал материал. Это скучно. Но было трудно. Ведь не имелось ни от будущего автора, ни от его «биографа» К. У. Черненко и других участников "мемуарного" сговора никаких «наводящих» идей, документов, адресов и имен его соратников по целине, особо запомнившихся ему целинников, ничего я не знал и о наиболее важных, с точки зрения автора, событиях, эпизодах, решениях тех лет, не говоря уже о сведениях о его семье, друзьях, привычках, деталях быта, о "личностном" моменте, столь важном для мемуарного жанра. Я сам искал бывших целинников, секретарей райкомов, директоров совхозов, казахстанских министров и высших руководителей республики той поры, многих других людей, вплоть до летчиков личного самолета

Л. И. Брежнева и официантки, обихаживавшей и кормившей его в поездках по целине. А ведь прошли годы, путаницы, а порой и похвальбы в повествованиях рассказчиков хватало, еще больше их и прямого вранья было в уже расплодившихся к 70-м годам бесчисленных «мемуарах» и фанфарно-победных «сборниках» по поводу каждого казахстанского миллиарда пудов хлеба. Часто выходило, что, когда кто-то ручкался и «обнимался» с Л. И. Брежневым в совхозе, он находился в Москве или совсем ином месте. И я вычерчивал ветвистые схемы и графики маршрутов его поездок, где и когда он был,— по годам, дням, часам. В «мемуарах» такого уровня я не мог допустить ни малейшей ошибки, и должен сказать, что таковая случилась лишь одна, когда я слишком доверился сведениям о составе семьи целинников Космычей (была не одна лишь собственно их семья, а династия), полученным мной в ЦК КП Казахстана.

Вряд ли сообщу нечто «душещипательное» и о технологии самого написания «Целины». Обычная работа за столом. Жена, семья были, конечно, «в курсе» и ровно месяц не тревожили меня ничем, наглухо закрыв в комнате. Я не печатаю на машинке, пишу от руки, поэтому между домом, где мы тогда жили, и ТАСС курсировал зеленомундирный фельдкурьер, он забирал готовые страницы и привозил мне их из ТАСС перепечатанными (для вычитки и дальнейшей доработки). Благодаря этому у меня сохранился второй машинописный экземпляр моей рукописи «Целины» объемом в 152 страницы. Считаю этот факт особенно важным в связи с дальнейшей судьбой рукописей всех действительных авторов «мемуаров».

Не странно ли? Сейчас, казалось бы, выгодно «отбояриться», откреститься от своего участия в этой акции, что и делают А. Сахнин и другие творцы «Воспоминаний». А я, наоборот, тщательно храню и машинопись «Целины», и весь пудовый архив, связанный с ее созданием,— для доказательства своего авторства, и ничьего другого. Зачем? Мы же знали, кто будет автором написанных нами книг, и шли на это по доброй воле. А затем, что считал и считаю: разве в нас тут дело? Нас можно чернить и обвинять как угодно, но речь идет о крупнейшей, на всю страну, партийно-государственной провокации, осуществленной, как, к сожалению, оказалось, нашими руками. Если в чем-то виновны мы — судите нас, если кто повыше — воздайте и им. Но пора бы во всю эту скандальную историю внести полную ясность.

Обыватель рассуждает проще, он говорит: не надо было связываться, а связался — сам и расхлебывай. Не ходи на острие ножа, не пиши для «вождей» ни речей, ни статей, ни книг! «Чреватое это дело», как выразился один читатель. Чреватое, да, если к нему липнут грязные руки, корысть, интриги, с чем мы и столкнулись в данном уникальном случае. Ничего подобного в моей дальнейшей работе в течение многих лет «на вождей» не происходило.

Поясню. Как ни скрывай любую тайну — она выплывет. «Целина» еще не вышла в свет, но едва разразилась первая оглушительная сенсация — появилась «Малая земля», как я тотчас был обнаружен заинтересованными людьми в ЦК и включен в группу так называемых «спичрайтеров» или «речевиков», «речеписцев» — тех, кто как раз и составляет, пишет различные важнейшие партийные и государственные документы, в том числе речи, статьи, доклады высших в державе лиц. Более семи лет, с февраля 1978 г. по сентябрь 1985-го, состоял в таких группах и я.

Не буду говорить, насколько это считалось и почетным, и ответственным: ведь ты имеешь уникальную возможность по мере сил влиять на реальную жизнь, на ее развитие, на перемены в этой жизни, обществе, стране. О сути этой работы в целом объективно и достаточно скромно пишут Ф. Бурлацкий, а также А. Бовин и Г. Арбатов (с двумя последними мне не раз доводилось работать в «генсековской» группе). «Спичрайтеров» часто меняют, прежде всего при смене «вождей», но есть среди них «многолетники» и, естественно, обиженные. Последние нередко доказывают сейчас: вот такую-то мысль, идею, такой-то абзац или фразу в той или иной «генеральной» речи писали именно они, стало быть, тоже боролись, двигали жизнь вперед. Никогда не скажу так. Если даже и сохранялись в конечных текстах именно мои мысли, абзацы или фразы — все равно каждый раз это был сугубо коллективный труд, десятки и сотни раз катаный-перекатаный всей группой.

Иное дело — книга, в данном случае «мемуары» Л. И. Брежнева. Так было задумано их организаторами (секрет! узкий круг!), а нами исполнено, что каждая глава — труд сугубо индивидуальный. И не ради корысти, «славы» или каких-то личных расчетов, а единственно во избежание кривотолков мы настойчиво просили Л. М. Замятина и В. Н. Игнатенко дать в начале или в конце «мемуаров» примечание, кстати, положенное в подобных случаях: что автор благодарит за оказанную помощь в подготовке «Воспоминаний» таких-то и таких-то товарищей по оружию, таких-то соратников, друзей, работников архивов, и в том числе таких-то журналистов, писателей. Было много киваний головами, мол, да, да, непременно, но не было сделано и этой мелочи. Куда там!

Много раньше меня и лучше меня защищал целину от краха Ю. Черниченко. Никто не слышал его голоса из тех, кому положено слышать. Ни его полного боли крика хоть о земле, хоть о комбайнах, картошке ли, хлебе. Много писал о целине и я в «Правде», особенно о почвозащите, о творце почвозащитной системы, способной спасти целину от эрозии, академике ВАСХНИЛ А. И. Бараеве, о страшноватой и несуразной нашей сельской технике, о могучих «Кировцах», вот уже лет тридцать бегающих по полям без положенных им по изначальному еще замыслу навесных и прицепных орудий. Эти статьи (70-х еще годов!) можно хоть сейчас перепечатывать. Ничего не изменилось! Система бесхозяйственности стоит незыблемо.

Когда ты уже сед и видишь, что и самые честные твои усилия, может быть, главные в твоей жизни, пошли прахом, не диво впасть в отчаяние.

Вот в такой ситуации, в дни очередного приступа бессилия в 1977 г., я вдруг получаю предложение написать для Л. И. Брежнева некую всего лишь «заготовку» некой всего лишь одной главы для неких его будущих мемуаров (разумеется, без кавычек, так мы тогда думали!). И о чем главу? О целине! Как бы вы поступили, если исчерпали уже все возможные ходы, чтобы помочь земле и людям?

Я решил: если по большому счету, то Бог с ними, с мемуарами и их автором, это его дело, что он там потом, когда-то, наговорит, надиктует, поправит, сократит или вставит. Разные «живые сцены» нужны были мне лишь для антуража, для более или менее добротной общей внешней завершенности «заготовки» будущей главы. Я был почти уверен, что все эти эпизоды сам Л. И. Брежнев скорее всего выбросит, заменит другими: была же все-таки обещана его личная работа над книгой и целая серия встреч с ним! Откуда мне и всем другим авторам глав было знать, что «троица» заговорщиков издаст ничтоже сумняшеся именно всего лишь наши «болванки» да еще с последующим навешиванием им ленинской медали.

Однако было бы нечестно с моей стороны не отметить, что люди, знавшие Л. И. Брежнева тех лет, в том числе и целинники, рассказывали мне о нем с глубокой симпатией, искренне, часто со слезами на глазах. Был молод. Красив. Добр, гуманен. Всем помогал, был оратором, мог говорить и час, и два без бумажки. Общителен. Чрезвычайно неприхотлив в быту. Официантка Лиза Вахрушева все удивлялась: «Не такая уж я умеха готовить, не знаю уж, почему он все меня возил с собой. Бывало, что ни подам, съест да еще спасибо скажет. Или попросит: напеки пирожков, да в небе и перекусим». Не пил. Работал на износ. Болтунов презирал. Целинников жалел: мученики...

Словом, главной своей задачей в случайно выпавшей мне ситуации я считал не провозглашение некой осанны Л. И. Брежневу, а совсем иное. Непредвзятый, неозлобленный читатель заметит, что «Целина» лишь внешне да в некоторых страницах соответствует мемуарному жанру. Там нет, повторяю, никакого возвеличивания Брежнева, как нет и полного «погружения» в целинную эпопею, в «те годы», нет «заземленности» в мелочевку, в прошлое, а есть взгляд из дали лет. Тогда минуло уже почти четверть века целинной эпопее, книг, в том числе «научных», о целине понаписана была тьма. Но так и не было концепции целины, ее места в решительном изменении зернового баланса и сельской географии страны. Я попытался сформулировать такую концепцию. Главной же целью поставил помочь внедрению почвозащитной системы земледелия на целине, способной спасти ее навсегда от эрозии, гибели.

Тут долго можно рассказывать. В более полном виде проблемы сохранения плодородия почв, степного земледелия и земледелия вообще я попытался изложить в своей книге «Спаси свое поле» (Библиотека «Огонек» № 11, 1988 г.). В «Целине» же, учитывая «тип», «характер» и жанр этой книги, постарался повлиять хотя бы на главное, основное — на скорейшее внедрение и на целине, и в целом в степных наших зонах почвозащитной системы земледелия.

От академика Александра Ивановича Бараева, творца почвозащитной системы, я знал: если Н. С. Хрущев, носясь со своей пропашной системой и кукурузой, однажды вытолкнул его из своей машины прямо в степи и ученый едва добрался до дома пешком, то Л. И. Брежнев еще при подъеме целины и много позже, уже будучи Генсеком, всегда и ощутимо поддерживал его. Вот эту линию — линию нешуточной и практической борьбы Л. И. Брежнева за внедрение почвозащиты на целине и особенно за пары я и решил сделать в «Целине» центральной, выделив ее еще и в специальный раздел об агротехнике.

Вот так и получилось, что даже самые «еретичные» по тем временам мысли, идеи, которые ни за что, даже в самом обкатанном, как говорится, до «бильярдного шара», виде не проходили в «Правде» ни через М. Зимянина, ни тем более через В. Афанасьева, в «Целине» я излагал свободно и был убежден, что «автор» ничего именно из этой «ереси» не уберет.

И поныне не знаю, читал ли сам Л. И. Брежнев свои «мемуары» (хотя машинопись «Возрождения» с его резолюцией: «После правки — в печать» я у него на столе видел), но прочитал я потом в «Целине» то, что считал нужным в ней написать и написал. Это касается не только основной моей цели — почвозащиты и паров, а и многих других крайне важных по тем временам, да и поныне, положений и мыслей.

И если засушливые зоны земледелия, в первую очередь Казахстан, после выхода «Целины» обрели наконец право свободно распоряжаться парами; если почвозащитная система земледелия была надежно защищена (самим Генсеком), получила права гражданства и распространилась, пусть и не в полном еще ее комплексе, на десятки миллионов гектаров и даже шагнула в европейскую часть страны, в том числе в Нечерноземье; если с 1978 г. сдвинулось с мертвой точки и началось заметное развитие пригородных огородных и садоводческих хозяйств, принявшее ныне такой размах,— то уже только по одному этому надеюсь, что «Целина» сделала свое дело, во всяком случае, сыграла во всем этом не последнюю роль.

Теперь о том, кто, с чего и какие «купоны» стриг во всей этой истории. Едва мы сдали в 1977 г. свои рукописи, как в том же году К. У. Черненко из секретаря ЦК КПСС стал кандидатом в члены Политбюро. Едва главы «Воспоминаний» начали выходить в свет, как он стал уже членом Политбюро, а затем и лауреатом Ленинской премии (тайно, без обнародования за что). Л. М. Замятин и В. Н. Игнатенко еще ранее стали ленинскими лауреатами — за «сценарий» документального фильма «Повесть о коммунисте» (разумеется, о Л. И. Брежневе к его 70-летию). Мало! И в ЦК КПСС специально для Л. М. Замятина и В. Н. Игнатенко был заново создан отдел международной информации (могли сформировать хоть и отдел кролиководства), который они и возглавили все по тому же «ранжиру»: Л. М. Замятин — зав., В. Н. Игнатенко — его бессменный зам.

Отвечу и на зудящий у многих вопрос к нам: «чего и скоко» мы получили? Можно бы ответить на него кратко: как и большинство наших пенсионеров, я, пенсионер так называемого «союзного значения», не брезгую собирать пустые бутылки. Однако В. Безуглый всерьез и искренне интересуется: как был поощрен наш труд над «мемуарами» морально и материально? Серьезно и отвечаю: никак. Обещание К. У. Черненко, конечно же, не было выполнено. Да оно и не могло быть выполнено, потому что таковая оплата на самом деле никогда не предполагалась. Ведь если «троица» задумала вычеркнуть нас потом из «мемуарной акции» и уничтожить все следы нашего участия в ней, то кому же платить? Сами же мы вопрос об оплате никогда не ставили и потому таковой никогда и ни от кого не ожидали.

Иное дело — моральное поощрение. Очевидно, что организаторы «мемуаров» все же решили хоть чем-нибудь отблагодарить нас, и уже в феврале 1979 года я совершенно неожиданно получил орден Дружбы народов. Понятное дело, что не за «Целину», а, как водится, «за многолетнюю и плодотворную» и в связи с моим состоявшимся в январе того года 50-летием. В «Правде» о подобном моем награждении в ту пору не могло быть и речи, и мне совершенно ясно, что эта инициатива исходила свыше. Вскоре точно в такой же «связи» орден Октябрьской Революции получил и А. Сахнин. Были ли награждены другие создатели «мемуаров», мне неизвестно.

И уже совсем в заключение приоткрою еще одну тайну. Был в нашей группе у Л. М. Замятина в 1977 г. еще один человек, и также из «Комсомолки» — бывший непосредственный начальник Виталия Никитича в отделе рабочей молодежи. Назову его тоже лишь по инициалам: В. Д. Какую же роль он должен был выполнять? На том этапе самую пока невинную: побыть близ Л. И. Брежнева, посмотреть, понаблюдать, иногда сопровождать его, словом, немного «вжиться» в будущий материал. Какой? Для чего? А для того, что «троицей» замышлялся и второй том будущих «Воспоминаний» Л. И. Брежнева с ориентировочным названием «На посту Генсека».

Как видим, широко, очень широко собиралась шагать в 1977 г. смахивающая на мафию «троица»!

В связи с этим было бы справедливым лишить незаслуженных, блатных по сути, ленинских премий не только Л. И. Брежнева и К. У. Черненко, но и Л. М. Замятина и В. Н. Игнатенко. Предлагаю также изъять все гонорары, полученные Л. И. Брежневым за «мемуары» в рублях и в валюте, и полностью передать их в фонд лечения детей — жертв Чернобыля.

Август 1991 г.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Чем жива наша поэзия, жива ли она вообще? «Золотой век» ее давно миновал, да и «серебряный» ушел безвозвратно. Стада экстрасенсов, колдунов-костоправов, бледных юношей и дам с угрожающим маникюром бороздят теперь просторы столичных редакций, предлагая взглянуть на изданные за свой счет сборники стихов и поэм. Открыв такую книжку, понимаешь, что идет «век железный». Он уже властно стучится в двери — давит пошлостью, нахальством, косноязычием. В этом «веке» забывается то, что называли мы русской классикой, неуютно в нем и еще нескольким десяткам стихотворцев — тем, кто не ушел из «садоводств поэзии — бабы капризной», но остался возделывать эти сады на свой страх и риск. При всем несходстве интонаций, темпераментов, школ их роднит понимание свойств материала, с которым приходится иметь дело, роднит благородство русского языка, его высокая внятность.

В новой рубрике мы будем знакомить вас со стихами наших современников, чьи имена, как правило, неизвестны читателям и чье творчество стоит как бы в стороне от магистралей массовой культуры.

Назвали мы эту рубрику «Бронзовый век». Ведь бронза долговечней железа и, хочется верить, противостоит ему...А теперь несколько слов об авторах.

Борис Штейн, в прошлом морской офицер, расстался с ВМФ, работал в порту грузчиком, потом несколько лет дрессировал слонов в Таллинском зоопарке. За это время он успел издать несколько книг интересной прозы, вступил в Союз писателей. Стихи пишет давно, но печатает их крайне редко и неохотно.

Юность Михаила Пробатова тоже связана с флотом, только с торговым. Однажды Миша собрался в Японию, но в последний момент передумал и вместо Страны Восходящего Солнца попал в сумеречную страну Литературного института середины 60-х годов. Долго он там не выдержал. Сделался банщиком, потом лет десять работал могильщиком на одном из московских кладбищ. Его перу принадлежат стихи, рассказы и повести. Вымысла в них мало — материал, как говорится, был всегда под руками... Испытывая органическое отвращение к идеям научного и реального коммунизма, М. Пробатов на пушечный выстрел не приближался к редакциям советских газет и журналов. Это его первая публикация...

Как, впрочем, и у Натальи Кудряковой, молодой поэтессы, чье творчество знают и ценят многие московские писатели и поэты. Наташа успела поработать провизоршей в аптеке и билетершей в театре — на этом список ее «экзотических» профессий благополучно закончился. Сейчас Н. Кудрякова переводит финские сказки по заказу Советско-Британской творческой ассоциации.

Алексей ЗАЙЦЕВ

Наталья КУДРЯКОВА

* * *

Москва моя, коробочка,
Резная колесница.
Что пройдено, что прожито,
Уже не повторится.

И голуби закормлены,
Как гости от стола.
Какая глупость гордая
Качнет колокола?!

Шатается, валяется,
Не тонет, не горит.
Все в небо собирается,
Все на земле стоит.

* * *

В Европу едут жить, в Россию умирать...
На карте контурной отметим воды Стикса,
По эту сторону нам выпало родиться,
За что недобрым словом вспомним мать.

Мы мертвецы в отечестве своем,
Мы ценим смерть как форму созиданья.
Природа наша, словно в назиданье,
Терпеньем заполняет свой объем.

Мечтают обезлюдеть города,
У Питера величие руины,
Деревня старческие, сгорбленные спины,
Как видно, не расправит никогда.

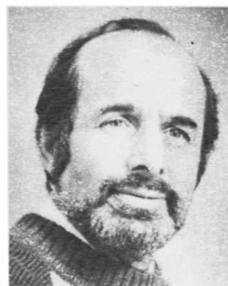
И пьяный на скамейке крепко спит,
В нем образ спит Емельки или Стеньки.
Дом брошен, только форточка скрипит.
Лист мокрый — как пощечина ступеньке.

* * *

Одинока труба, как звезда трубача,
И трубач, как труба, одинок.
Мир кончается там, где, вконец истончав,
Звук нащупывает потолок.

Рад трубач не трубить, как слепой не стучать,
Но боится попасть не туда,
Попадет не туда, но не может молчать
Золотая воронка рта.

Вот стоит, и блестит, и грозит кулаком
На трубу обреченный трубач.
Он зажат между полом и потолком,
Хоть труби, хоть кричи, хоть плачь.

Борис ШТЕЙН

* * *

Недавно умер замполит Леви.
Он не снискал особенной любви
У личного состава миноносца.
Хоть был не солдафон и не дундук
И говорил, что он матросам друг,
И это было, в общем, не наносно.

Нам всем-то было нелегко служить,
А он еще хотел соединить —
То был предмет горячечной заботы —
Соединить гауптвахту и парад,
И здравый смысл, и правду, и догмат
Партийно-политической работы.

Ах, замполиту было нелегко...
Порой летели пули «в молоко»,
А он, бедняга, был лишен цинизма.
Рассматривал, как партия велит,
Тот факт, что он еврей и замполит,
Как признак интернационализма.

А сын его, обретший аттестат,
Был сразу не допущен на физмат.
И не сдавал: не подошла анкета.
И вопросил погашенный юнец:
Ты все мне лгал, мой дорогой отец?
И замполит не находил ответа.

И Пражскою удушливой весной
Ему пришлось сначала над собой,
А уж потом над нами потрудиться.
Он убеждал. Он был сугубо за.
И голос был с металлом, а глаза,
Глаза метались, как больные птицы.

Наш замполит, он ревностно служил.
Неправдою, как правдой, дорожил
И пресекал любые пересуды.
Он с этих дел богатства не нажил.
Он на алтарь всего себя сложил,
И раньше срока лопнули сосуды.

* * *

Твой шарф и сапоги... Он не созвучен с ними, —
Сказал мне Алексей. Был взгляд его участлив.
Пусть так, но этот шарф купил я в Усть-Илиме.
Я независим был. Я был в ту зиму счастлив.

Про шапку объявил, как кислого отведав,
Что это смертный грех, кошмар средь бела дня.
Мне шапку подарил на БАМе Магомедов.
Он проходимцем был. Но он любил меня.

А что свои сто грамм я пью опрокидоном,
Гусарский этот жест совсем его добил...
Гусарил я, когда служил на «Озаренном».
Я был тогда влюблен... Да что там! Я любил.

Мой милый Алексей! Твой друг, увы, стареет.
Хоть выглядит орлом, но все-таки поверь,
И кутается в то, что как-то душу греет
На ледяном ветру пожизненных потерь.

Михаил ПРОБАТОВ

* * *

Темной ночью сорвался, ушел я в побег.
Не успел я. Рассвет настает.
Под ногами морозный предутренний снег —
Он скрипит, будто скрипка поет.

Я холодным лицом повернусь на восток.
Там светает, вот-вот рассветет.
И молитва моя, будто светлый росток,
В темном сердце моем оживет.

Низко в небе над степью кружит вертолет —
Мне от них все равно не уйти.
А молитва, молитва, молитва растет,
Расцветает в промерзшей груди!

Мне бы в правую руку хоть слабенький нож,
Хоть короткий обрезок трубы.
Я б на зайца тогда был совсем не похож
В час последний проклятой судьбы!

Что ж теперь мне, под солнцем в сугробах петлять?
Плакать, что ли? На Бога пенять?
Все равно им молитву мою не отнять,
Им свободу мою не понять.

Помолюсь я Христу на морозном ветру,
На скрипучем, январском снегу.
Я у Господа Бога пропасть не могу,
Я теперь никогда не умру.

* * *

Какое солнце страшное зимой!
Откуда? Из какого издалека
Глядит с небес живое это око
В дыму, во мгле над злой седой Москвой?

Москве плевать. Вот там свалился кто-то.
Он поскользнулся спьяну? Он замерз?
Он торопился. У него работа
Была. Он в папке что-то нес.

Не удержался и упал бедняга.
И треснулся о наледь головой.
Кровь ручейком за ворот меховой,
В глазах открытых застывает влага.

И все. Конец. И мимо, мимо, мимо
Толпа московская проходит и бежит.
И Ангел Божий грозно и незримо
В толпе его от бесов сторожит.

А бесы — те, железными крылами
Звеня, вокруг взлетают и снуют.
Я простоял там несколько минут.
Какое солнце страшное над нами!

Фото Владимира МАШАТИНА

ВПЕРЕД, К ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ!

Свободу мы всегда понимали исключительно в политическом смысле. Свобода нравов? Свобода поведения? — Это нечто неясное и неприличное, почти разврат. К конкурсу «Мисс бюст» мы были явно не готовы. Неужели вот так возьмут — и разденутся? И со стыда не сгорят? И в глаза людям после этого будут смотреть? Оказалось, что запросто. Стеснялись и краснели скорее члены жюри и журналисты. Девушки же не сомневались: если есть что показывать, то надо показывать. В таком мнении сошлись и тринадцатилетняя Ира, убежавшая на конкурс со школьных уроков, и Валентина шестидесяти двух лет, которая сожалела лишь о том, что во времена ее юности таких конкурсов не проводилось. Многих привели на конкурс мамы, бабушки, даже мужья. Словом, произошло настоящее народное раздевание, обозначившее мощный прорыв к свободе личности!

Людмила САЛЬНИКОВА

Прогуляться вечером по Рэд Лайт стрит без господина Роберта де Влама было бы просто невозможно. Только рядом с таким безукоризненным, респектабельным джентльменом чувствуешь себя уверенно, проходя мимо гогочущих компаний подростков, мимо оживленных, с блуждающим взором мужчин. Другой публики в этом районе Амстердама в поздний час не встретишь. Разве что неискушенный турист захочет познакомиться со знаменитой по всей Европе улицей.

А подивиться здесь есть чему. И справа, и слева — уходящие вдаль просторные сияющие витрины, погруженные в мягкий голубой или розовый свет. Но за стеклом отнюдь не манекены. Внутри каждой витрины как бы маленькая комната со стулом, диваном, столиком, где обитает веселая полураздетая женщина, иногда вместе с подругой. Она непринужденно подмигивает прохожим, даже немного приплясывает, покачивая пышными формами. Войти к ней за стекло просто — дверь тут же. Какие-то окна зашториваются на время — там занято, другие открываются вновь.

Яркие витрины-комнаты тянутся по черной ночной улице, как кадры красочного экзотического фильма, на глазах меняющего сюжет и героев. Можно было бы принять все это за какую-то интересную, но непонятную игру, если бы над каждой дверью не горела красная полоска неона. У нас ее называют красным фонарем...

Господин де Влам сохраняет полную невозмутимость, воздерживаясь от каких-либо комментариев. Лишь иногда спрашивает: «Хотите посмотреть секс-шоп? Ах, никогда не были? Тем более... Вот порнофильмы со всеми видами секса: тут обычный, тут только женский или мужской... Там дальше дети... животные... обратите внимание на витрину со всевозможными приспособлениями. Как видите, магазин пуст. Здесь никогда не бывает много народу... Можете заглянуть в музей секса, он рядом».

Свое легкое смятение от избытка увиденного, к счастью, можно спрятать за профессиональными разговорами. Господин де Влам — один из президентов известной голландской фирмы «Органон интернэшнл Б. В.», которая занимается вопросами планирования семьи, поставляет в разные страны мира контрацептивы высокого качества. Вопросы сексуального просвещения и воспитания входят в его компетенцию.

— Слышали о недавнем нашем правительственном указе, направленном на борьбу с порнографией?

Сей вопрос, заданный в центре самого веселого квартала Амстердама, звучит весьма забавно. Кто на этой улице станет рассуждать о нравственности!

Мой собеседник в ответ мягко улыбается, давая понять, что не собирается оценивать нашу политику в вопросах пола:

— По-моему, у государства должны быть дела поважнее, чем поддерживать монополию в регулировании сексуальных потребностей людей...

Здравая мысль. Слава Богу, она уже не кажется крамольной многим моим соотечественникам. Но сколько десятилетий мы к ней шли...

«Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специального полового завоевания...

Основной половой приманкой должны быть классовые достоинства, и только на них будет в дальнейшем создаваться половой союз» (А. Б. Залкинд. «Революция и молодежь», издание Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, Москва, 1924 год).

Как лихо закладывался фундамент нравственных устоев советского человека! Наивно было бы представлять большевиков убогими аскетами, не способными воспринимать любовные чувства как-нибудь поромантичней. «У любви, как у пташки, крылья, ее нельзя никак поймать»,— пела ветреная Кармен, не подозревая, что выдает главную тайну: любовь делает человека свободным и независимым, его невозможно удержать никакими оковами. Разумеется, такой человек вреден, даже опасен обществу, поставившему целью контролировать каждый шаг, каждый вздох своего гражданина. А посему следовало выкорчевать самую тягу к этой запретной области, по возможности погасить, убить непокорные, свободные порывы, будоражащие ум, душу и тело, заменив их уздой дистиллированных ханжеских догм.

Общественные интересы раз и навсегда встали неизмеримо выше личных. Передовик производства превратился в немой укор счастливому отцу семейства. Государство недвусмысленно сделало ставку на одиноких, несчастливых людей, чья нерастраченная энергия любви легко сублимировалась в ненависть к классовым врагам...

— Да-да, я знаю, что в СССР ужасное положение с абортами, вообще с сексуальной культурой. Но почему вы до сих пор боитесь широко обсуждать эти проблемы? Вам мешают религиозные предрассудки?

Доктор Джин Гинзбург из Лондона попалась мне в перерыве между заседаниями 10-го Всемирного конгресса по сексологии, который проходил в конце июня в Амстердаме. Только что она, известный ученый и врач-эндокринолог, делала сообщение о сексуальном самочувствии женщин после шестидесяти. Зал одобрительно рассмеялся, когда она не без юмора упомянула о своих пациентах, категорически протестующих против расхожего мнения, которое отказывает людям пожилого возраста в плотских радостях. Доктор Гинзбург вполне официально заявила, что, по ее наблюдениям, сексуальную активность женщин преклонных лет ограничивает только одно — физические возможности их ровесников-мужчин.

— И состояние здоровья людей, и достижения медицины сегодня таковы, что старости можно вообще не чувствовать. Любой из нас способен жить полноценно и счастливо до самого конца... У вас так не считают?

Я вдруг представила: моложавая, энергичная Джин Гинзбург обращается с этим вопросом к своим сверстникам в Советском Союзе, где они именуются не мужчинами и женщинами, а ветеранами войны и труда. Как бы они восприняли ее призыв? В лучшем случае сочли бы, наверное, сумасшедшей...

В один из следующих перерывов удалось выпить кофе вместе с Дженни Радемакерс, психологом, сотрудником Института социальных и сексологических исследований Нидерландов (НИССО). Она делала доклад о подростках.

— В Нидерландах, как я заметила, не пытаются ограждать юношество от самой откровенной информации об интимной жизни. Не влияет ли это дурно на их нравы?

— Как раз наоборот. Благодаря широкой гласности в таких вопросах уровень подростковой беременности в Голландии самый низкий в мире — 14 из каждой тысячи девушек в возрасте от 15 до 19 лет. Во Франции этот показатель равен 43, в Англии — 45, в США — 96. Понимаете, у нас открытое общество, не отягощенное религиозными запретами. Любая информация доступна всем желающим. В школе для каждого возраста существует своя программа по сексуальному образованию. Практическую консультацию можно получить или у своего семейного врача, или в одной из 36 специальных клиник по планированию семьи. Последние часто более предпочтительны для подростков, поскольку это анонимные благотворительные заведения, принадлежащие неправительственной организации Рутгерс Фаундейшн. Здесь дают не только советы, но и помогают выбрать подходящие контрацептивы.

Дженни Радемакерс заставила меня вспомнить одно из совещаний, проходившее несколько лет назад в нашем Минздраве. Высокопоставленную чиновницу от медицины спросили: почему несовершеннолетним девушкам врачи женских консультаций отказывают в приеме, ссылаясь на какой-то тайный ведомственный циркуляр? На что последовал немедленный ответ: «Такими, с позволения сказать, девушками должны заниматься не врачи, а детская комната милиции!»

— На ваш взгляд, строго пуританское воспитание сегодня бессмысленно?

— А разве кому-то надо доказывать, что запреты и запугивание способны лишь ухудшить ситуацию? Я проводила социологическое исследование группы подростков. Первый интерес к противоположному полу появляется у них лет в двенадцать, а уже через четыре-пять лет большинство приобретает первый сексуальный опыт. Знаменательно: чем выше образование, тем позже они начинают. Мне удалось подсчитать: для 71 процента юношей и 65 процентов девушек их первый сексуальный контакт не оказался неожиданным, они были к нему готовы, знали, как себя обезопасить от нежелательных последствий. Разве это плохо?

На следующий день я обедала в обществе журналиста Питера Хэуса, его жены Паулины и пятнадцатилетней дочери Софии. Разговор зашел о молодежи. Паулина, обаятельная молодая женщина, вздохнула: они совсем другие теперь, все обо всем знают, родительские советы им не очень-то нужны. Во времена ее юности не было такой вседозволенности. Паулина никогда не говорила с матерью об интимных отношениях, лишь однажды та дала ей книгу, повествующую об устройстве женского организма; все остальное узнавала в школе на уроках биологии, от старших подруг. Зато своей собственной дочери Паулина начала объяснять, откуда берутся дети, когда Софии исполнилось семь лет — как раз в то время в семье ожидали появления второго ребенка.

Как семейство Хэусов относится к тому, что в их родном городе есть Рэд Лайт стрит?

Конечно, проституция — это не очень-то хорошо, но такова реальность, и с ней нельзя не считаться... Страх за детей? Да, боятся киднепинга, преступлений же на сексуальной почве происходит крайне мало.

Хорошенькая София слегка смущается, отвечая на вопросы. Но дело тут не в предмете разговора, скорее, обычная девичья застенчивость перед незнакомым человеком.

— Ты смотришь эротические фильмы?

— Нет, хотя никто не запрещает. Просто неинтересно.

— Задумываешься ли ты о любви? Нравится тебе кто-то?

— Да, задумываюсь. У одной девочки из нашего класса уже есть серьезные отношения с мальчиком. Мне тоже нравится один мальчик, но он живет в другом городе.

— Возможны ли для тебя близкие отношения с ним?

— Это было бы замечательно, это большая честь для меня... Но надо поближе узнать друг друга.

Питер и Паулина восприняли заявление дочери совершенно спокойно: если София так считает — пожалуйста; но, может быть, стоит немного подождать? В любом случае она может рассчитывать на понимание и поддержку.

Вопрос об идеальном, с ее точки зрения, муже застал Софию врасплох — она об этом никогда не задумывалась. Зато сказала, что хочет иметь двоих детей и обязательно от одного и того же мужа...

На конгрессе во Всемирную ассоциацию сексологов была принята новорожденная советская сексологическая ассоциация «Культура и здоровье». Вернувшись в Москву, я позвонила генеральному секретарю новой организации, кандидату медицинских наук Сергею Агаркову:

— Неужто в нашей стране теперь официально есть секс?

— За последние два-три года произошел прорыв в информации. Она стала доступна практически всем. Каждую неделю в стране выходит несколько книг о сексе, правда, на девять десятых это серая, безликая литература. Но раз покупают, значит, она нужна. Между прочим, мы можем не только экспортировать с Запада последствия сексуальной революции, новый стиль отношений, но и сами в состоянии что-то дать. Сексология — не самая запущенная у нас наука. Из-за долгой изолированности от мира нам приходилось изобретать велосипед — и мы его изобрели. В области фундаментальных подходов, клинических исследований у нас есть то, чего нет нигде. Другое дело — наше общекультурное

сознание, оно, конечно, здорово отстает.

— Как вы отнеслись к попытке государства оградить нас от порнографического ширпотреба?

— Мы были экспертами этого президентского указа и сразу сказали: запрещать ничего нельзя, иначе весь порнографический бизнес опять уйдет в подполье и примет извращенные формы. Семьдесят лет у нас сажали в тюрьму проституток, гомосексуалистов, в последнее время даже владельцев видео. Что-нибудь изменилось к лучшему? Давайте вместо моральных запретов введем экономические регуляторы. Хочешь открыть салон порнофильмов? Пожалуйста! Только пусть он работает ночью, когда в него не могут попасть дети, и налог плати побольше, чем другие. Желаешь издавать пикантные журналы? Ради Бога! Но продавай их в специальных салонах или только по подписке и опять-таки плати большой налог. Разумеется, государство само не должно создавать подобную индустрию, но нельзя мешать делать это частным предпринимателям. Если есть спрос на такие услуги, обязательно найдется и предложение. Так происходит во всем мире... Пришло время придавать дикому советскому сексу цивилизованные формы.

Грандиозным крахом закончилась попытка построить общество, где человеческая личность была вычеркнута из системы координат. Оказывается, счастливую, благополучную страну способны создать не отвлеченные народные массы, не железные вожди, а вполне конкретные люди, у которых внутри гармония и ясность. А где таких взять? Более-менее разобравшись с политикой, мы теперь в растерянности взираем на огромное неосвоенное пространство — личную жизнь. Сколько поколений привыкли ею пренебрегать, поглощенные поисками всеобщего счастья! И вдруг все остановилось: дальше можно двигаться только энергией любви, терпимости, понимания, мы же в большей мере отучены от нормальных человеческих чувств.

Я вновь встретилась с господином Робертом де Вламом, на этот раз в Москве. Он сообщил, что на базе Всесоюзного научно-исследовательского центра по охране здоровья матери и ребенка стараниями его фирмы и полностью за ее счет открывается Информационный центр по репродукции человека, первый подобного рода у нас в стране. Воспользоваться его услугами смогут и специалист, и частное лицо.

— Меня поражает, что ваши люди не знакомы с таким понятием, как планирование семьи. Почему? Во всем мире сеть таких служб охватывает практически все население.

Пришлось признаться, что завоевания демократии еще не распространились на сферу частной жизни и мы до сих пор лишены одного из неотъемлемых прав гражданина любого цивилизованного государства. Речь идет о праве на свободное и ответственное родительство, которое Всемирная организация здравоохранения еще в 1971 году определила как «деятельность, имеющую целью помочь супружеским парам достичь определенных результатов: избежать нежелательных беременностей, произвести на свет желанных детей, регулировать интервалы между беременностями, контролировать выбор времени рождения ребенка, определять число детей в семье».

В который раз заграница хочет помочь нам вернуться к главным человеческим ценностям. А что же наше родное государство? Оно пока по старинке продолжает яростно бороться со стремлением граждан жить в свое удовольствие. Но, может быть, хватит? Ведь полной победы на этом фронте, наверное, не добиться... А не попробовать ли пойти другим путем? Вместо призывов еще раз героически стиснуть зубы, напрячься и перетерпеть взять да и позволить расслабиться, перестать всем миром обсуждать проблему уборки картофеля и переключиться на любовь, на рождение и воспитание желанных детей, на созидание собственного семейного счастья. Вдруг так мы быстрее доживем до процветания?

КОНЕЦ ВЕКА: ОБЗОРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК

ПРОДАЖНОЕ ИСКУССТВО.

ГОД СПУСТЯ

Илья ЦЕНЦИПЕР

Мое первое обозрение художественной жизни в «Огоньке» называлось «Апология продажного искусства». Прошел год, закрылась Вторая Московская международная художественная ярмарка АРТ МИФ, и можно снова посмотреть, что происходит с художественным рынком или тем, что у нас вместо него.

Заранее прошу прощения у радетелей чистоты жанра — это не статья критика, а наблюдения очевидца и участника подготовки АРТ МИФа, написанные по горячим следам, прямо на ярмарке, в последний день ее работы. Так вот, мне АРТ МИФ-2 очень понравился.

Открывалась ярмарка — со значением — некоммерческим проектом, или, попросту, выставкой портретов знаменитого интернационального фотографа Эдди Новарро (московские зрители видели его в Пушкинском музее). Печально смотрели на посетителей Манежа фотографии Кабакова, Булатова, Чуйкова и двух десятков других звезд нашего искусства, здоровых — богатых — бедных — несчастных в Париже, Кёльне и Нью-Йорке, чьи работы недоступны советской ярмарке, советским галереям, всем нам, «провинциальным совкам». Почему им так неинтересна единственная публика, придающая смысл их работам? Чего ждут отъехавшие супермэтры? Приглашения в Третьяковскую галерею от Ельцина? Хоть бы приехали когда, право слово.

Это так, а пропо. Впрочем, была на ярмарке замечательная работа новарровского героя Николы Овчинникова, представленная «Московской палитрой» и купленная для банка «Московия». Был и привезенный нью-йоркской галереей Бермана Целков.

С меланхолическими портретами Новарро соседствовали еще несколько некоммерческих проектов — прежде всего изысканный стенд издательства «Даблус», о котором я писал в прошлой статье, и абстракционистская галерея «Эрмитаж». А потом шли стенды самых разных галерей — больше семидесяти. От дружелюбного Мелихова с работами Турновой, Слепышева и Гросицкого до элегантной «Сегодня» Ирины Ефимович с холодной живописью Вулоха и досками Элькониной. От «Восточной галереи» Алмы Трощенковой и Михаила Хрусталева и тбилисской «Нины» до представляющего молдаван и украинцев Гельмана, выставившего для публики единственно огромную работу Савадова и Сенченко (плюс множество других — для профессионалов в офисе). От абсолютно загадочной корейской «Кореи» и особо любимого Эдмона Розенфельда из «Лез Ореад» до шотландской галереи «369» с чудесной нашей Ириной Затуловской и возбуждающих тихий, но очевидный интерес Бермана с Соковым, Пурыгиным и Целковым. От недавно открывшейся «Риджины» с тремя работами замечательно изменившегося Олега Голосия до основательной, как коммерчески, так и эстетически, «Московской палитры». От «Дягилевъ Центра» с обязательными Зверевым и Яковлевым до «Аркома» и «Арт-модерна» и т. д.

Искусство было большей частью совершенно огорчительное. Я не обнаружил ни одного нового имени, ни одного поворота. Тут, однако, следует ответить на филиппики критиков ярмарки, а их много. Критики эти большей частью считают устроителей ее не то дураками, не то, напротив, страшно расчетливыми хитрецами. В обилии ужасного искусства на ярмарке видят не то умысел, не то неумение различать. В действительности ярмарка просто воспроизводит реальную картину нашей художественной живописи — минус Арбат, минус Новарро. Получилась эта картина, на мой взгляд, очень близкой к действительной — может быть, Союз художников только (не как организация, а как эстетика) был представлен довольно мало.

Цены в среднем по ярмарке мне показались несколько завышенными. Тысяч за пятнадцать — двадцать можно было попробовать найти нечто довольно приличное (холст, масло). Заявленные рублевые цены на признанных мастеров колебались между восемьюдесятью тысячами и полумиллионом за работы некомнатного размера. Были и дороже. Галеристы приводили нью-йоркские аукционные цены, затем пересчитывали их по биржевому курсу и произносили с довольно беспечным видом. Смешные цифры иногда получались. Обсуждая стоимость работы одного из подпольных классиков шестидесятых, я услышал о полутора миллионах...

Удивительно, но на ярмарке было мало графики. На мой взгляд, именно графика, тиражная особенно, может стать важным резервом нашего художественного рынка, привлечь к нему новые социальные группы. Галерея, ориентирующаяся на среднеинтеллигентного зарабатывающего покупателя (скажем, хорошо оплачиваемого специалиста), на приличный вкус, на десятилетиями тренировавшихся в сравнительно спокойной области книжной иллюстрации художников, на умеренные цены, имела бы на ярмарке большой успех. Но такой не было.

Сумма продаж пока неизвестна. Но, пробегая по Манежу за день до закрытия, я увидел красные кружки — «продано» — на всех до одной работах у Гельмана, в «Риджине» и Первой галерее. У других галеристов кружков было два-три, у третьих не было совсем (правда, наверное, торговали и в обход ярмарки).

Приятной неожиданностью оказался коммерческий успех лучших московских галерей. Ярмарка действительно, и это едва ли не главный результат, смогла привлечь новых покупателей — советских.

И еще одно событие — наконец-то советские банки решили всерьез коллекционировать советское искусство. Да еще и современное. Подробности пока покрыты густым мраком коммерческой тайны, однако известно, что объем инвестиций измеряется миллионами. Цели банков — капиталовложения в работы известных и многообещающих мастеров, паблисити, меценатство. Банкиры вполне доверяют художественному вкусу экспертов, а те стараются собирать искусство, которое работает на имидж организации, с которым можно сосуществовать без душевного разлада, которое можно, наконец, полюбить. Возник прецедент. Машина внутреннего рынка постепенно трогается с места. Итак, «Московия» и «Инкомбанк».

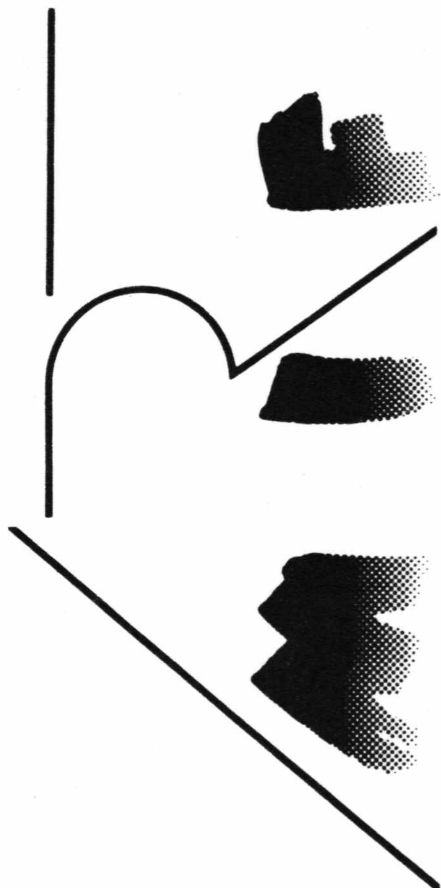
По мере рассекречивания подробностей отечественного корпорэйт коллектинга обещаю их пересказывать.

Светская жизнь на ярмарке приобрела необыкновенный размах и новое качество. Безымянный автор идеи устраивать презентации галерей-участников заслуживает благодарственного адреса от них. Галерей было много, ярмарка была короткая — всего 5 дней. Каждые два часа в Манеже, где все разместились, происходило нечто вроде вернисажа на каком-нибудь стенде галерей, иногда — два зараз. На презентациях поили шампанским, водкой, портвейном, коньяком, джин-тоником, красным и белым вином — в соответствии со стилем и принципами галереи. Играл оркестр Главного штаба ВМФ, рок-музыканты, отдельный барабанщик (очень громко). Выступал струнный квартет. Приводили лошадь. В последний день для всех играл большой симфонический оркестр (презентация «Станбета»). Возникали новые отношения — деловые, творческие, международные, иногда плохие, но редко, чаще дружеские. Меня весьма тронула завязавшаяся дружба между ультрарадикальной Первой галереей, выставляющей одеяла с нашитыми на них танками, и ультраархаичной, эстетской «Новой галереей» Валентина Горлова, работающего только с социалистическим реализмом. Горловская галерея вообще была местом притяжения понимающих людей. Ее презентация, обставленная в лучших традициях эпохи Лактионова, могла бы служить натурой для репринта «Книги о вкусной и здоровой пище». Натюрморты вызывали в памяти «Вакханалию» Пастернака. А как-то ночью Горлов накормил нас собственноручно изготовленным жарким из нутрии.

По-моему, получилось прекрасно. Художественный мир веселился, веселилась публика. Происходила работа. Делалось что-то для искусства. Желающие могут и впредь ходить в Измайлово на барахолку, но богатые, а также бедные, но гордые подождут до следующей ярмарки. Через год.

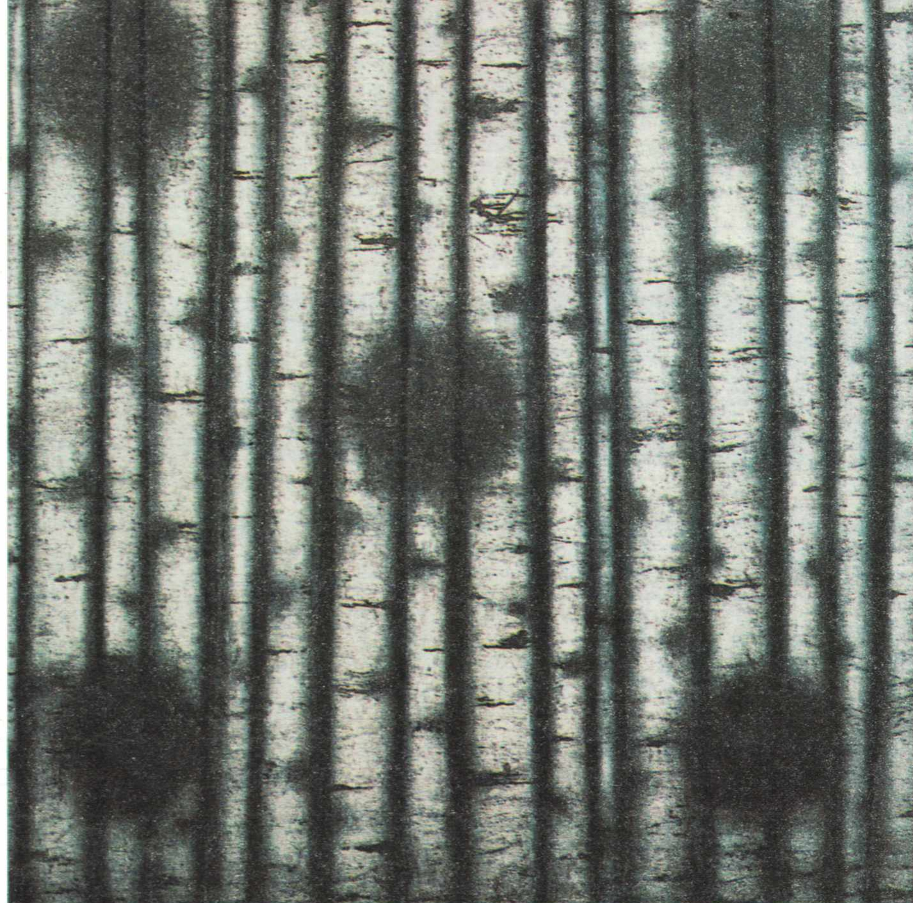
ОГОНЁК

MOSCOW INTERNATIONAL ART FAIR

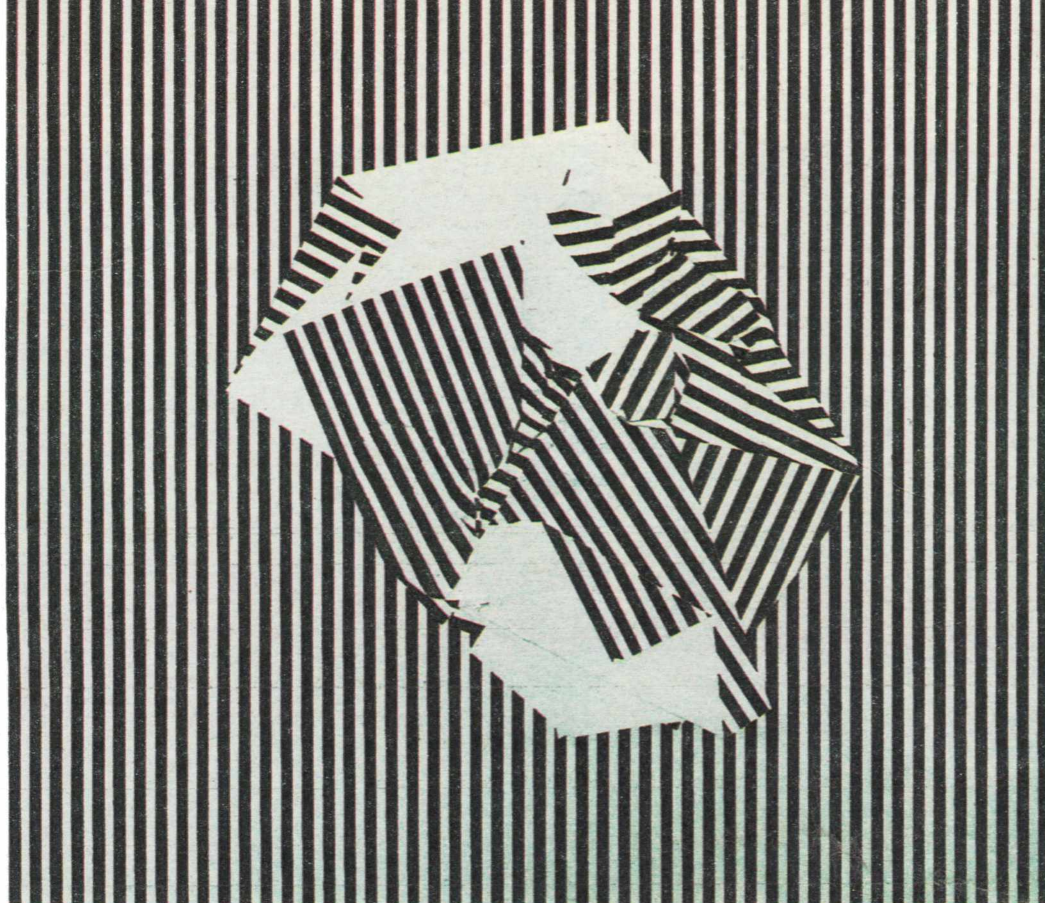

«АРТ — MIF»

Анатолий
ТАЛАЛАЕВ.
«ЛЫЖНИЦА».
Конец 1950-х.
«Новая галерея».

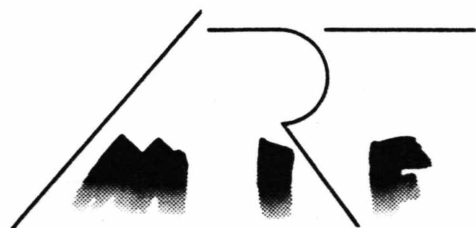
Николай
ОВЧИННИКОВ.
«6». Диптих. 1988.
Галерея
«Московская палитра»

Алексей
СЕМЕНОВ.
Без названия. 1990.
«Первая галерея».

Татьяна
НАЗАРЕНКО.
«БОЛЬШОЙ СТОЛ». 1989.
ВНПО
Союза художников СССР.

Алена
КИРЦОВА.
«УГОЛ КУХОННОГО ШКАФЧИКА». 1991.
Программа «Имена».

MOSCOW INTERNATIONAL ART FAIR

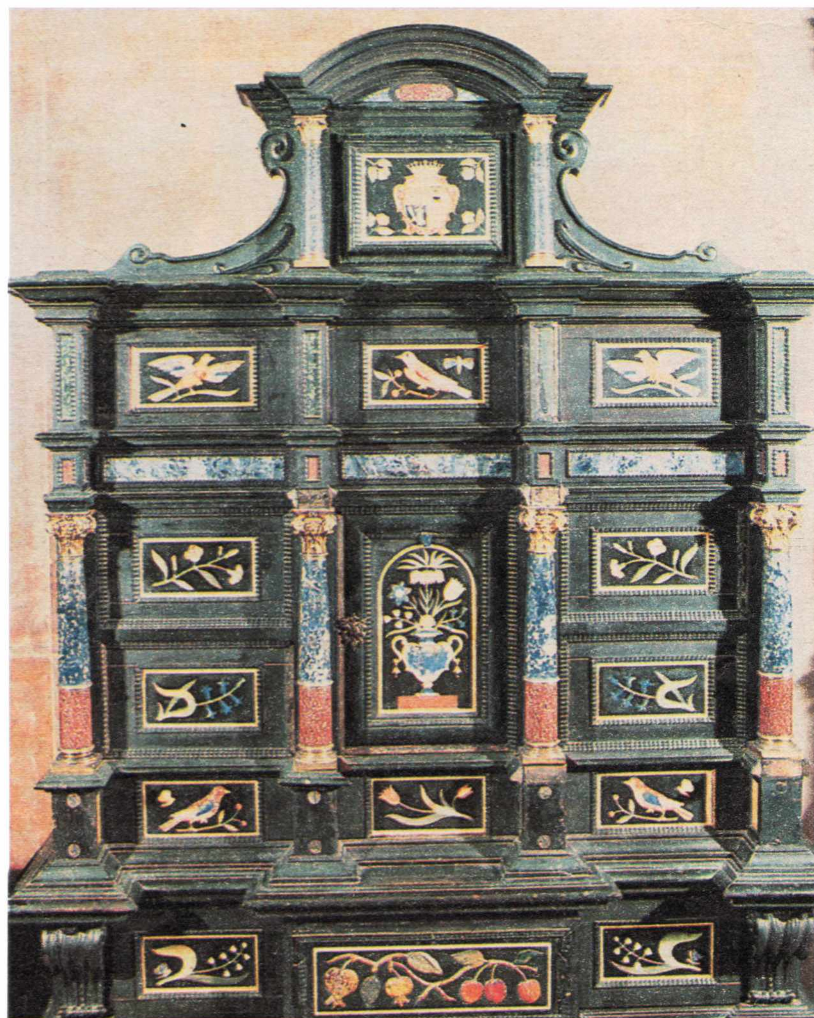
Владимир БРАЙНИН. «ПРОХОД В СТЕНЕ». Программа «Имена».

Наталия ТУРНОВА. «ЛЕНИН И ТОЛСТОЙ. ЧТО ДЕЛАТЬ, ЛЕВ?». 1991. Программа «Имена».

ОГОНЁК

Барон ШТИГЛИЦ

Эти замечательные интерьеры и экспонаты Музея декоративно-прикладного искусства при бывшем Училище технического рисования, созданного на деньги барона Штиглица (ныне — ВХПУ имени В. И. Мухиной),

сфотографировал Лев Шерстенников, в чьем объективе все выглядит более красиво и даже романтично, чем в действительности. А в действительности — «в музее царит запустение и разруха», о чем и пишет в статье «Барон Штиглиц» ведущая рубрики «Российские меценаты» Наталия Семенова.

БЛЕСК И НИЩЕТА

Не будь Александр Людвигович Штиглиц щедрым меценатом, имя придворного банкира забыли бы окончательно. Отнюдь не блестящими финансовыми операциями, а пожертвованным на «благое просвещение» миллионом, на который было сооружено Училище технического рисования, Штиглиц обеспечил себе место в истории. Однако одним миллионом барон не ограничился и выделил более значительную сумму на строительство при училище музея. До его открытия щедрому жертвователю дожить не довелось — в 1884 году он скончался. Петербург долго вспоминал похороны первого богача города — барона провожали поистине с царскими почестями. Отпевали в украшенной померанцевыми и лавровыми деревьями, тропическими растениями и пальмами лютеранской церкви Петра и Павла на Невском, затем тело отвезли в Нарву, где в православном храме Святой Троицы, сооруженном Штиглицем над могилой жены, он завещал похоронить себя. Состав из десяти вагонов встречали в Нарве рабочие суконной и бумагопрядильной фабрик, несшие гроб хозяина на руках до самой церкви. Горели факелы, дорога была устлана ельником, певчие из церковного хора пели заупокойные псалмы...

Барону Штиглицу не пришлось начинать, как его отцу, приехавшему в Петербург скромным биржевым маклером. В тридцать лет он получил тридцатимиллионное наследство и основанный родителем в 1803 году банкирский дом «Штиглиц и К°». Отец — Людвиг Штиглиц, происходивший из еврейской семьи, принял лютеранство и, переселившись в Россию из Вальдекского княжества, занялся банковскими операциями. Со временем он завел содержавшиеся в образцовом состоянии заводы и фабрики, вложил средства в постройку дороги между Петербургом и Любеком. Деятельность его была столь успешна, что взошедший на престол Николай I «за оказанные правительству услуги и усердие к распространению торговли» возвел придворного банкира Людвига Ивановича Штиглица в баронское достоинство Российской империи.

Единственный сын барона появился на свет в 1814 году. Закончив Дерптский (ныне Тартуский) университет, где он изучал латынь и древнегреческий, молодой Штиглиц отнюдь не предназначал себя к карьере финансиста. Но ему не суждено было заняться науками: возвратившись в 1840 году в Петербург, Александр Штиглиц уже спустя три года унаследовал состояние отца, а вместе с ним все дела и должность придворного банкира. Действительного статского советника он получил за постройку Балтийской дороги, а в 1860 году был назначен управляющим Государственным банком.

Сумев сколотить за четверть века капитал в сто миллионов, в 1866 году барон принял решение ликвидировать дела. Уступив железнодорожные подряды и разнообразные концессии компаньонам, Штиглиц отказался ото всех должностей и удалился на покой. Проценты с капитала, приближавшиеся к четырем миллионам годовых, позволяли владельцу дворца на Английской набережной пользоваться всеми доступными удовольствиями, к которым, насколько известно, он был равнодушен. Александр Людвигович удивлял окружающих спокойным и отчасти даже необщительным характером (говорили, что ежедневно приходивший к нему в течение 15 лет парикмахер ни разу так и не услышал его голоса!). Что касается увлечений барона искусством, то он имел особенное пристрастие к театру и музыке: не пропускал ни одной значительной премьеры, стараясь при этом никогда не появляться в первых рядах. Одним словом, заключал современник, всю свою жизнь барон Штиглиц оставался «необыкновенно скромен, не кичился и не блистал богатством».

Впрочем, богатство еще ни для кого не становилось синонимом счастья. Трудно сказать, так ли уж оно улыбалось барону, не имевшему детей и последние десять лет прожившему вдовцом. Правда, его одиночество скрашивала приемная дочь (бывшая, если верить легендам, плодом любви великого князя Михаила Павловича и фрейлины императорского двора). Впоследствии на приемной дочери барона Надежде женился Александр Александрович Половцов, влияние которого на решение Штиглица пожертвовать огромные средства на создание училища трудно переоценить.

До того как Половцов сделался членом Государственного совета, стал одним из учредителей Русского исторического общества, а затем его председателем, до того, как под его наблюдением было выпущено огромное количество изданий, включая грандиозный биографический словарь русских деятелей, Александр Александрович был скромным учительским сыном. В юности ему повезло сдружиться в Училище правоведения с графом Николаем Кушелевым-Безбородко — молодым знатоком искусств, введшим Половцова в высшее петербургское общество. В наследство от рано умершего графа Половцову досталась великолепная библиотека и хорошие связи. Богатство, о котором он мечтал с юности, явилось к нему в образе наследницы барона-миллионера, увлекшейся приглашенным в дом репетитором.

Вне всякого сомнения, именно высокообразованный зять заставил барона обратить внимание на «разобщение ремесел и художеств» и на серьезный недостаток в высококвалифицированных специалистах, испытываемый бурно развивавшейся художественной промышленностью (живописцев, рисовальщиков и скульпторов, которых выпускало Строгановское училище в Москве, для огромной России было явно недостаточно). В итоге 6 января 1876 года барон А. Л. Штиглиц передал в Министерство финансов один миллион рублей «ради развития художественной стороны отечественной промышленности». 6 ноября того же года был утвержден устав Училища технического рисования. В 1881 году закончилось строительство учебного корпуса в Соляном переулке для училища, готовившего «ученых рисовальщиков для ремесел и мануфактур, а также учителей рисования».

Очень скоро Половцов и директор училища академик архитектуры Максимилиан Месмахер сумели убедить барона в том, что постоянное, непосредственное общение с произведениями искусства является необходимым звеном в процессе обучения. Новые пять миллионов, пожертвованные Штиглицем, пошли на создание музея при училище, спроектированного Месмахером.

А. Л. Штиглиц занимался благотворительностью и раньше — на его средства был основан приют в Коломне, он жертвовал на петербургское Коммерческое училище. Но завещанный Училищу технического рисования неприкосновенный капитал в миллион рублей (на проценты с которого оно и существовало), а также сумма в пять с половиной миллионов, большая часть которой пошла на формирование музейного собрания, были колоссальным по тем временам пожертвованием. Спустя четверть века Штиглица не сумел превзойти даже «стекольный король» Ю. С. Нечаев-Мальцев, давший три миллиона на постройку Музея изящных искусств в Москве.

До открытия Музея декоративно-прикладного искусства, богатейшие коллекции которого позволяли проследить развитие практически всех отраслей прикладного искусства с момента их зарождения до конца XIX века, а интерьеры залов воспроизводили художественно-историческую среду различных этапов культуры, Штиглиц не дожил целых одиннадцать лет. А. А. Половцов, сам страстный собиратель, до своей кончины в 1908 году руководил покупками у частных лиц и на европейских аукционах уникальных образцов тканей, шитья, мебели, шпалер, фарфора, стекла, майолики для петербургского музея. В его залах ежегодно устраивались интереснейшие выставки (кстати, именно здесь демонстрировались найденные Генрихом Шлиманом сокровища древней Трои). Популярность училища барона Штиглица как художественной школы продолжала расти, его выпускники славились на всю Россию.

С началом первой мировой войны для училища наступили тяжелые времена. Сначала в музее разместили мастерские по изготовлению противогазов, потом залы вообще превратились в склады военного имущества. Занятия шли нерегулярно, а затем и вовсе прекратились. В октябре 1918 года училище было преобразовано в Государственные трудовые учебные мастерские декоративных искусств, в 1922 году слившиеся с Академией художеств. Еще хуже пришлось музею, некогда «беспримерному», по словам Стасова, «среди всех европейских». В 1923 году его коллекция превратилась в Первый филиал Государственного Эрмитажа. Последний, расценив музей Штиглица как свою полноправную собственность, сумел обогатить эрмитажное собрание брюссельскими гобеленами XV—XVII веков, мебелью королевской мастерской Буля, коллекцией коптских тканей и прочими редкими экспонатами.

На протяжении 20-х годов ленинградские музеи делили между собой музей училища Штиглица: музей антропологии и этнографии забрал костюмы, вышивки, ковры, музей Академии художеств — скульптуры, Зоологический — коллекции бабочек и растений, Русский музей — картины и миниатюры. Но лучшие вещи достались Государственному Эрмитажу, филиалом которого музей бывшего училища номинально являлся до 1945 года (хотя уже с 1930 года не существовал как музейное учреждение). За это время музей-хозяин сумел вывезти даже входившие в отделку интерьеров камин XVII века из зала Генриха II и пять полотен Тьеполо из Венецианского зала. Когда же в феврале 1945 года советское правительство приняло решение воссоздать Высшее художественно-промышленное училище, а одновременно и музей, Эрмитаж крайне неохотно выделил из своих фондов мебель, ткани, фарфор, которыми совсем недавно обогатился за счет училища.

Естественно, что заново создаваемому училищу не могли возвратить имя барона. Немецкая фамилия в сочетании с баронским достоинством мало соответствовала историческому моменту. Училищу, планомерно уничтожавшемуся на протяжении четверти века, присвоили имя Веры Игнатьевны Мухиной — достойного скульптора, не имевшего ровно никакого отношения к петербургской художественной школе (по всей вероятности, о ней вспомнили потому, что автор знаменитой группы «Рабочий и колхозница» принимала участие в восстановлении Ленинградского фарфорового завода). Чуть позднее, в 50-х, с парадной лестницы исчезла мраморная статуя сидящего в кресле барона работы Марка Антокольского — ее отправили в Новгород, никоим образом не связанный с именем мецената.

Тот, кто хотя бы раз был в музее ЛВХПУ (бывшем — Штиглица), не может не согласиться, что у нас в стране ему нет равных — даже в том оскудевшем состоянии, в котором он ныне находится. А уж раньше это был просто уникальный комплекс, в каждом из 30 залов которого была продумана каждая деталь интерьера.

Можно без преувеличения сказать, что сегодня в музее царят запустение и разруха. До сих пор не залечены раны эпохи военного коммунизма, когда здание пустовало и не отапливалось — вода замерзла в стояках и еще тогда разорвала трубы. Ведущаяся реставрация не выдерживает никакой критики. Само здание музея тоже требует ремонта. А еще выставочное и инженерное оборудование — дорогое и, как правило, зарубежное. Музей не располагает даже приличной сигнализацией, а это, в свою очередь, лишает его возможности полнее показать коллекцию, а следовательно, утвердить себя в более высокой, чем третья музейная, категории. Из-за «категории» зарплата научных сотрудников не доходит даже до 200 рублей, и до недавнего времени на должность директора музея не находилось более подходящей кандидатуры, чем бывший начальник тюрьмы.

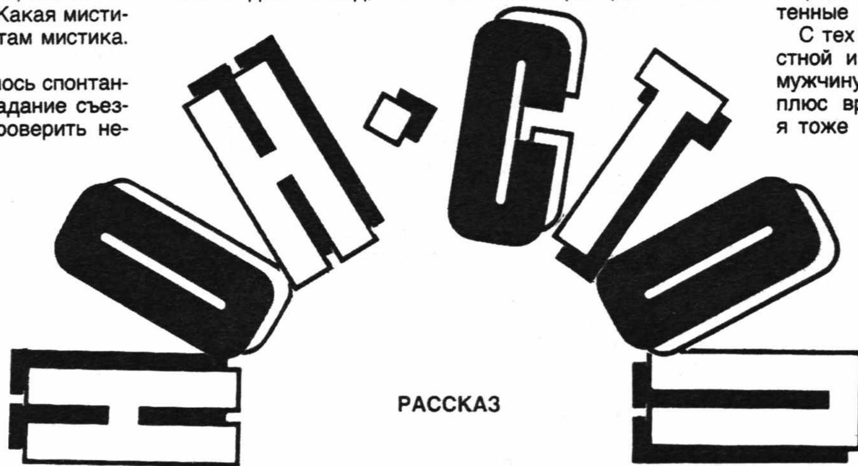
Новый главный хранитель ночует на лестнице, оберегая коллекцию от покушений, которые уже случались. Милицейский пост стоит 130 тысяч рублей, а Министерство образования, из которого музей мечтает перебраться в ведомство российского Министерства культуры, такими средствами не располагает. Все, что оно смогло, снизойдя к бедственному положению,— выделить четыре ставки ночных сторожей. Непонятно, откуда все же у музейных сотрудников находятся силы описывать коллекцию, вести экскурсии даже по выходным дням...

И трудно поверить, пробираясь по грязной лестнице, мимо висящих на облупленных стенах фресок Таврического дворца, что когда-то под этим стеклянным куполом выращивали орхидеи. Еще в нашем веке в Училище технического рисования барона А. Л. Штиглица тропические цветы рисовали с натуры. Сейчас это звучит как насмешка...

Наталия СЕМЕНОВА

Светлана ЯРИЦКАЯ

РАССКАЗ

Как только они эту куклу принесли домой и оставили в комнате у мальчика, я сразу почувствовала, что сейчас что-то будет. Рожа у куклы была какая-то зловещая. И вдруг звук шажков: топ-топ-топ. «Это ты, Энди?» — Мамаша спрашивает.— Энди, Энди, где ты?» А это, как и следовало ожидать, вовсе не Энди. Это кукла. Наверно, с Энди уже расправилась по-злодейски и идет кончать мамашу. А мамаша, естественно, не подозревает. Ой, беги куда-нибудь, сейчас тебя задушат. А куда бежать? Кукла уже за дверью притаилась. Потом ножками топ-топ-топ — мамаша крайне изумилась, рот раскрыла от ужаса, а кукла как даст ей в лоб с нечеловеческой силой, мамаша в окошко вылетела и с седьмого этажа на мостовую. Сколько народа эта кукла ухлопала, прежде чем ее разоблачили!

...Свет включили, я встала и пошла. Шестой ряд, тринадцатое место — вот мое истинное место в жизни. Шестой — потому что впереди, как правило, не торчат головы и в затылок никто не сопит. Народ обычно ближе к середине кучкуется, а на первых рядах создается иллюзия одиночества. Кино для меня — некое таинство, и совершать этот обряд лучше одной, без свидетелей.

После того как жизнь повернулась ко мне, мягко говоря, спиной, я еще какое-то время продолжала любить ее и надеялась на взаимность. Но тщетно. Жизнь не отвечала на мое чувство, поэтому я постепенно к ней охладела и тоже разлюбила ее. Когда я и жизнь охладели друг к другу, внутри меня образовалась пустота, которую нужно было заполнить другой любовью. И тогда полюбила кинематограф, сублимировав свою неразделенную любовь к жизни и перенеся ее в темный зал с ярко светящимся экраном, потому что любовь к кинематографу возможна и без взаимности, а во-вторых, потому что из всех искусств для нас важнейшим является кино, как начертано на стенах любого мало-мальски уважающего себя кинотеатра. Параллельный мир, конечно же, существует: это кинематограф.

Из-за кинематографа мое духовное развитие пошло по неправильному пути, я поглупела, деклассировалась, потеряла нравственные ориентиры. Катарсис, которого жаждала моя душа как своего рода духовного оргазма, не выполнял функции очищения души, напротив, скорее развращал. Но я уже встала на этот путь, и никакая сила не заставила бы меня свернуть с него.

...И что характерно, Верочка сразу же догадалась, что этот парень и есть тот, кого они ищут. Но я ей не поверила и почти до самого конца думала, что это не он. Хотя можно было догадаться: постоянно мелькают кадры, где кто-то в военной форме — это как бы у него в подсознании военная форма. И еще когда он с негритяночкой у себя в номере занимается любовью под протекающим потолком (вот так и надо любовь снимать — как злую стихию, чтобы страшно стало, и цвет жутковатый, как в тумане, будто они убивают друг друга, и дождь все сильнее с потолка, а потом это уже не дождь, а кровь, и они в потоках крови обнимают друг друга) — явный намек на кровосмешение, значит, негритяночка — его дочь. Верочка все-таки удивительно проницательная женщина! Я бы, может, тоже догадалась, но я не сосредоточилась, потому что, во-первых, вспоминала, на кого этот парень похож — на Жерара Филипа, только американизированный вариант, без французского шарма. А во-вторых, жалела, что не зашла в туалет, и весь фильм подсознательно прислушивалась — хочется или нет,— потому что мы выпили портвейна, а потом еще кофе, да я в столовой перед этим съела молочный суп, а молоко — жутко мочегонный продукт. Но когда этот парень перед зеркалом вопит и рыдает: «Я знаю, кто я такой! Я помню, кто я!» — тут уж я и про туалет забыла. Мистика! Какая мистика, вот «Дикая охота короля Стаха» — там мистика. Помнишь? — Нет, я не смотрела.

В кино мы не собирались, все получилось спонтанно, так как с утра Верочка дала мне задание съездить на тароремонтное предприятие проверить несчастный случай со сколотчиком тары, который хотел напилить досочек вместо загулявшего столяра, включил деревообрабатывающий станок и сунул туда досочку вместе с рукой, в результате чего ему отпилило две фаланги среднего и указательного пальцев. Хотя уже все объяснительные и акты были представлены, Верочка посоветовала мне взглянуть на место происшествия своими глазами, так как прошел слух, что пострадавший незадолго до несчастного случая настоятельно просил товарищей по работе сломать ему левую руку, потому что, по его словам, сношал он все это не совсем обычным способом и у него все это сидит в одном месте. Не псих ли? Не имеет ли в данном случае быть членовредительство, или, как говорят в армии, самострел?

Осмотрев цех, где случилась драма, я подумала, что на месте пострадавшего попросила бы товарищей по работе сломать мне обе руки, а лучше сразу удавить в каптерке. Вот где мистика-то! Вот где триллер-то снимать! Забор, рельсы, груды ящиков до самого неба, стук молотков и одни уроды — кто косой, кто одноглазый, кто запойный, кто сразу и одноглазый, и запойный. Толстый дебил взялся рассказывать в лицах, как все произошло, порываясь включить станок и сунуть туда свою неуклюжую конечность. Сколотчики тары с непроницаемыми, как у индейских вождей, лицами посоветовали мне поговорить с мастером Ниной Петровной. Нина Петровна оказалась здоровенным мужиком в костюме «зима» — телаге и ватных штанах и абсолютно ничего не прояснила. Фотографию членовредителя я увидела на стенде «Передовики производства» среди других мучеников, неподалеку от обветшалых плакатов типа «резвость — норма жизни» и «Пьянству — ой!».

Возвращаясь по ржавым рельсам к остановке, я казалась себе Сталкером из фильма Тарковского, бредущим по Зоне. Места здесь были нехорошие. Гиблые места: только ржавое железо кругом да одичавшие собаки. Тех, кто далеко живет, привозят каждый день на работу в маленьком похоронном автобусе. Они сидят там понурые и покорные, как будто едут на похороны. Может, тот человек не хотел совать свои пальцы под пилу — само получилось. А может, и сунул — от злости на весь мир, от безвыходности и отчаяния. Хорошо, что не голову, как сказали бы древние китайцы.

Придя в контору, я направилась в соседний отдел попросить в долг заварки, а там комната открыта и никого нет, ни одной живой души. Заглянула в другую комнату — и там пусто, лишь ветер шевелит бумаги на столах. Не контора, а брошенный корабль без руля и без ветрил, Летучий голландец. Все перестали делать вид, что работают, и разбрелись кто куда, потому что, согласно распоряжению свыше, наша загадочная контора должна исчезнуть с лица Земли так же загадочно, как и появилась. Правда, интуиция подсказывала мне, что потом она возродится, как Феникс из пепла, согласно новому распоряжению свыше.

Потом пришел, шаркая ногами, наш Петр Николаевич, с комплексами, не в духе, с пустой кошелкой, весь исшорканный, измятый и истолканный в очередях. (У него полдня отгул был.) И что-то мне его биополе не понравилось, оно на меня вредно воздействует, особенно когда он начинает ворчать на политику. Я иногда думаю с ужасом: если бы моим начальником был Петр Николаевич, а не Верочка, я бы горло себе перерезала. Верочка — моя лучшая подруга, единственное светлое пятно в моей жизни, редкая женщина, сочетание ума, души, чистоты, тонкости и красоты. Когда я делаю какой-нибудь страшный ляп в отчете, она пожурит ласково, скажет, не расстраивайся, Надюша. А Петр Николаевич бы заел, занудил насмерть. Он как-то вздумал пожаловаться Верочке, что я матерюсь в его присутствии, чтобы она провела среди меня воспитательную работу. Верочка, конечно, мне рассказала, мы посмеялись от души. Я потом при случае говорю Петру Николаевичу: Петруша, тут такая статья о....ная напечатана, что если бы ты не был стукачом, я бы сказала, что я о.....ю от этой статьи, но поскольку ты стукач, я не скажу, что я о.....ю. Он покраснел как рак. В общем, все засмеялись, а Ваня заплакал.

И действительно, Петр Николаевич взялся ворчать на политику утробным голосом, и я вдруг по Верочке резко заскучала, оделась и пошла к ней домой, потому что она с утра в главке, то есть дома. Верочка обрадовалась, дала мне банку и послала в пышечную за портвейном, который там продавали строго на розлив. И я хоть и конфузясь, но пошла, а там уже алкаши кричат, требуют, чтобы разливали в их присутствии, а не за кулисами, и я тоже присоединилась к их справедливым требованиям. Это, как ни странно, подействовало. Разливали в нашем присутствии при помощи мензурки с делениями, но при этом так сильно покраснели от злости, что чуть не лопнули. Верочке стоять с алкашами не позволяют ее красота и хорошие манеры, а я не так удалась лицом и фигурой и, кроме того, люблю иногда оказаться в гуще народной жизни и понаблюдать за людьми. Два по двести, больше в одни руки не дают. И в банку. Вообще-то у нас для таких целей есть плоская охотничья фляжка, купленная в «Спорттоварах», но в нее наливаются более крепкие напитки. Эту фляжку можно хоть в дамской сумочке носить, хоть в чулке, как Мэрилин Монро в фильме «В джазе только девушки».

Дома распили, и стало нам хорошо, и в кино захотелось, мы и пошли. В кино я особенно люблю ходить в рабочее время, так как запретность удовольствия придает ему дополнительную остроту. Негритяночка в этом фильме была прелестная — нежное смуглое личико, темные вывернутые губки,— посмотришь и вдруг всей кожей поймешь, как мужчина может любить женщину, невзирая на ее душевные и деловые качества, просто за то, что складки одежды шуршат и скрывают таинственные изгибы, укромные ложбины и округлые холмы и волосы шелково струятся по теплой шейке. Вот мужчину, наверно, невозможно любить, невзирая на его душевные и деловые качества. С годами вообще все труднее влюбляться, потому что сразу видишь его насквозь, и никакой джинсовый костюм не введет тебя в заблуждение, ни цитаты из Томаса Вулфа или Дилана Томаса, даже и по-английски. Обязательно найдешь в нем что-то такое, от чего чары сразу же развеются. А если чары развеялись,— все, уже ясно, что дождь с протекающей крыши не польется на ваши переплетенные тела и вообще тела не переплетутся.

С тех пор как меня разлюбил муж, я стала несчастной и злой и подсознательно выбирающей себе мужчину, но беда в том, что мне никто не нравится, плюс врожденное чувство брезгливости. Впрочем, я тоже с тех пор особенно никому не понравилась,

кроме пятидесятилетнего Юрия Марковича в санатории для страдающих болезнями опорно-двигательного аппарата. И если бы не спирт, украденный им с предприятия и привезенный в санаторий, ни за что бы не стала я ходить с ним на танцы, тем более что и танцевать он не умел, ему мешала болезнь опорно-двигательного аппарата, а я, напротив, несмотря ни на что, танцую необыкновенно грациозно и изящно, но никто в том идиотском санатории этого факта не оценил. Из-за спирта я однажды уснула в бромойодной ванне и потеряла нательный крестик, и как только я его потеряла, сделалась метель, все занесло снегом, повалило пять телеграфных столбов, прервалось телефонное сообщение и нас отрезало от большой земли, а к завтраку не завезли хлеба. И я поняла, что это знак, голос свыше, и надо с этим Юрием Марковичем завязывать, собственно, и не развязав, на что он жутко надеялся, поя меня своим спиртом и отрывая его от сердца.

Зашли с Верочкой в гастроном, а там как раз продавали окорок, народ столпился, задает глупые вопросы типа «Окорок по талонам или нет?». Какая-то женщина подошла, посмотрела и спрашивает: это буженина? Хотя невооруженным глазом видно, что это окорок, а не буженина. У меня талонов не было, я только понюхала воздух около этого окорока и ушла. И побрела дальше, деклассированная, нетрезвая и потерявшая нравственные ориентиры. Навстречу шел пенсионер с пакетом, полным чудесных овальных белоскорлупых яиц, и едва он поравнялся со мной, как я ведьминским чутьем поняла, что не донесет он свою добычу до дома, и тут пенсионер поскользнулся и неловко упал прямо на пакет с яйцами. Раздался характерный хруст. Народ взвыл. Пенсионер, бледный и потрясенный, поднялся на ноги, держа пакет с бело-желтым месивом и из гордости пытаясь скрыть от окружающих размеры своей потери. Но бледность лица и дрожание рук выдавали его горе. Он пошел прочь, а все стояли и молча смотрели ему вслед. Можно было снимать короткометражный художественный фильм «Пенсионер разбивает яйца». Публика бы рыдала.

Некоторое время назад, несмотря на то, что муж меня разлюбил, я не отпустила его от себя к его любимой женщине Людмиле Теодоровне, о чем мы теперь оба жалеем. В результате многосерийной мелодрамы с элементами эксцентрики и ужасов, не вынеся всего этого надрыва и надлома, мой муж охладел к нам обеим и стал кришнаитом. По утрам и вечерам он пел кришнаитские мантры: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе и так далее.— У вас все так хорошо поют или только ты один? — Ой, лучше бы вы не пели, папаша,— сказала дочь.— Хорошо, что с нами не живет моя мама, ты бы уже сидел в дурдоме и никому ничего бы не доказал. Весь мир дурдом, как сказал Шекспир. На почве кришнаитства он все чаще отлучал меня от ложа, потому что любовь — это вредная привычка, а настоящий кришнаит должен бороться с вредными привычками и думать о бессмертии души. Я тоже порой думаю о бессмертии души, но почему-то мне иногда кажется, что душа — это и есть тело. Во всяком случае, когда он любил Людмилу Теодоровну, тогда и мне перепадало собачьих радостей, а так ни мне, ни ей. Сердце может разорваться, когда твой муж поет мантры,— до чего довела человека! — Это не мода, мама, и не бзик, это люди истину ищут, опору и свет. Раньше за правдой ездили к Чернышевскому. А сейчас к кому за правдой поедешь? — К Союзу писателей? Кстати, у них сейчас очередной съезд, на котором они ищут среди себя евреев. Поезжай, поезжай за правдой. Русских писателей больше нет, сейчас писатели делятся на советских и антисоветских.

И сидим мы по своим углам — я в кресле, поджав под себя маленькие ножки и что-нибудь пиша (бежать — бежа, пить — пья и т. д.) о своих наблюдениях за жизнью людей.— Что ты там пишешь? Опять подражая Пьецуху или Евгению Попову, только неудачно? По лицу видно, что подражая Пьецуху, выражение лица пакостливое, кривая усмешечка,— разве с таким выражением лица писали русские писатели? — Писать надо сквозь слезы.— Я не могу сквозь слезы, я их все выплакала, когда ты уходил к Людмиле Теодоровне. Конечно, тебя можно понять, ведь она красивее меня в 1,333 раза, и когда ты на мне женился, ты не знал, что я окажусь такой мегерой, деклассируюсь и утрачу нравственные ориентиры.

Он не говорит мне, что жалеет о том, что не ушел. Однако согбенность его спины и некая отчужденность интонаций красноречивее слов. Так говорят люди, связанные общим преступлением: я знаю, что ты знаешь, что я знаю. Разве я не имела права отстаивать свое женское и человеческое счастье? — думала я. Имела. Почему Людмила Теодоровна должна быть счастлива, а я нет? Чем она лучше

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

меня? Какие у нее такие добродетели? «Оставь эту борьбу»,— говорил мне внутренний голос; но я не вняла. И, конечно, была не права. Потому что если бы каждый стал бороться за счастье для себя лично, то суммарное количество счастья в мире не увеличилось бы. Впрочем, если бы каждый стал отказываться от личного счастья в пользу другого, то суммарное количество счастья в мире тоже не прибыло бы. Но это если исходить из условия, что существует некое суммарное и неизменное количество счастья в мире. Возможно, это величина непостоянная и колеблющаяся, и соотношение счастья и несчастья отнюдь не уподоблено двум сообщающимся сосудам, когда из одного вытекает столько же, сколько прибавляется в другом. Ведь не исключено же, что все человечество в один прекрасный день почувствует себя счастливым!

Ясно только, что, когда начинаешь бороться за счастье, ему приходит конец.

Наше молчание или наш разговор обычно прерывается телевизором: «Бирюза, подаренная любящей рукой, хранит от бед, успокаивает, снимает головные боли...» — О! Ты слышишь, мне непременно нужна бирюза, чтобы хранила от бед. Хотя зачем, ведь она не будет подарена любящей рукой.— Выключи этот айдиот-бокс, он мешает мне заниматься. «Из этой ароматной жидкости в других странах получают лечебные препараты, сок папайи утоляет жажду в самую жестокую жару...» — Чей сок? — Папайи. Плода дынного дерева. Папайю хочешь? — Хочу.— А нету.

С тех пор, как провели кабельное телевидение, каждый день на экране во все стороны брызжут кровь и сперма, вампиры слетаются кровь сосать человеческую, мужчина натурально превращается в муху, фу, меня сейчас вырвет, не могу смотреть, не можешь, не смотри. Мертвецы встают из могил и пожирают живых.— Ой, тут без тебя показывали фильм про Байрона, Шелли, Мэри Шелли и их компаньонку.— Тоже порнуха? — Почти. Байрон и Шелли целуются в губы.— Что-то я не слыхал, что Байрон был педик.— Он не был педиком, это они, наверно, с Оскаром Уайльдом перепутали.

А тут как раз приходила мама, показывали совершенно невинный фильм, ничто не предвещало, и вдруг они там ни с того ни с сего как начали трахаться, как начали! — Учите! — с горечью сказала мама.— Учите ребенка похабщине! Бабушка права. А вы матери кино не дадите посмотреть почеловечески. Я у вас тут как сумасшедшая гальюн драю, по магазинам ношусь, тебя за водкой не стояло, не трожь шкалик! Людмила Теодоровна нальет. И выгладит она же. Кто сожрал тушенку из госматрезервов? Это на случай войны, я специально спрятала! На работу, с работы, в магазин, из магазина, Фигаро джю, Фигаро зу, Фигаро куа, Фигаро ля, как поется в опере...

Верочка, давай поженимся, ну их всех к черту, будем кабель смотреть. У вас «Эммануэль» крутили? А у нас еще нет. Опять мы на обочине прогресса. Вчера такие страсти показывали! Захожу в комнату, а там чудище кошмарное и осклизлое как раз человека зажевало — человек уже почти у него в желудке, только ножки торчат из мокрой пасти и взбрыкивают. Но хуже всего, когда оно этого человека назад выплюнуло. Он лежит такой пожеванный весь, будто месиво, и ножками взбрыкивает, но уже слабо... Интересно, как они это делают? Надо же, какая техника!

— Мама, что это играют? — Это «Арагонская хота» Глинки.— Ничего подобного, это Григ, танец Анитры.— Вот уж действительно жопу с пальцем.— Ой, ой, при ребенке! — Да меня ребенок-то и научил этому выражению, я до него сроду такого не слыхивала.— Папа, тут на днях в американском фильме сматерились на букву «з».— Как это? Я такого слова не знаю. По-английски на «з» или по-русски? — Как это по-английски может быть на «з»? Иди, скажу.— Бесстыжие ваши рожи!

Эммануэль каждому встречному-поперечному отдавалась? Отдавалась. Царица ночи мужиков искала? Искала. Миранда задницу показывала? Показывала. Джой-манекенщицу сразу трое имели? Имели.— Почему у нас все не так? — Какая у тебя задница и какая у Миранды! — В Китае смертную казнь можно получить за распространение порнографии.— Вот это правильно! — Эти китайцы еще хуже нас.— Хуже нас никого нет.

Объявление видела: потерялся кот простой породы, старый, кончика хвоста нет, зовут Мишка, просьба вернуть за вознаграждение. Они, наверное, в ответе за тех, кого приручили.— Нет, они, наверное, в этого Мишку бриллианты зашили.— Ой, сейчас расскажу тебе такое, ты прямо упадешь.— Не упаду.— Упадешь, упадешь. Моей сестры подруга Юля купила на барахолке плащ за 400 рублей, привезла его домой, сунула руки в карманы, а там в каждом кармане по платиновой сережке с бриллиантом. Оценили в 26 тысяч. У этой Юли, что интересно, муж бизнесмен, вот так всегда — деньги к деньгам.— Мы бы с тобой никогда не нашли в карманах сережки с бриллиантами. Сестра называет их «брюлики».— Потерять — это на нас похоже, а вот найти — никогда.— Я однажды бегала вокруг стадиона и нашла три двадцатника, положила их в карман трико, а пока бегала, где-то их вытрясла. Обидно.

А вот еще: выполним любые, в том числе конфиденциальные, поручения. Интересно, какие именно? — Может, морду начистить.— Денег, наверно, будет миллион.— Нет, например, слежка. Хочешь узнать, где бывает твой муж от трех до пяти? — Я это бесплатно выяснила.

Я ему крылья обрубила. Он мог быть счастлив с Людмилой Теодоровной. А так мы все трое несчастливы.— Или четверо.— Или даже пятеро.— А ты думаешь, кто-то есть счастливый? Хоть один? Однако все живут себе и делают вид. И ты делай. Как японка: всегда улыбается, а ты сидишь на службе с красным носом и опухшими глазами. Японка бы себе такого не позволила! Твоя первейшая обязанность на службе — хорошо выглядеть.

У меня привкус безумия во рту. Зайдешь в магазин и вдруг забудешь на какое-то мгновение, кто ты, зачем и что тут делаешь, как бы потеряешься. Живешь, как в бреду. Как зомби, телемертвец из фильма.— Я так устала, так устала.— От чего ты устала? — От пустоты, от бессмысленности. От житейской борьбы.

А где-то в сумерках под деревьями мой муж держит в своих руках озябшие ладошки Людмилы Теодоровны, и она говорит ему: какая твоя жена злая и жестокая женщина, она тебя удерживает просто из вредности, ведь она тебя не любит. Мы могли быть счастливы. А сейчас нам даже негде укрыться от холода и снега. И они стоят такие бедненькие и грустные, а потом приходят каждый к себе домой и живут там тихо и грустно. А я смотрю на лысеющую голову мужа, на его согнутую над книгой спину и думаю: зачем мне эта пиррова победа? Ящерица, когда ее настигает враг, чтобы ускользнуть, оставляет хвост. А я, чтобы ускользнуть от напасти, потеряла что-то более ценное — может быть, даже где-то честь, а где-то человеческое и женское достоинство.— Ну, скажи, Верочка, как жить без чести и достоинства? — А так и жить, на работу похаживать и свои бессовестные отчетики пописывать, киношки посматривать.— Век бы из кинотеатра не вылезала.— Ну и не вылезай.— Ловцы человеков меня, как пишут писатели-русофилы, имали,— и поймали.

Ушел бы он к Людмиле Теодоровне, и можно было бы жить ревностью, потерей, любовью, а сейчас чем жить? Тогда бы мной владело отчаяние. А сейчас ничего не владеет. Только иногда хочется подойти к моему несчастному мужу и спросить с иезуитской участливостью: ну, что, плохо тебе со мной? Знаю, что плохо. А никуда не денешься: всем плохо.

Помнишь фильм «Дорогая Луиза»? Неужели не помнишь — с Жанной Моро в главной роли. Там про то, как женщина лет сорока приютила у себя молодого бездомного парня и полюбила его последней, отчаянной любовью. А он, пожив у нее, естественно, ушел черт знает куда и спасибо не сказал. В общем, драма, она в отчаянии. Включает газ, сует голову в духовку... Потом выключает газ, бежит в парикмахерскую и говорит: вымыть, подстричь, уложить. Шикарный конец! Вот и ты так же — распрямись, разверни плечи, подстриги, уложи. Кстати, ты рижский лосьон для волос опробовала? Опробовала, а разве незаметно? Смотри, волосы так и льются шелковыми волнами на смуглую шейку. А ты знаешь, что такое последняя любовь?!

Я над этой Луизой плакала, как дитя. Луизу было жалко, хотя она живет в Париже, имеет прекрасный цвет лица и французские духи. Почему-то людей в жизни так не жалко, как в кино. Потому что нравственные ориентиры утрачены. Ты людей любишь? Что-то не получается у меня их любить. Не могу. Вот загнала их жизнь на тароремонтное предприятие — что они, виноваты? Пожалей их, заплачь о них вместо своего легкомысленного отчетика о вредных условиях труда. Сколачивают они там ящики, бьют себя молотком по пальцам и отпиливают фаланги деревообрабатывающим станком. Разве для того они рождались на свет, чтобы сколачивать ящики и отпиливать себе пальцы деревообрабатывающим станком? Нет, не для того они рождались! А мы разве для того рождались, чтобы пописывать свои дурацкие отчетики? Нет, и мы не для того рождались. А рождались мы все для любви, добра и света. И где все то, для чего мы рождались? Нашли мы все это? Нет, не нашли. И не найдем, потому что не знаем, где искать. Так что же, руки на себя наложить? Нет, не надо накладывать руки, потому что главнейшая обязанность человека в нашей стране — жить, несмотря ни на что. И мы должны выполнять свою главнейшую обязанность.

Или, например, Людмила Теодоровна опасно заболеет, а я отдам ей свою кровь и спасу ее.— Она у тебя не возьмет.— А она не узнает. Ей потом скажут: знаете, кто вас спас? — Она скажет: заберите назад, мне от нее ничего не надо!

А это тоже не «Арагонская хота»? — Это «Итальянское каприччио»; между прочим, Чайковского.— Похоже на «Арагонскую хоту».— Близко ничего похожего нет.

Если с ним что-нибудь случится, я этого не переживу. Я имею в виду телевизор. У меня два близких существа: Верочка и телевизор.

«Пойми, Раффал, я женщина, я не могу быть одна! Это наш последний шанс, он будет мне мужем, а тебе отцом!» — Что за фильм? — Ерунда, какая-то мелодрама.

Какое-нибудь душевное кино про бедного сиротку, чтоб сиротку было жалко-жалко, чтобы заплакать над его судьбой и плакать горько-горько, сладкосладко,— в общем-то не о сиротке плача, а о себе, хоть ты и не сиротка и родственников у тебя навалом...— Неужели она его в детском доме оставит? Зачем только такое показывают! Мальчишечка бедный так ее ждал, мамочка, мамочка моя любимая, и вот вам здрасьте! Лучше бы я не смотрела этот фильм.

А вообще-то что значит моя отдельно взятая личная драма на фоне всеобщего национального позора и всеобщей национальной катастрофы? Да ровным счетом ничего не значит. Но вот такая я эгоистка, что мне моя личная драма не менее дорога, чем всеобщий национальный позор, и никому я ее не отдам и ни на что не променяю, а буду ее лелеять и беречь. Вот такой я человек — холодный и жестокий и никого не жалеющий, кроме себя, и нет у меня теплого чувства к окружающим меня людям. Даже Верочке я не воздаю добром за добро, и у меня подсознательно такое чувство, что я ее обманываю, потому что мне кажется, что я люблю ее меньше, чем она меня. Что я ей хорошего сделала, кроме ляпов в отчетах, за которые ей же и попадает от начальства? Что сделаю я для людей, как говорил Данко, вырывая из груди сердце.— Данко сердце для людей вырвал, а ты даже не можешь сделать так, чтобы им не отпиливало пальцы деревообрабатывающим станком! Ты даже пожалеть их не можешь.— Сейчас сердце вырву. Для людей. Отойди, дай сердце вырвать!

Ну хорошо, а Лермонтов? Мне кажется, Лермонтовым владело нехорошее чувство к людям, злое и мстительное.— А вот Лермонтова ты не трожь. Не замай, как пишут писатели-русофилы. Лермонтова мы тебе не отдадим.— А кто написал: мне грустно потому, что весело тебе? Хороший человек только радовался бы, что ей весело. А он не радуется.— Лермонтов зато отчизну любил.— Но ведь странною любовью! — Но ведь любил! — Может, и я людей люблю, только странною любовью!

И все было хорошо, пока нас не засек Петр Николаевич, который видел, как мы выходили из кинотеатра в рабочее время. И давай нудить про личную ответственность за дело перестройки и за мир во всем мире. Он, бедный, думает, что в нашей конторе можно принести пользу отечеству. Но момент был критический. Ваня засмеялся, а все заплакали. Тут я как-то отстраненно на него посмотрела, будто мы два персонажа из фильма: положительный и отрицательный. И не важно, кто из них прав. Важна художественная правда. А она на моей стороне: мой образ более убедителен, чем его, хоть он такой честный, трудолюбивый и правильный, а я лентяйка, болтушка и врунья.

В принципе на все можно посмотреть отстраненно и представить, что это все в кино: и я, и муж, и Людмила Теодоровна. Собственно, не важно, уйдет ли мой муж в конце концов к Людмиле Теодоровне или останется со мной до самой смерти, будет ли он кришнаитом или православным, покажут ли нам наконец «Доктора Живаго» или не покажут,— важна художественная правда жизни. Сначала крупные планы: Людмила Теодоровна у кухонной плиты с опущенными усталыми плечами и горькими складками около губ. Муж над книгой, устремив в пространство потухший взор. И я у окна,— вглядываясь в ночное небо. И музыка, от которой теснит грудь. (Непременно теснит. Непременно грудь.) А потом камера отъезжает, отъезжает, потом другой кадр — вид сверху, занесенные снегом улицы и дома с освещенными окнами, а в окнах неясные силуэты. Камера все выше, силуэты в окнах все дальше, все меньше, вот они превращаются в точки, их уже нельзя отличить, а они все отдаляются, отдаляются...

Сергей НИКОЛАЕВИЧ

«Вы спрашиваете, менялся ли он? Да, конечно. За четыре года, что я его знал, он постарел лет этак на десять. Но какими они были, эти четыре года — вся эра Кеннеди. Ни один человек в мире, может быть, кроме жены, не имел права сказать ему: «Эй, Джек. Привет, как дела!» Его родной отец, которому он был всем обязан, который всех их там имел в этом Вашингтоне, на людях обращался к нему не иначе, как: «Господин Президент». И сестры, и оба брата. От одного этого можно стать надутым, псевдовеличественным, пошло-высокопарным. А он — нет, не стал. Постарел только. Но, похоже, замечал это лишь я один».

Мой собеседник — неулыбчивый господин невысокого роста с грустными, внимательными глазами. Он посасывает погасшую трубку и медленно, с каким-то усталым безразличием отвечает на мои вопросы. Вначале мы говорим о нем самом. Его зовут Жак Лоу. Ему пятьдесят девять лет. Живет в Нью-Йорке. Считается асом фотожурналистики и одним из лучших портретистов Америки. Прославился в начале 60-х как первый официальный фотограф президента Кеннеди. Бессчетное количество публикаций в лучших иллюстрированных журналах мира, 12 фотоальбомов, персональные выставки на всех континентах. Последняя по счету — у нас в Москве, в Фотоцентре на Гоголевском бульваре.

«С семьей Кеннеди меня познакомил Пьер Сэллинджер, будущий помощник президента по связям с прессой, а тогда репортер «Сан-Франциско кроникл». Мы вместе делали репортаж о событиях в Венгрии 56-го года. Вначале я фотографировал Роберта с детьми. Знаете, такие домашние, семейные снимки. Совсем неофициальные. Их любят печатать в женских журналах. Они понравились Послу (в их доме Джозефа Кеннеди все называли Послом), и тот предложил мне принять участие в предвыборной президентской кампании его старшего сына, Джека. Стать его личным фотографом. Я согласился».

С фотографий Жака Лоу, помеченных концом 50-х — началом 60-х годов, на нас смотрит сенатор Кеннеди, счастливый отец, гордый муж, серьезный политик, улыбчивый кандидат в президенты, наконец, президент. Воплощение обаятельной твердости. Само лицо Кеннеди, которое камера Лоу влюбленно моделирует, каким-то поразительным образом примиряет мужественность и застенчивость, непреклонную волю и самоиронию — примиряет особым, редкостным шармом избранности, душевного аристократизма. Таких лиц не знал Голливуд, не знал Капитолий. Если попытаться найти феномену Кеннеди психологический прототип в сфере американской литературы, то это, наверное, Великий Гэтсби. При этом, как и в герое Фицджеральда, печать гордой и обаятельной избранности — лишь первое приближение к его подлинному характеру — там, внутри, нет безмятежного сияния баловня судьбы, прославленная «charming machine» отключена, бездействует, там могут быть потемки сомнений, страданий, печаль — там начинается то глубокое, неповторимое, индивидуальное, что приковывало к нему внимание всего мира. Этот человек, наверное, был бы невообразим в роли благовоспитанного семьянина, прилежного налогоплательщика и владельца недвижимости — его лицо указывало на особый характер, словно специально созданный для великой борьбы и трагических испытаний.

И Жак Лоу первым угадал это.

Не сразу, конечно. Не вдруг. Его камера — спокойная, деликатная, внимательная, умеющая почувствовать настроение момента и этот момент подстеречь, соединить с реально увиденным, не навязать, не срежиссировать эффектно и зло, как беспощадный к своим моделям Хельмут Ньютон, не разоблачить во что бы то ни стало, как хмурый Аведон, а именно соединить, связать, скомпоновать в одно целое.

Вот один из самых знаменитых его кадров — Кеннеди у воды. В черном пальто с поднятым воротником. Отъединенный от всех. Погруженный в себя. Он как будто не слышит бурного разлива, не замечает кипящей волны, бьющейся у его ног. Он не здесь. Камера длит это мгновение покоя, словно боится пошевельнуться, словно хочет его уберечь, словно все уже о нем знает... «О господи, море твое велико, а челн мой так мал» — надпись с металлической пластинки, лежавшей на письменном столе в Овальном кабинете.

А эту фотографию Кеннеди любил больше других и всегда демонстрировал гостям Белого дома: начало его предвыборной кампании. Они вместе с Жаклин в Портленде, штат Орегон. Утро. Туман. Взлетная площадка провинциального аэродрома, больше похожая на сельский луг. Только два человека пришли на встречу с кандидатом в президенты. Так и замерли все они на том лугу. Не то соболезнования принимают, не то поздравления. Разве теперь поймешь? Потом завтрак в придорожной закусочной. И опять никому нет дела, кто там сидит, уткнувшись в газету, пока стынут тосты и кофе.

Постепенно в кадре становится все теснее от лиц, от протянутых для пожатия рук, от плакатов с надписью: «We're with Kennedy». Людей вокруг него все больше — какая-то бесконечная ликующая массовка. И городские пейзажи с их зажженными фонарями, дымным небом и светящимися окнами небоскребов не отделены от людей. Перед нами сама Америка, разнокалиберная, просторная и обжитая,— идеальная декорация для президентской игры. Между документальной достоверностью подобранных типажей, интерьеров, пейзажей и эмблематическими явлениями героя нет пустоты — она заполнена воздухом надежды, дыханием весны и всеобщего обожания. Страна дышит любовью к Джону Кеннеди.

На фотографиях Лоу масса движения, разных автомобилей — с открытым верхом, с закрытым. Кеннеди все время в потоке, стремительном, переменчивом, но не враждебном, не опасном. Может быть, поэтому он здесь так открыт, так пластичен и так собран изнутри, сохраняя ощущение собственной значимости и духовной избранности без всякой натуги, без всякой позы.

«Он ненавидел позировать. Это было невыносимо. Все уже договорились. Будем снимать. Устанавливаю штатив, нахожу мизансцену. Приготовились. Можно работать. Вдруг: «Слушай, Жак, ты читал этот очередной кошмар Хью Сайди? Эти парни из «Тайма» совсем охренели...» Ну и так далее. Он в состоянии был высидеть на одном месте не больше минуты. Не мог подолгу смотреть в объектив. Никогда не знал, что такое «его свет», «не его свет». Не верьте, когда говорят о нем, что он конструировал свой имидж, манипулировал общественным мнением, используя свой мужской шарм. Он был слишком умен, чтобы думать об этом, и слишком красив, чтобы заботиться о том, понравится домохозяйкам из Оклахомы или нет. Кстати, лучшие его портреты, которые мне по-настоящему удались,— это те, когда он забывал о моем присутствии или делал вид, что забывал. Потому что Джек помнил все».

По фотографиям Лоу видно, как легко уживались в Кеннеди скрытый внутренний драматизм и внешняя патетичность с духом веселья, розыгрыша, авантюры, а президентско-имперский стиль с редким даром интимного, задушевного общения. Он так говорил со своими телезрителями! Не фамильярно, нет! Доверительно, иногда даже строго, со спокойной настойчивостью, как старший сын, оставшийся в доме за хозяина. Кеннеди был из породы тех мужчин, которые всегда остаются мальчишками. Его спиннинги, его клюшки для гольфа, его тонкие сигары, его качалка с твердой спинкой, его невоз-

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

Из этих фотографий мог бы получиться превосходный фильм. Собственно, их и смотришь, как фильм. Напряженно, неотрывно. Следишь за сложной драматургией перемежающих друг друга сюжетов, чувствуешь в каждом кадре эпический ритм киносаги, слышишь характерную голливудскую акустику, резонирующую даже на молчаливых крупных планах, но главное — переживаешь за героя, восхищаешься им, сочувствуешь, видишь, как он меняется — выражение глаз, улыбка, пластика. При этом никакого грубого грима — никаких там морщин, седин. Просто физически он становится иным. Смотрит иначе, улыбается иначе. Неизменным остается на снимках только жест согнутой в локте правой руки, энергично режущей воздух. Вся патетика индивидуальной воли, вся патетика победительной силы, вся патетика ликующей молодости — в этом его жесте.

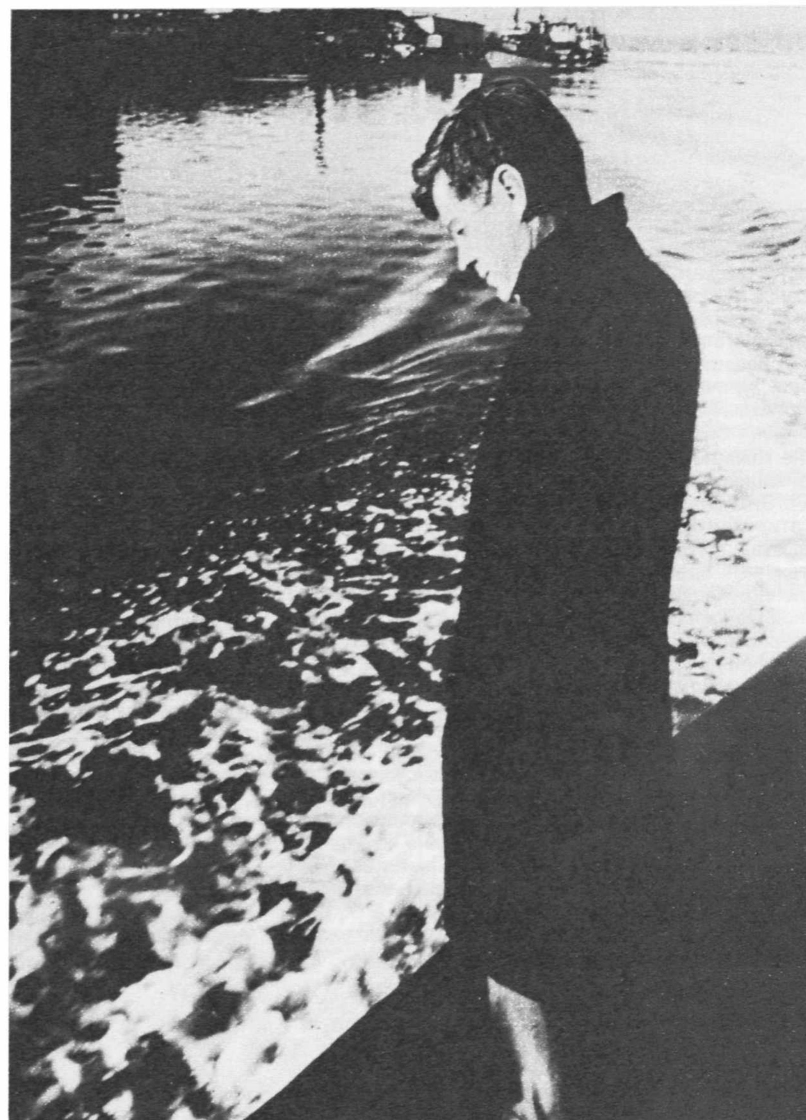
мутимый ирландский юмор, его безупречный пробор — шедевр парикмахерского искусства, даже его сексуальная ненасытность, о которой стало известно позднее,— все это вместе, растиражированное на миллионы копий, сотни изданий, тонны сувениров, открыток и никелевых пятидесятицентовиков, составляет по сегодняшний день эталон неотразимой мужественности, образец, сотворенный большой политикой и отданный ею в жизнь.

Такими спортивными, свежими, остроумными, в таких же накрахмаленных рубашках и полосатых галстуках хотели видеть себя молодые люди начала 60-х годов, и таким они вслед за Кеннеди видели свой образ. Они могли не обладать его обаянием и красноречием, они не знали столько цитат из Шекспира, Байрона и Китса, у них не было такой красивой жены и шансов в один прекрасный день стать обитателем Белого дома. Но какое это имело значение? Их человек был т а м. Младший офицер второй мировой войны пришел на смену старому генералу. Сияющая, грозная юность сменила потускневшую легенду и дряблую старость. Вперед к «новым рубежам», к миру без войны, к жизни без ненависти — религиозной, классовой, расовой, любой... И опять этот знакомый жест правой руки, колотящей воздух. «Еще много миль я пройду, прежде чем успокоюсь». Он любил стихи Роберта Фроста. И в день инаугурации по просьбе молодого президента старый поэт будет путано и велеречиво размышлять о «золотом веке единения поэзии и власти», каким виделось ему с инаугурационной трибуны будущее правление Кеннеди.

Фотографии этих торжеств, а также парадный семейный портрет всех Кеннеди станут последними работами Жака Лоу в качестве личного фотографа нового президента. Несмотря на настойчивые просьбы Кеннеди войти в штат сотрудников Белого дома, Жак отказался. Он ценил превыше всего свою независимость и не собирался становиться придворным фотографом. Расстались друзьями. Он еще много потом снимал и Джона, и Жаклин, и обоих их детей. Я спросил Жака об этом браке, окруженном дурной молвой, разноречивыми слухами, сплетнями. Отвечать он отказался. «Может быть, когда-нибудь я напишу об этом. Сейчас не стоит».

На фотографиях, где они вместе с Джеки (таких, кстати, на выставке в Фотоцентре немного), каждый сам по себе. Отдельно. Лоу доводит ее прославленную темноволосую красоту до лакированной ослепительности «Вога» и «Харпер базар». Но видно, что он к ней равнодушен, а временами даже недобр.

Что-то затаенно-хищное проскальзывает в облике молодой женщины — в чувственном изгибе рта, в широко расставленных невозмутимых глазах, во властном очертании подбородка. В ней все время чувствуется напряжение, которого и помину нет в муже. Какая-то внутренняя скованность, несвобода, тревога, искусно маскируемая безупречными манерами, безупречными туалетами. Так выглядят женщины, которых мало любят. И никакая игра в идеальную пару, ни все его элегантные знаки внимания вроде той милой

шутки, с которой он начал свою пресс-конференцию в Париже, представившись журналистам как человек, сопровождающий Джеки Кеннеди в ее поездке в Европу, ни весь этот грандиозный театр, который они возводили из своего честолюбия, одиночества и жажды славы,— ничто не может обмануть проницательную камеру Жака Лоу.

Они гениально смотрелись вместе, гениально позировали перед объективами, и это все, что о них можно сейчас сказать.

Но тогда они оба с их детьми были центром любви Америки. Их любили с восторгом, нежностью и надрывом. Может быть, потому что в их независимом, победительном облике угадывалась неясная грусть, обрывающая линию жизни. Друзья вспоминали, как часто Кеннеди думал и говорил о смерти. Любимый вопрос: «Скажи, какая, по-твоему, смерть лучше?» И сам спешил с ответом: «На войне. Самое наилучшее — на войне». Смерть преследовала его. Гибель старшего брата — летчика ВВС. Смерть любимой сестры в авиакатастрофе. Его собственное ранение, дававшее о себе знать постоянно нестерпимой болью и чередой мучительных операций. Его умершие дети — их первенец с Джеки, девочка, родившаяся мертвой, их младший сын Патрик, проживший 48 часов. Он пережил его всего на три месяца. «Как бы ты предпочел умереть?» — спросил его кто-то из близких незадолго до смерти. «О, от пули. Ты так и не узнаешь, что тебя сразило. Пуля — наилучший способ».

Мы все хорошо помним, как это произошло.

Очень заезженные кадры: синий президентский «линкольн» с открытым верхом, мотоциклисты в шлемах, сухой речитатив выстрелов, крик Жаклин: «Нет, нет, Джек!», мелькание ее локтей и розовой шапочки, тренированный прыжок охранника на багажник... Все это как будто в другом веке, а помнишь, словно видел вчера.

«В ту пятницу я с утра работал в своей нью-йоркской студии. Для рекламы снимал какой-то «фольксваген» с немецкими овчарками. Это дурацкое занятие меня измотало. Что может быть ужаснее — снимать псов в студии? Они хотят есть, они хотят на улицу, они виляют своими хвостами и портят кадр. В общем, тоска. Усталый и злой, я вышел пройтись.

Не было людей, не было машин. В лавке, где я покупал газеты, не было продавца. Вдруг слышу за спиной обрывок разговора — стреляли в президента. Мчусь домой, чтобы включить телевизор, узнать новости. Но уже в подъезде по лицу плачущего привратника понимаю — президент мертв. В тот же вечер я выехал в Вашингтон. Все воскресенье и понедельник, два дня напролет, я снимал его похороны. Но никогда ничего из той съемки не публиковал. Я решил для себя — никаких процессий, мрачных лиц, Арлингтонского кладбища. Пусть на моих фотографиях президент будет живым».

Мне тоже не хочется заканчивать эту публикацию траурным осенним кортежем с Элм-стрит в Далласе. Тем более что этих снимков нет и не могло быть на выставке Жака Лоу. У него другой кортеж — праздничный, нарядный, медленно продвигающийся по заснеженной Пенсильвания-авеню. Во фраке и сверкающем на солнце цилиндре Джон Кеннеди похож на жениха со своих свадебных фотографий. Но тогда его ждала только молоденькая Жаклин Бувье, а сейчас его возлюбленной была вся Америка, замершая у подступов к Капитолию, припавшая к телеэкранам, жаждущая его, скандирующая его имя. Впереди у него Белый дом и еще 900 дней сверхвласти, сверхславы, сверхусилий, впереди была «эра Кеннеди». И это утро, и солнце, и снег, и зажатый в чьей-то руке самодельный плакат, взывающий к нему до сих пор: «I love you, JFK»... «I love you, JFK»...

Фото А. ГОЛОВАНОВА

УЧИТЕСЬ ДЕЛАТЬ

Коммерция перестала быть пугалом в советском спорте. «Форточка» в Европу приобрела размеры окна, ветер перемен вольней гуляет по нашему спортивному дому, и общий круговорот делового мира становится нам ближе. В поисках выгодного помещения рекламы товаропроизводители осваивают новые виды спорта. В свою очередь, спортивные федерации, стремясь привлечь спонсоров, ломают головы над повышением зрелищности турниров. В волейболе плодом таких совместных усилий стала Мировая лига, которая своим двухмиллионным призовым фондом и массированной телетрансляцией повела атаку на неохваченные волейболом умы, в том числе и в нашей стране. Перед советским волейболом открылись новые горизонты.

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Наталья БЫКАНОВА

Не последнюю роль сыграл пример «младшего брата» — пляжного волейбола,— который свел с ума всех курортников Восточного и Западного побережий США, солнечных Бразилии, Испании, Франции и многих других стран. Пляжный волейбол — стандартная волейбольная площадка, но на песке. Четыре, три, два игрока в одной команде. Обычный, но чуть приспущенный мяч и гораздо более долгий, чем в классическом волейболе, розыгрыш очка, что всегда нравится зрителю. Добавьте синее море, яркое солнце, непринужденную обстановку, минимальные затраты на проведение турниров — и можно понять головную боль Международной федерации волейбола (ФИВБ).

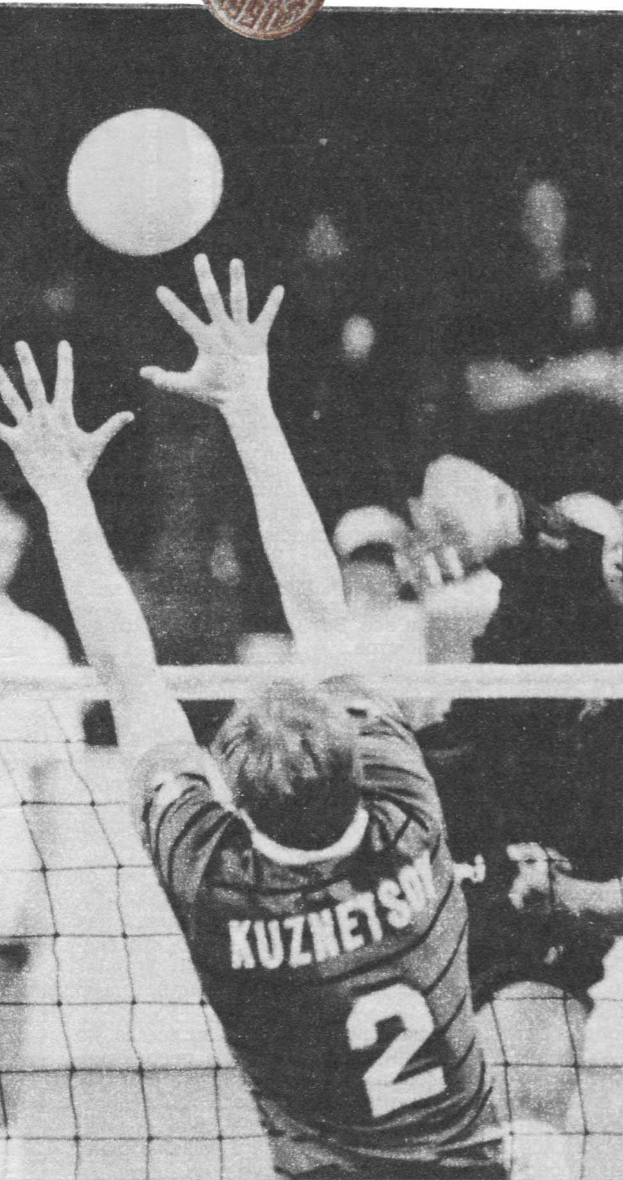
Последней каплей должно было стать проведение показательного турнира по пляжному волейболу на Олимпийских играх в Барселоне. Не дожидаясь этого, ФИВБ сделала ход конем на пути коммерциализации и создала Мировую лигу, первый турнир которой прошел в 1990 году. Опальный Вячеслав Платонов после четырехлетнего отлучения был возвращен к руководству сборной, и это давало надежду, что при розыгрыше главных призов статистами мы не окажемся.

После двух шоковых поражений на старте — 0:3, 0:3 — началось возрождение из пепла волейбольной сборной СССР как одной из лучших команд мира. Первый значительный успех пришел через два года: на чемпионате Европы-91 сборная СССР обыграла в финале чемпионов мира — итальянцев.

Возрождению сопутствовал вполне определенный материальный стимул, что заставило Вячеслава Зайцева, разыгрывающего прежней платоновской команды чемпионов, признаться в одном из интервью по поводу Мировой лиги: «Если сейчас мне скажи: Слава, выложись, такие деньги заплатим, я бы как уж на сковородке вертелся». А ведь Зайцев выступает в профессиональном итальянском клубе. А в итальянских клубах платят щедрее других. Спорт — самая выгодная реклама. Там, где есть что рекламировать, там, где между товаропроизводителями идут настоящие бои за покупателя, там спортсмену обязательно что-нибудь перепадет. С итальянскими клубами как самыми высокооплачиваемыми заключили контракты многие американские волейболисты, олимпийские чемпионы во главе со своим тренером Дагом Билом. После окончания национального чемпионата Италии американцы возвращаются в США увеличивать свое благосостояние на морских пляжах. Отдых после напряженного сезона совпадает с курортной порой на побережье. Призовые — от нескольких тысяч до сотен тысяч долларов.

Наши команды тоже проложили дорогу за океан. Играли в коммерческих турнирах по пляжному волейболу «Автомобилист», ЦСКА. Последний этим летом занял второе место на турнире «четверок»

ДЕНЬГИ

в Нью-Йорке. Конечно, зарплаты советских и американских игроков заметно отличаются, но не из-за разницы в классе. Рейтинг нашего волейбола достаточно высок. Просто иностранцы знают: русский на все согласен. Среди 90 волейболистов, уехавших в прошлом году за рубеж, не одни мастера. Едут волейболисты из первой лиги, из студенческих команд. Студенты продаются за один харч. Приличные люди вообще-то сначала имя себе зарабатывают, а потом это имя зарабатывает им деньги. Имя и имидж. В НХЛ и НБА существует правило, запрещающее игрокам этих лиг появляться в общественных местах в джинсах и есть в Макдональдсе. Имидж — это святое. Борис Беккер, один из лучших теннисистов мира, недосчитался нескольких сотен тысяч долларов по причине своего не слишком безупречного морального облика: высоконравственные немецкие фирмы уменьшили гонорары «звезде».

Во времена Вячеслава Зайцева советская золотая сборная видела только деревянные рубли, а валютные пайки получала от своего постоянного покровителя — японской фирмы «Ассикс» по случаю олимпийских или мировых триумфов. Времена меняются.

В Мировой лиге даже проигравшей команде положено вознаграждение в 1500 долларов. Победитель получает на тысячу больше. Матчей в течение двух с половиной месяцев турнира проводится 84. За победу в каждой из двух подгрупп, на которые разделены 10 команд-участниц, положены дополнительные призы — 75 тыс. долларов за первое и 65 тыс. за второе место. Финальная четверка разыгрывает между собой миллион, из которого победителю причитается половина. Плюс 80 тыс. на поощрение лучших игроков.

Казалось бы, все просто: Платонов с командой будут выигрывать бешеные деньги, наша федерация будет богатеть, перепадет и детским спортивным школам, которые последнее время мрут, как мухи, по причине нашей бедности.

Но у нас ничего просто не бывает.

Вот что рассказал Леонид Губенко, ответственный за проведение матчей Мировой лиги в нашей стране.

Начнем с того, что 30% валютного заработка у волейболистов забирает государство в виде налога, а кончим тем, что еще 40% государство в принудительном порядке меняет на рубли, причем по курсу 1 доллар — 1,9 рубля. И пошли по замкнутому кругу: на оставшуюся валюту много не наездишься, рейтинг команды понижается, спонсоры теряют интерес, меньше денег поступает в Госказну. А ведь за одно участие в Мировой лиге пришлось выложить 50 тысяч долларов выкупа права на телетрансляцию. Без этого ни одну команду к участию не допускают. Поскольку наше ТВ такие деньги платить отказалось, пришлось раскошелиться федерации.

Сколько, например, стоит прием гостей, с которыми надо сыграть в Союзе по два матча? Каждый обходится в 100 тысяч рублей. Проживание, питание, аренда спортзала. Двухместный скромный гостиничный номер стоит 200 рублей в день, хотя, согласно правилам, команды должны жить исключительно в четырех- и пятизвездочных отелях. Но с отелями у нас напряженка.

На эти трудности иностранцы закрывают глаза — была бы игра высокого качества. По сравнению с прошлым годом команда переместилась на одну ступень вверх, заняв третье место. В общей сложности заработали 150 тыс. долларов, половина из которых пошла на призовые игрокам. Очевидцы утверждают: не ошибись американский судья в полуфинальном матче с кубинцами, быть нам в финале. Ошибка стоила 100 тысяч.

Считать теперь придется много. Расходы на содержание команды высшей лиги возросли вдвое. Прожиточный минимум равен 600 тыс. рублей в год, не считая расходов на загранпоездки. Где найти такие деньги?

Займитесь коммерцией, может посоветовать новосибирский «Север». Эту команду высшей лиги содержит кооператив, созданный ее старшим тренером Борисом Перловым. На базе местного завода кооператив «Волейбол» наладил выпуск волейбольных и теннисных сеток и стоек, волейбольных антенн. Антенны больше нигде в Союзе не производятся. Если бы японцы не дарили по дюжине ежегодно, наш волейбол мог не дожить до открытия кооператива.

Федерация заключила с «Волейболом» договор: новосибирцы поставляют продукцию, федерация со своими многочисленными связями и богатой информацией — реализует. На этот год обязались поставить 100 тыс. антенн и 30 тыс. сеток. Специально под склад федерация арендовала в Москве помещение, торгует напрямую и 10 процентов кладет себе в карман.

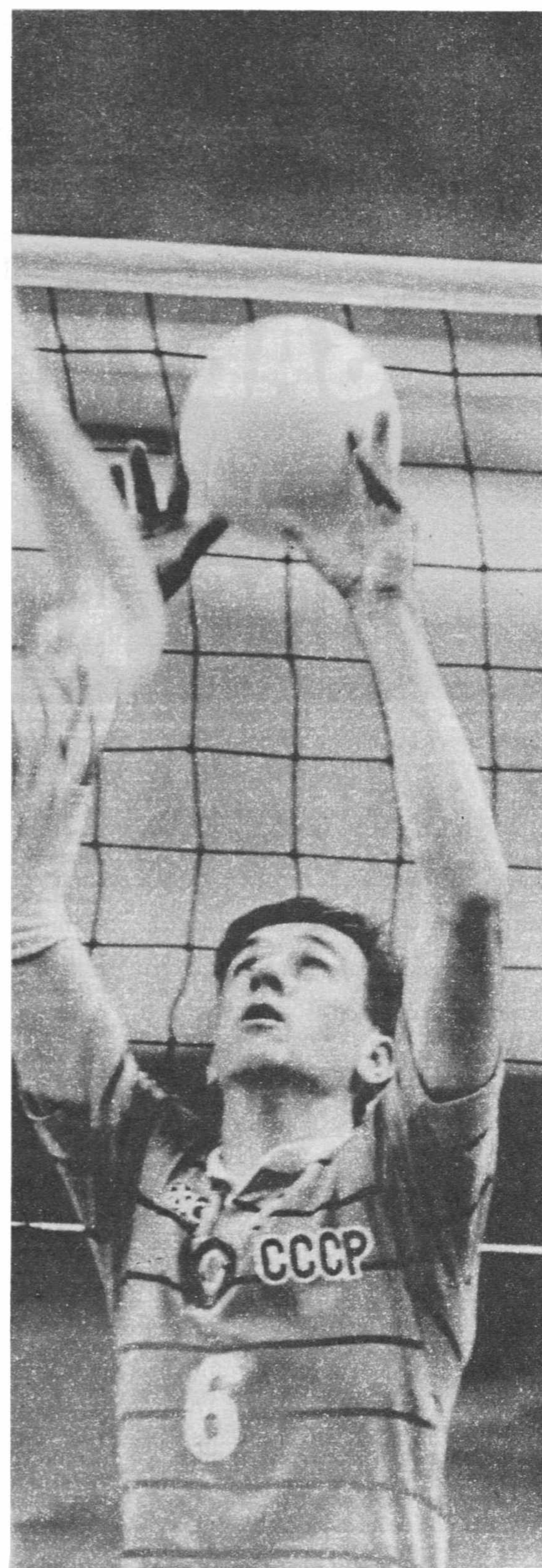
Взаимонеобходимость налицо. Чем, скажем, может заинтересовать своих мощных спонсоров — «Матролен», «Политекс», «Ленавтотранс» — питерский «Автомобилист»? Одной любви к волейболу явно маловато. «Клуб оказывает своим спонсорам маркетинговую помощь,— поделился опытом старший тренер Зиновий Черный.— Мы как связующее звено между нашими предприятиями и зарубежными партнерами. Конкретный результат — уже подписан договор о совместном строительстве в Санкт-Петербурге Бизнес-центра на 300 миллионов долларов, запланирована постройка завода по сборке легковых автомобилей».

Деловые люди из питерского клуба завоевывают мир. Вице-президент «Автомобилиста» ездил в США читать лекции американцам на тему: «Экономика советского спорта».

Американская посредническая фирма «Матчпоинт», которая одной из первых стала осваивать безбрежный советский спортивный рынок, положила глаз на армейский клуб.

Серьезный коммерческий шаг собирается сделать федерация, задумав приобрести завод для производства волейбольных мячей, которые у нас в стране не выпускаются. То, что производится в количестве 2 млн. штук в год, представляет собой конструкцию 50-х годов и не используется даже в детских спортивных школах. Раньше хорошие мячи поставляла Чехо-Словакия, но теперь чехи выставили цену в твердой валюте: 11,5 доллара за штуку. Дешевле самим сделать. Ведутся переговоры с зарубежными фирмами об их возможном участии в этом проекте.

Самым надежным партнером для советского волейбола на протяжении двадцати лет была японская фирма «Ассикс». Экипировки, которую она поставляет женской и мужской сборным командам СССР,

хватает не только на второй состав, но и на юношеские команды. Японцы не внакладе: советские юниоры — сильнейшие в мире.

Две японские фирмы — «Фьюджи филм» и «Хиндаи» — в числе основных спонсоров Мировой лиги. Оргкомитет внимательно следит за соблюдением их интересов. Так, например, реклама на щитах вокруг площадки одинакова на каждом матче, посторонняя допускается только на уровне выше восьми метров над полом.

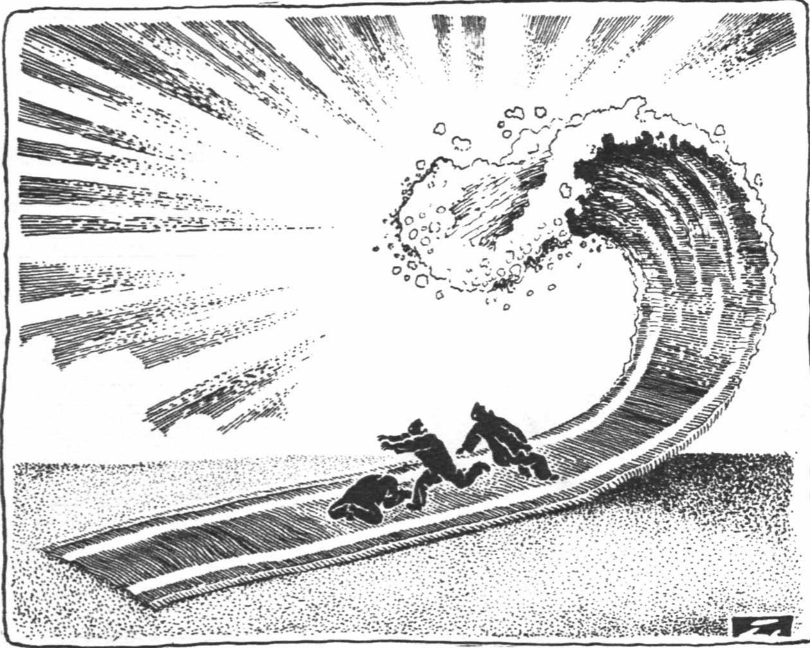
Провести фирмачей невозможно. Практически на каждом турнире любого вида профессионального спорта рекламодатели имеют собственного наблюдателя, который о каждом конкретном случае несоблюдения договорных правил докладывает своему начальству. Если по каким-то причинам агент не может приехать на турнир, фирма платит, например, знакомому журналисту, чтобы тот «проследил». Стоит «звезде» обтереться не тем полотенцем или не оттуда хлебнуть во время матча — жди скандала и крупного штрафа.

...На первом в нашей стране коммерческом турнире по пляжному волейболу вокруг площадок ходил оператор с видеокамерой и по заказу «Матчпоинта» собирал информацию о наших ведущих командах. Дорогого, наверное, стоил ролик на спортивном рынке США: наши «пляжные» команды для иностранцев пока как кот в мешке.

Американцы умеют делать деньги. Научимся и мы.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

И ЗАБУДЬТЕ ВЫ ПРО КПСС

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Я всегда смеялся над разговорами про «охоту на ведьм», про преследование бедняг-коммунистов. Убежден, что эта пресловутая «охота», с которой все борются, начиная с 22 августа, типичная ведьма, фантом, выдумка. (В этом смысле борьба с «охотой на ведьм» — это и есть охота на ведьму.) Выдумка «правых» журналистов, которые хотят задешево приобрести мученический ореол, выдумка «левых» журналистов, которые, тоже задешево, хотят показать всю безмерность своего гуманизма и плюрализма.

Но вот, увы, нет-нет да и столкнешься с такими высказываниями, что задумаешься: а подлинно ли нет этой охоты, нет самой опасности такой охоты? Да, сегодня у нормальных людей, в частности москвичей, таких настроений нет, это верно. Но ведь настроения можно и создать, направить...

Вот в программе «Взгляд» выступал некоторое время назад бывший диссидент, бывший математик, ныне публицист-«патриот» Шафаревич. Он сказал, буквально, что коммунисты так же не могут стать нормальными гражданами, как членистоногие не могут стать млекопитающими. Что ж, для человека, проповедующего, в сущности, расистские взгляды (см. его скандально известную книгу «Русофобия»), это вполне естественно. Мир прост. Есть носители абсолютного добра и абсолютного зла. Это как биологические, анатомические особенности организма, изменить их нельзя, как нельзя изменить биологический вид. С абсолютным добром, как всегда, сложно, а со злом, как всегда, легко. Носители абсолютного зла — представители «малого народа». Читатели Шафаревича (да, признаться, и все остальные, кто его творений в глаза не видал) отлично понимают, что это за «малый» — но ужасно зловредный! — народ. Недаром почтенный математик, как Петр от Христа, трижды отрекался от обвинений в антисемитизме. Но вот теперь он расширил границы «малого народа» — теперь в него попали еще и коммунисты. Так сказать, «коммунисты и евреи — шаг вперед!».

Я привел этот пример не случайно. Слепая ненависть есть слепая ненависть. «Если враг не сдается — его уничтожают». Но ненависть не принимает капитуляции! Да как ее примешь? Сколько бы ни капитулировал враг — вражья сущность при нем (в нем, внутри него!) и останется. Еврей останется евреем, а коммунист — коммунистом. Выход из КПСС дела не меняет, у него вся его личность, вся суть его — коммунистические. А перекрасившийся враг, само собой, втрое опаснее врага открытого, не так ли?

Так. Точно так всегда говорили и действовали коммунисты и нацисты в отношении своих врагов — классовых, расовых, идейных. Например, «буржуя» можно разорить, все у него, сукиного сына, отнять — и что? Станет он пролетарием? Да никогда! Суть, нутро его подлое, буржуйское в нем и пребудет, и станет вражина нам изнутри пакостить, пока его не уничтожат! И плод его, и семя его, и род его — до пятого колена...

Вот она — логика большевизма. И — практика большевизма.

Мы признаем ее чудовищной. Но что — мы признаем ее чудовищной лишь потому, что это было «анти-буржуазное», анти-интеллигентское, анти-религиозное движение? А если к «анти» добавить другое слово — то все в порядке, все нормально? Антикоммунизм, анти-социализм — тут все нормально?

Ей-богу, постеснялся бы в сотый раз жевать эти риторические вопросы — если бы не одно «но».

Все, кто заклинает не ловить ведьм, имеют в виду одно и то же — не мстите за старое, не поддавайтесь праведному (и не очень праведному) гневу. О Господи, да разве же в этом дело! Кто собирается мстить за старое... Нет, возможный поиск козлов отпущения, ведьм имеет куда как более серьезную причину, о которой мы не думаем.

Все дело в том, что началась новая эпоха. Капитализм со всеми его прелестями. Только капитализм не столько по Пияшевой, сколько, все-таки, по Бальзаку и Достоевскому. Равенства, конечно же, никогда, ни одного дня у нас не было — но само неравенство как-то скрывалось, прикрывалось какими-то социальными подачками. А сейчас времена настают крутые. Тут и открытое обнищание миллионов, нищие старики (и отнюдь не всегда профессиональные попрошайки), заполнившие все подземные переходы в Москве, и сверкающие, новенькие «вольво» и «мерседесы», проносящиеся над этими переходами; и невозможность купить ребенку ботинки — и неприличные витрины валютных магазинов... Да что перечислять!

Рая не будет. Его нам — к нашей досаде — даже не обещают больше. «Ну, ты обмани, обмани! Я и знаю, что врешь, а все же легче...» Нет, не обманывают. «Светлое капиталистическое будущее» — штука суровая, как сама справедливость. Ум, работоспособность, сила — и успех. Это бы еще ладно... Так ведь нет! Прежде всего успех зависит от наглости, удачи, связей, просто от умения воровать или наследственного неправедного богатства. И — жаловаться некому. Капитализм.

Начался самый тяжкий, самый страшный период — раннее, беспощадное капиталистическое накопление, когда из грязи, крови и пота (своего и, главное, чужого) первые капиталисты делают свои миллионы. Это чертовски суровая и мрачная школа. Но другой нет. Чтобы понять это, нам понадобилось 74 года, когда мы «шли другим путем». Пришли.

Этот период был Россией уже почти пройден, когда господа большевики сделали стране подножку на бегу и отправили ее головой прямо в угол. Сейчас, измученная и переломанная, она вылезает из угла и становится в самый хвост ушедшей вперед цивилизации — между Пуэрто-Рико и Бангладеш. И опять же — жаловаться некому и не на кого. Вот разве что на масонов...

Да, если смотреть без иллюзий — вот что нам предстоит. Умилительные сказочки про коммунизм под названием «шведский капитализм», про то, что мы обменяем свое «коммунистическое первородство» на жирную и, главное, даровую капиталистическую похлебку,— эти сказочки пора бы и забыть. При капитализме даром — только смерть. При раннем капитализме, который нам все равно не миновать. Вот пройдем его (если опять не сорвемся в новую идиотскую революцию) — тогда дети, внуки и заработают себе право на гуманное общество. Не на презрительно-брезгливые подачки из Люксембурга, на свое собственное реальное социальное обеспечение.

Да, вот такой период нам предстоит. Уже начался.

И вот тут не из мести за старые грехи, а как реакция на новые трудности и может начаться поиск «ведьм». Вот любимый мной Александр Иванов в «Курантах», говоря о реальных проблемах, вдруг будто спохватившись, все время добавляет: и вот этим воспользуются затаившиеся коммунисты (а то и того лучше — «члены семей, друзья, беспартийные единомышленники»). И заканчивает: «Дорог каждый день и час, ибо коммунисты не дремлют. В полуподполье, обозленные и «обездоленные» эти выродки (! — **Л. Р.**) едва ли не более опасны, чем в своих бывших комитетах».

О стилистике не говорю... Но по содержанию — «дорог каждый день и час — ибо коммунисты не дремлют». Вот тебе на! А если бы они «дремали»? Тогда — и всем нам можно?

И главное: при чем тут коммунисты? Коммунизм — явление глубоко закономерное. «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов. Кипит наш разум возмущенный — и в смертный бой вести готов!» Это что — результат хитрого «полуподпольного» заговора? Помилуйте! Это результат, абсолютно неизбежный результат того, что в стране есть «голодные и рабы». «Голодные рабы», которые ощущают горькую обиду, великую несправедливость своей проклятой жизни,— вот и «кипит их разум возмущенный». А надеяться улучшить свою жизнь мирно, поодиночке, постепенно они уже не могут. Значит, и рвутся со своим возмущенным разумом — «в смертный бой».

Вот и все. Вот и все «тайные козни» коммунистов. А организаторы — честные, демагоги, уголовники, провокаторы, святые и воры с убийцами — организаторы всегда найдутся. Их можно сколько угодно загонять в любое подполье — все равно выйдут на поверхность. Закон свободного рынка: спрос рождает предложение. У голодных рабов есть спрос — у политиков появится предложение.

Эта тенденция объективная, ни от каких «коммуняк» не зависящая. «Тоска смотреть, как мается бедняк, и как шутя живется богачу» — это кто сказал? Маркс, Ленин, Троцкий, Сталин? Нет. Шекспир. Сонет 66. Действительно тоска.

Ранний, дикий капитализм всегда, во всем мире порождал бунты, революции, перевороты, коммунистов. Призрак коммунизма — это просто тень «дикого» капитализма. И хотя такой прививки от коммунизма, как в нашей стране, не было нигде и никогда, но движения типа коммунистического (только, понятно, под иным названием) жди непременно. «Кипит наш разум возмущенный...»

Только при чем же здесь, простите, КПСС? Где искать ее головку, ее вождей? Неужто в «полуподвалах», склонившихся над гектографом и картой города? «Взять банк, взять мэрию...» Нет. Давно взяли. Все "ягодные места" давно «схвачены» мозолистой рукой номенклатуры. Вот там — в прохладных кабинетах банков, СП, в роскошных офисах, ищите настоящих коммунистов. Не громилы с серпом и молотом защищают бывшую номенклатуру — длинноногие секретарши-блондинки. КПСС(б) — Капиталистическая партия Советского Союза (бывшего).

Революционно-подпольного духа у этих «жирных котов» приватизации ровно столько же, сколько было в Суслове и Рашидове страстного желания «весь мир насилия разрушить до основанья, а затем...», о чем они — помните? — так жалостно пели, во всю ширь разевая свои «несчастные, немые рты», на съездах КПСС, поддерживаемые мощным хором Большого театра.

Об особенностях этой партийно-номенклатурной приватизации — разговор отдельный. Но сегодня надо признать столь же очевидную, сколь обидную для демократов истину — они сами

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

загоняли добычу прямо в силки ухмыляющимся номенклатурным божкам. И благодарности за добычу им «каштанов из огня», как водится, не ждите. Что ж, как говорится, за что боролись, на то и напоролись...

И лично у меня это и досады не вызывает. И очень хорошо, что не произошло великого, насильственного передела собственности и власти. Пусть идет мирное перемешивание, перемещение собственности — это тема особого разговора.

Только опять же — отныне КПСС ни при чем. Нет, не заинтересована ее номенклатура (основная часть) в революции. Нет, не лелеет коварных планов. Эти люди заняты совсем другим — делят пирог. Заговоры там есть, конечно, и еще, надо думать, не один работник ЦК КПСС(б) примет участие в их новейших соревнованиях по прыжкам с балкона без парашюта... Но это опять же, как говорят, «совсем другая пара манжет», к подпольным заговорам с целью реставрации «социализма» отношения не имеет.

КПСС как революционная политическая сила мертва... лет 50—60. Это только справку о смерти ей выписали с таким опозданием, когда труп уже просмердил все окрест себя.

Был ли в КПСС под пеплом огонь старого большевизма? Да, был. Сегодня, когда августовский ветер сдул пепел, огонек виден. Хиленький такой огонечек, вокруг которого приплясывают андреевы — злобные, полуголодные, честные и... все равно трусливые. 7 лет смертно боялись окончательно назвать своего Генерального могильщиком коммунизма, ходили, приседая, вокруг да около. Ну, сегодня, по случаю победы демократии, они сбросили с себя (вернее, мы сорвали с них) стопудовую пронафталиненную и набитую клопами шубу партаппарата. Теперь-то они, конечно, будут побойчее, поживее... но не намного. Нет, эта публика — изначально дохлая.

Да, дикий капитализм объективно рождает коммунизм. И, конечно же, Нина Андреева говорит правду (по крайней мере часть правды и, быть может, бо́льшую, чем барабанщики «светлого капиталистического будущего»). Но андреевы обречены — они обречены именно потому, что не в силах отодрать от себя драный, вонючий, кровавый шлейф под названием «ВКП(б)». Когда нормальный человек — ненавидя капиталистов! — увидит этот шлейф, этот, попросту говоря, мешок говна, который тащат на спине «истинные большевики» (и его призывают тащить), у него возникает одна реакция. Рвотная.

Даже несмотря на все радости капитализма, коммунисты у нас сегодня не пройдут. Как не могли в 18— 19— 20-м году пройти монархисты, о которых сегодня все так печалуются. Хороши были большевички — слов нет! Да только не успели еще люди забыть монархию, понимаете? Не успели забыть — и не могли ее восстанавливать поэтому.

«Голодных рабов» в нашей стране будет плодить капитализм, посткоммунистический капитализм. Но «истинные коммунисты» — троцкисты, сталинисты, ленинцы и К° — не смогут разыграть даже эту карту, которую им невольно (последнее «прости»!) кидает с барского плеча их вчерашняя номенклатура, ныне правящая свой капиталистический бал.

Однако гроздья гнева будут всходить ежедневно. Проклятая жизнь заставляет (и будет заставлять!) кипеть «разум возмущенный». И — пойдет поиск ведьм. Каких же?

Не знаете? Неужто не догадываетесь? Да коммунистов же! Сталин говорил, что за каждой нашей трудностью стоит классовый враг. Гамсахурдиа указывает: за каждой трудностью свободной Грузии — московские агенты. Невзоров кривит губы — во всем виноваты прибалты и прочие жиды.

Сыр, сахар, соль — все не то! Но вот наши «радикал-демократы» нашли достойного врага — во всем виноваты коммунисты!

Учение Маркса всесильно, потому что верно. Неверно: учение Маркса было сильно, потому что умело в демагогических целях использовать правду. Так и с лозунгом, что во всем виноваты коммунисты. Под этим — слишком правдоподобным! — лозунгом легко идти бить. Нет, бить не коммунистов-капиталистов, а бить разных вчерашних коммунистов и «перекрасившихся», например, соседей по лестничной площадке. Это дает канал для выхода агрессии. А если общая, разлитая в воздухе и ненаправленная агрессия канализируется — жди беды. Беды не для одних коммунистов — для всех.

Ныне почти канонизированный Николай II косвенно поощрял деятельность черносотенцев. Пусть агрессия канализируется, уйдет на евреев, революционеров, на «всю эту сволочь». А вышло-то иначе: упала общая цена жизни человеческой, упало общее уважение к закону, черная агрессия слилась с красной, и все это создало ту атмосферу, без которой не было бы революции.

Вот так и в борьбе с коммунистами может возникнуть настоящий необольшевизм. Прямая его реставрация невозможна, а через свое отрицание — очень даже может быть.

Да, не нам, пишущей братии, раздувать этот психоз, изображая коммунистов в виде эдакой «собаки Баскервилей», носителем зла ради зла. Увы, социализм — обоюдоострый строй. По мере приближения к нему классовая борьба, как известно, обострялась. И по мере отдаления она обостряется тоже. Только все это — и трудности, и само обострение классовой борьбы — не чьи-то происки, и изгнанием злых духов накал ненависти только усилишь, лишь включишь механизм «обратной связи», усиливающей исходный сигнал.

Что же делать? Конечно, всякий для себя решает этот вопрос сам. По-моему, «правду говорить легко и приятно». Надо бы стараться говорить правду — и про розовые прелести капитализма, и про высокую нравственность наших бедных капиталистов (которых так рвутся защищать прогрессисты-журналисты), и вообще про то, что капитализм — самый худший строй... не считая всех остальных.

В начале второй мировой войны Черчилль пообещал своим согражданам только слезы, пот, кровь, страдания. Это легче обещать, когда есть внешний враг, пообещать — и указать на врага. Ну а нам предстоит кое-что похитрее, пообещать именно это и сказать: а врага-то нет! Нет того коварного, кто все это устроил. Сами себе устроили, предки устроили, история устроила. И никаким мощным насилием делу не поможешь — только окончательно изгадишь. Вернуться в «социализм» и физически нельзя, и будет там еще хуже, чем в этом капитализме, черт бы его подрал. Новая революция — хуже всего. Лучше эволюция несправедливости, чем революция «ради справедливости». Нелегко это объяснять — так жизнь вообще нелегкая. Может, и не удастся это объяснить, может, и сорвется народ, но горе тому, через кого это зло, эта злоба придет в мир.

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Нужно великое мужество народу — понимать всю трудность этой новой, хмурой жизни и не сорваться в самоубийственный мятеж «за правое дело». Не тешить себя сказками про рай и врагов, а — стоять. Выстоять. Это потруднее, чем звать кого-то бить, конечно. Мужество труда и терпения. Что ж делать — таков наш жребий.

И, если хотите, это есть единственное реальное преодоление коммунизма в отличие от антикоммунизма, коммунистофобии.

Не трожьте шурина!

В архивах «Огонька» лежат материалы о судьбе воронежского писателя Евгения Титаренко, брата Р. М. Горбачевой. Журнал никогда не предал бы их гласности, не коснулся «темы Титаренко», если бы не публикация в одной из столичных газет.

Сенсацию подали круто. На первой полосе — огромная фотография человека с понуро опущенной головой, и подпись: «Шурин Горбачева вот уже полгода находится в психиатрической больнице». «Действительно ли он болен?» — вопрошала газета и тут же ответствовала: «Друг юности, однофамилец Титаренко не верит в его болезнь». Далее читателю настоятельно рекомендовалось читать в следующем номере материал специальных корреспондентов о тайне заточения родственника Президента в советскую «психушку».

Радиостанции подхватили захватывающую новость и разнесли ее по всей стране. На следующий день читатели рвали газету из рук. Спецкоры не обманули ожиданий публики.

Действительно сенсация! Оказывается, никто в миллионном Воронеже не знал о судьбе Титаренко. И только столичные прессмены проникли в страшную тайну. Мужественный фотокорреспондент сфотографировал Титаренко невзирая на опасность быть битым. Портретируемый прямо заявил: «Еще раз щелкнешь — ударю!»

Рассказом об этом эпизоде журналисты сразу дали понять читателям, что герой их публикации склонен к нелицеприятной прямоте, бескомпромиссности в общении. И далее очень прозрачно намекнули, что за это и сидит. Писал, мол, письма «неоднозначного содержания» М. Горбачеву, ругал за перестройку, развал экономики — и высокопоставленные родственники разобрались с критиканом по-свойски.

Злодейское бессердечие президентской четы призваны были подчеркнуть приводимые в публикации детали — Титаренко страдает в «психушке» без курева, а его дом в Воронеже заброшен: дверь не обита, пустой почтовый ящик висит на одном гвозде. Вычеркнули человека из жизни и забыли о нем.

Впрочем, не стоит пересказывать эту публикацию и тем самым умножать грех против истины. Все — ложь!

«В Воронеже никто не знает о Титаренко»? Да все воронежские писатели, и не только они, могут подробно, в деталях рассказать о причинах его недуга.

«Родные забыли?». Но мать приезжает не по разу в год, сестра шлет посылки.

«Врачи» скрывают историю болезни? Я сам листал ее в начале этого года.

Думаю, что теперь уже не раскрою врачебную тайну, сказав, что Евгений Титаренко — жертва алкоголизма. И не полгода длится его госпитализация, как об этом сообщила газета. Уже многие годы психиатрическая лечебница — его единственное пристанище. Если бы не врачи и не забота сестры, этого человека уже не было бы в живых. Каждый из редких выходов на волю заканчивался для него одинаково — страшным запоем и попытками самоубийства.

Болезнь Евгения Титаренко, горе его родных, он сам, наконец, как личность глубоко безразличны для заезжих искателей сенсаций. Иначе они бы знали, что целятся объективом в своего бывшего товарища по ремеслу — когда-то Титаренко работал корреспондентом «Труда». Вообще в жизни этого человека было много интересного. И сам он был интересен жизни. Сильный, талантливый, он много успел до того, как его одолел мерзкий, страшный недуг,— были и военная мореходка, и служба в Заполярье, и работа молотобойцем на одной из строек Донбасса, и студенческая скамья в Литературном институте имени Горького, и любовь, и семья, и книги, его книги, которые останутся читателям.

Крайне огорчительно в прискорбной вообще от начала до конца истории с публикацией о «тайне Титаренко» то, что появилась она не в «Пульсе Тушино» или каком-нибудь другом столь же одиозном листке, а в газете самой что ни на есть демократической. В связи с этим хочется спросить: «Куда ж мы, журналисты-демократы, катимся?»

Трудновато становится различать, кто есть «ху», выражаясь словами президента. Где «левые», где «правые»? У них клубничка, и мы — по ягоды. У них мат-перемат, и у нас разговорчики не для дам.

В одной из статей Короленко упоминает историю, ставшую анекдотом. Редакторов российских изданий вызвали к высокому начальству и потребовали разъяснений насчет их «направлений». Редакторы, поставленные в столь щекотливое положение, объяснились, как могли и умели... Когда, наконец, очередь дошла до издателя одного уличного листка, он скромно потупил глаза и ответил кратко: «Кормимся, ваше-ство...»

Вот и наша демократическая пресса, похоже, забыла о «направлениях», лишь бы прокормиться. Уже мало какая грязь смущает, готовы в замочную скважину влезть... А тиражи у многих падают, падают...

Это не парадокс. Это закон. Читатель, единственный в условиях самостоятельности кормилец, перестает узнавать «свое» издание в лицо, настолько оно искажено усилием услужить и богу, и мамоне.

Павел НИКИТИН

ПЕРЕДВИЖНИК ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Впервые картину живописца М. Сморчевского-Бутерброда экспонировали официально на Кузнецком мосту в рамках выставки «Живое кольцо. Глазами защитников «Белого дома». Изображен на полотне красный танк с выглядывающей из него тоталитарного вида рожей. После отставки Шеварднадзе это произведение называлось «Кремлевская тайна». В январе этого года картина фигурировала на митингах в Москве с более соответствующим моменту названием: «Литва: Сморчевский извиняется за Горбачева». Видели картину на улицах и позже, когда кипели страсти на третьем Съезде народных депутатов РСФСР. Но в историю отечества указанное полотно вошло вместе с «бархатной» августовской революцией. Водруженное на баррикады у стен Российского парламента, произведение гласило: «Не стреляйте, братишки!»

Художник намерен продать свой многоименный шедевр на аукционе «Сотби» за 100 000 долларов, чтобы все-таки построить институт для благородных девиц: ведь здание на Пречистенке прочно застолбило Министерство обороны. Поистине благородной идеей движим художник. Но до слез обидно терять историческую реликвию его кисти.

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ

МАХНЕМ НЕ ГЛЯДЯ

По данным «Светской хроники», в деловых кругах Приморья с неподдельным интересом отнеслись к сообщениям о бегстве в Китай за политическим убежищем нескольких тысяч партработников и сотрудников КГБ. Буквально накануне солдаты одной из застав Тихоокеанского пограничного округа обнаружили, что граница не на замке — контрольно-следовую полосу пересекали многочисленные следы. Массовый переход на сопредельную территорию в противоположном партотряду направлении совершило... стадо китайских коров.

Нарушители охотно пощипывали советскую травку и всем своим видом демонстрировали пограничникам, что готовы и дальше развивать крепкие дружеские связи. В связи с этим возникла заманчивая идея: а не продолжить ли сей бартерный обмен к взаимной выгоде обеих сторон?

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ДЕПУТАТОВ

За три года своего существования Московская школа женского обаяния (фирма «Имидж») научила сотни советских женщин правильно одеваться, краситься, обольщать мужчин. Большинство выпускниц сделали себе карьеру в качестве манекенщиц, фотомоделей и жен богатых иностранцев.

И вот недавно услугами дамской школы воспользовались мужчины. Причем не просто мужчины, а народные депутаты. Е. Евсеева, директор фирмы «Имидж», рассказала, что шестеро народных избранников попросили научить их раскованно держаться и красиво выступать перед аудиторией. После тестирования выяснилось, что трое товарищей не могут быть допущены к обучению, так как имеют психические отклонения. С оставшимися тремя работа шла в обстановке строгой секретности. Прилежные ученики быстро подняли свой рейтинг, обойдя соперников, и получили неплохие должности. После окончания курса Е. Евсеева напомнила своим питомцам, что киноматериалы, запечатлевшие все стадии их тренинга, хранятся в сейфе, так что полученные навыки им не следует использовать в корыстных целях. Пока выпускники школы ведут себя прилично. Может быть, есть смысл пропустить через «Имидж» весь депутатский корпус?

РОК-Н-РОЛЛ ЖИВ?

Международная выставка «Музыка-91» традиционно состоялась в московском парке «Сокольники». Здесь можно было полюбоваться прекрасной музыкальной аппаратурой, а также послушать хороший рок. Обо всем этом позаботились немецкая фирма «Глахе интернациональ» и эстонская «Альт-шоу сервис», а также телекомпания «ВИД».

На фестиваль приехали музыканты весьма разноплановые: десертное трио «Секрет», вежливый «Вежливый отказ», панковые «Монгол Шуудан», выступающие всегда «в лежку» пьяными, полагая это особым шиком, «Кроссроудз» первоклассного гитариста Сергея Воронина. Немцы приехали с Питером Фесслером — замечательным джазменом, хард-металлическими ребятами и экзотической командой «Пэйнтинг машин». В составе последней двое — барабанщик и художник, имя которого вошло в Книгу рекордов Гиннесса: живописец пишет до 1000 картин в день. Выступление дуэта заключалось в исправной барабанной дроби в течение часа и лихорадочном обрисовывании бумаги, слоями лежащей на подиуме. Барабанный бой, уверяет художник, будит в нем творческие силы подобно наркотику.

Выставка «Музыка-91» удалась бы на славу, если б не отсутствие публики. Не покидали зал только пятьдесят — сто заядлых меломанов. И все же Борис (который Гребенщиков) несколько не прав насчет того, что рок-н-ролл мертв. Рок-н-ролл живуч.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО СПОРТ В СССР УМЕР?

Не падайте со стула. К нам едут ... три богатыря отечественного тенниса: Андрей Чесноков, Андрей Черкасов, Александр Волков,— которые уже три года не встречались друг с другом на турнирах на родной земле. 4 ноября их ждет Кубок Кремля, нас ждет спортивный деликатес.

Интерес к стране чудес оказался настолько высок, что теннисные звезды «выстроились» в стономерную очередь, из которой Ассоциация теннисистов-профессионалов отобрала сорок лучших. Десять игроков во главе с девятой ракеткой мира Карелом Новачеком — победители крупнейших турниров этого года. Кто сказал, что спорт в СССР умер?

Кубок Кремля докажет вам обратное. В этом, кроме теннисистов, ему помогут межреспубликанский премьер, брат американского президента, московский и питерский мэры и сотня крутых иностранных бизнесменов, которые проведут свой симпозиум недалеко от кортов самого гостеприимного стадиона «Олимпийский».

На прошлогоднем турнире умные речи деловых людей материализовались в первый магазин «Эллессе» в СССР, совместное предприятие по производству лучшего в мире аспирина «Байер» (продажа в Москве и Петербурге за рубли) и фонд развития тенниса в нашей стране, на счет которого уже положено сто тысяч вполне конвертируемых долларов основателем Кубка Кремля Сассоном Какшури.

Простой советский болельщик тоже сможет ощутить на себе заботу спонсоров в виде 35 тысяч пар фирменных кроссовок, корабля фруктов и соков, 100 тонн кукурузных хлопьев, которые грызет, не переставая, вся Америка. Всё из заморских стран и только за рубли по некоммерческим ценам.

Кому повезет в «билетной лотерее», сэкономит даже «деревянные», получив бесплатно спортивную форму от «Эллессе».

В общем, все как у людей, не хуже, чем в Парижах и Нью-Йорках. Есть шанс приобщиться к цивилизованному миру и ощутить себя «белым человеком» в собственной стране. «Русский человек» — это может звучать гордо!

ЧТО ПОЧЕМ

15 октября «Театр Антона Чехова» (в помещении театра «Сатирикон») начал репетировать комедию Ростана «Сирано де Бержерак». Руководитель «Театра Антона Чехова» Леонид Трушкин получил на эту постановку 500 тысяч рублей от совместного малого брокерского предприятия «Южный Буг». Примечательно, что деньги даны под договор, в котором обозначено «право невыпуска спектакля». Это значит, что, если к концу репетиционного периода режиссер сочтет этот спектакль творческой неудачей, он может прекратить работу и сделать вид, как будто ничего и не произошло...

Обиднее всего будет К. Райкину — исполнителю роли Сирано. Обидно будет и публике, если ее лишат блистательного зрелища. Все 500 тысяч предназначены не на зарплату, а на постановочные расходы. Это 40 пар обуви, каждая ценой в 1000 и более рублей. Это 80 костюмов по 2000 с лишним. Это декорации в стиле барокко... Художник- постановщик Леонид Андреев и художник по костюмам Ольга Подкопаева получат по 10 тысяч. В их контракте обговорено, что в период работы над «Сирано» они под угрозой лишиться гонорара не имеют права что-либо делать на стороне.

Общая стоимость постановки, по словам Евгения Рогова, директора «Театра Антона Чехова», дойдет, вероятно, до 1 млн. рублей.

Основной и постоянный спонсор театра — фонд Академии творчества СССР, возглавляемый Рашидом Ахуновым. Предыдущая постановка Трушкина, одна из самых удачных премьер минувшего сезона, «Там же, тогда же...» Бернарда Слэйда обошлась в 300 тысяч и идет с постоянным аншлагом при цене билетов в 13 рублей.

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

ЭХ, РАЗ, ЕЩЕ РАЗ...

И. Н. Жария, мастера Корюковского путевого РСУ в Черниговской области, недавно еще раз приняли в компартию, из рядов которой он неосмотрительно выбыл: бес ли попутал, демократы ли... Но посетил Иван Николаевич Москву и убедился: Мавзолей стоит под почетным караулом, Кремлевские звезды сияют, «Совраска» высказывается в прежнем духе. И по возвращении в родное РСУ подал заявление с просьбой восстановить его в рядах КПСС.

Есть предложение: присвоить И. Н. Жарию звание дважды Коммуниста Советского Союза.

ИХ НРАВЫ

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Журнал «Нью-Айдиэ» недавно сообщил, что Тони Ворд — очередное увлечение Мадонны, сказав любимой, что отлучается для пустякового дельца, без долгих церемоний женился в Лас-Вегасе на австралийке Амалии Парамидос. С разрешения супруги Ворд снова вернулся в объятия к неотразимой певице. Требования Амалии к мужу очень умеренны: Тони обязан посещать ее по уик-эндам. Своеобразный любовный треугольник существует таким образом бесконфликтно.

ЦЕРКОВЬ ЗАЩИЩАЕТ ГОМОСЕКСУАЛИСТОВ

Евангелистская церковь земли Берлин-Бранденбург признает гомосексуализм «не преступлением, не болезнью, а отличным от других самовыражением сексуальных меньшинств». Декларация церкви призывает государство к защите гомосексуалистов от нападок со стороны агрессивно настроенных лиц.

Как это ни прискорбно, христианская церковь в течение столетий была инициатором гонений на гомосексуалистов. «Пришла пора положить конец этой несправедливости», — заявили евангелисты.

«ТАК ВЫПЬЕМ БЕЗ ОСТАТКА...»

При опечатывании библиотеки Запорожского райкома КПУ среди собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма был найден ящик советского шампанского. Трудно сказать, что и зачем этот ящик там изучал. Непонятно также, куда девалось шампанское после опечатывания библиотеки народными депутатами.

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ — МОГИЛА КАРЛА МАРКСА

Странствующий монах Тарасава-сан явился в Черкассы из Японии с миссией проповедовать учение Будды. Прежде странник проживал на могиле Карла Маркса в Лондоне, чтобы оградить европейцев от злых миазмов, исходящих от останков заядлого теоретика государственных переворотов.

Кстати, дни августовского путча в Москве бесстрашный монах провел у стен «Белого дома» и бил в священный бубен на баррикадах, чтобы повернуть танки вспять. Судя по всему, ему это удалось.

«ЗА МОРЕМ ЖИТЬЕ НЕ ХУДО...»

СЕГОДНЯ СМИТЫ СПРАВЛЯЮТ ИМЕНИНЫ...

На празднике в г. Далласе (США), как сообщает журнал «Лайф», недавно побывало свыше пятисот Джонов Смитов, обладателей самого распространенного в штатах сочетания имени и фамилии. К сожалению, учредители праздника не догадались пригласить бывших советских Джонов Смитов — то есть Иванов Кузнецовых, живущих ныне в Америке. Поскольку «железный занавес» уже народам не помеха, то угадать наверняка, каких Иванов оказалось бы в Далласе больше — Смитов либо Кузнецовых, — теперь, пожалуй, невозможно. Во всяком случае, интернациональное сборище и сборы от него были бы, безусловно, гуще.

НАШ РУЛЕВОЙ

ЧЛЕНАМ КПСС СЕБЯ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ!

Августовская революция дала возможность переоценки некоторых ценностей. Раньше ни на одну приличную должность нечленов компартии не брали. После ареста путчистов ситуация коренным образом изменилась. В Запорожье, например, можно увидеть объявления такого содержания: «ЖЭУ-20 на постоянную работу требуются дворники. Оплата 250—400 рублей. Бывшим работникам парторганов и коммунистам просьба не обращаться».

Вот такая пошла нынче дискриминация.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СЛОВА

Рукотворный памятник, причем на веки вечные, воздвигла себе в Херсоне бывшая КПСС. Лозунг «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» так и остался торчать на крыше дома № 6 по Бериславскому шоссе. Попытки убрать монументальное высказывание провалились: каждая из буковок весит 700 килограммов, а подъемный кран достать так и не удалось.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина, Юлия Сударенко и Вера Лаврешина. Им помогали Александр Чернушкин, Наталья Быканова, Андрей Распутный, Людмила Свиридова, Андрей Болтенко, Александр Михайлов, Елена Ромейкова.

Использованы материалы информационных агентств «Евро-Икс» и «Студинформо».

Рисовала Евгения Двоскина.

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах, событиях. Ее можно сообщить по телефону: 212-23-07.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

БУРЖУИ

Владимир ЧЕРНОВ

...Молодой человек, категорически неспособный к самообороне без оружия, с обезоруживающей улыбкой, тихим голосом, в безупречном черном костюме и белоснежной рубашке, похожий на пастора, Юрий АГАПОВ.

32 года, банкир, основатель и председатель правления московского Кредобанка: 34 счета в банках крупнейших городов мира (Нью-Йорк, Рим, Париж и т. д.), баланс — почти 4 миллиарда рублей, 100 миллионов долларов.

Новый человек России. Один из основоположников капитализации всей страны. Будущий ее хозяин. Приехал на огромном, толстом и длинном, как крокодил, лимонном лимузине, в темных углах которого пошевеливались телохранители. Они первыми выбрались на свет и, привалившись к лоснящимся крокодиловым бокам, ждали появления хозяина из ворот лимузина, лениво и внимательно обводя глазом окрестности. Он приехал в заранее оговоренное место, где я смог бы задать ему свои вопросы.

* * *

Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас... проклятый буржуин.

Аркадий Гайдар

— Вы любите деньги?

— Естественно. Но для меня и для вас это разные вещи. Для вас — цель, в смысле, что деньгами заканчивается какой-то этап работы и вы их в конце получаете, для меня — средство, с них я начинаю.

— На Западе существуют три классические фигуры, без которых не обходится ни один тамошний человек: мой врач, мой адвокат, мой банкир. Мое здоровье, мои права, мои деньги. У нас с врачами понятно, как дело обстоит, с юристами... Не могу представить советского человека, даже сильно пьяного, который, откинувшись на стойку в отделении, высокомерно бросил бы милиционерам, его сюда приволокшим: «Я буду говорить только в присутствии моего адвоката!» Зато банкир — вот, передо мной. Вы появились первыми из «того» мира. Что бы это значило?

— Нелепость, ничего более. Коммерческие банки, структура классически консервативная, в нашей стране почему-то оказались жутко передовыми, фактором, который подталкивает развитие общества. Это абсурд. Задача банка — приземлять клиента, делать его законопослушным, держать в нормативных рамках железной денежной рукой. Вам бы поговорить с настоящим западным банкиром, вас бы через минуту стошнило, он ведь скучен до спазм, до колик. Самый крупный, самый серьезный, самый талантливый. Кстати, то, что я тут с вами разговариваю на разные темы, тоже в определенном смысле историческая нелепица. Чисто российского свойства. Банковской системы в стране не было семьдесят лет. Мы ее заново изобретаем, в этом все дело.

— А те банки, что семьдесят лет тут стояли? Они не структуры?

— Это вообще не банки. Назвали их так. Советского банкира никогда не беспокоило, откуда у него деньги возьмутся. Дадут сверху и укажут, сколько раздать. Раздаст положенное — получит зарплату, премию. А начнет выгадывать: тому дать или другому, что надежней,— пропал. Он не банкир. Он кассир. Приход, расход, остаток — все его измерения.

— Да мы все только сейчас обнаружили, в каком темном экономическом лесу живем.

— Страшно?

— Главное, непонятно. Ну, например, отчего в стране образовалось так много незавершенного строительства? Вы знаете?

— Это элементарно. На первый взгляд такого быть не должно, поскольку все предприятия ежегодно отчисляли процент с амортизации, образуя миллиардный фонд. На финансирование строительства. Только кто ж им даст! Если деньги нужны позарез на покрытие завышенных государственных расходов. Да еще военные придут, кусок урвут. О'кей, у военных порядок. Партия урвет — у партии порядок. А остальным: все, ребята, денег больше нету, ну нету, исчерпаны ресурсы. И производство, повздыхав, тащится обратно к своим развалюхам.

И тут начинается второй этап массовой обираловки, очень утонченный способ, которым владеют лишь узкие специалисты. Называется: кредитная эмиссия. Что она такое? Объясню.

Есть два канала выпуска денег в обращение. Первый — обычная, всем известная **бюджетная эмиссия,** когда расход бюджета превышает его доход. Денег не хватает, их печатают. А есть другой, очень интересный. Банк дает кредит предприятию, точно зная, что обратно он не вернется никогда, потому что продукция этого предприятия изначально никому не нужна. На развитие-то предприятия денег не дали. Их государство съело. А те, что дали, расходятся на зарплату, премии там, сырье, базы отдыха, пятое, десятое. Все время в деньгах нужда. Их и печатают. Вот это — **кредитная эмиссия.** Она значительно больше бюджетной. Она и создает завалы деревянных рублей в обороте. О происхождении завалов все молчат. Почему? Попробуй скажи! Это все равно что раздеться донага.

— И тут появляетесь вы...

— Совершенно верно.

* * *

Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство... Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья.

Сидит Мальчиш-Плохиш, жрет и радуется.

— А откуда вы вообще взялись?

— Моя биография проста до слез. Родился в Белоруссии, в семье военного, учился, поступил в Московский финансовый институт. Жили вдвоем с матерью, с отцом она развелась. Жили бедно. Был распределен в аспирантуру. В 26 лет защитил диссертацию.

— Белый воротничок?

— В принципе да. Пошел в науку. В науке науки не было. А работать хотелось страшно. Но лишь предлагал я свою тематику, меня тут же ставили на место: молодой, не высовывайся. А я не могу не высовываться.

Чем я только не занимался! Страшно много всего узнал: могу оформлять контракты, документы на отвод земли, на аренду, хотя хозяйственная сфера, строительная, коммунальная никогда меня не интересовала. Она чудовищно прогнила, там нужен хороший практик, я же по задаткам теоретик, меня привлекал банковский бизнес.

Помню, начинал дело с настроем: вот наступила эра, когда я смогу показать себя и все, в чем убежден: что банковское дело — начало рыночного мировоззрения, что это — новые отношения между людьми, что банк — воспитательная структура, что порядочность в банковских отношениях, честность способны создать нравственную основу во всей экономике.

— Так вы идеалист?

— А что? Я вам еще смешнее скажу. Я ведь попал однажды на встречу Горбачева с молодежью, и он спросил меня: вы кто? Я ответил: финансист. Он говорит: а! Если финансисты встанут во главе дела, дело пойдет. На публику сказал. Но это было в общем-то достаточно умно. Тут нас сфотографировали, как он мне руку пожимает, фото опубликовали. У меня такая внутренняя эйфория настала. К Горбачеву ведь тогда относились совершенно иначе. Он меня с места и столкнул.

А банк я официально зарегистрировал 27 марта 1989 года. Операции мы начали летом. Вначале шли крохи, в общем-то копеечные. Я объездил крупных кооператоров с предложением вложить деньги в наш банк. Кто-то внес, кто-то нет.

— На что рассчитывали? Они ведь могли вас просто послать...

— А вот не послали.

— Вообще-то вы внушаете доверие.

— Естественно. Это основа банковского дела. А меня всегда интересовало, как возникает вот эта внутренняя власть над людьми, способность подчинить себе их желания. Я должен внушать к себе доверие. И вот клиент уже твой. Другой — тоже твой. И дальше, дальше, дальше.

— Страшно было ворочать миллионами?

— Мне приятель говорил: «Только первую платежку на миллион страшно подписывать, а потом привыкнешь». Так и вышло. Когда банк начинает получать миллионы прибыли, теряется физическое восприятие денег. Вас начинает увлекать процесс.

И вот уже к вам приходит тот заветный клиент, которого вы и ждали. С такими деньгами, что извини подвинься, там сотни миллионов, и говорит: а, Агапов! Ну, нет вопросов, конечно, даем вам деньги! Мы вас знаем. Ему не важен и баланс наш, он говорит главное: мы вас знаем! Это фантастика!

И уже пошел азарт, игра. Жена спрашивает: когда ты там в отпуск пойдешь? Нет у меня отпуска, у меня нет ни выходных, ни проходных, у меня идет жизнь. В полную силу. Вот мы с вами говорим — это жизнь, я поеду отсюда в банк, и там ждет меня жизнь.

в полный рост. Не знаю, хорошо это или плохо, мне нравится. Я к этому шел. И вот что скажу: если, не дай Бог, что-то случится с коммерческой банковской структурой, я в государственную систему никогда не вернусь. Все, что угодно, но я хочу работать сам. Я в своем деле купаюсь. Я беру на себя ответственность. Я готов это свое право защищать. Нравственно, экономически, психологически, как угодно. Потому что я свободен. И у меня свое Дело.

* * *

— Эй, вставайте! — крикнул всадник.— Было полбеды, а теперь кругом беда. Много буржуинов, да мало наших.

— Ну, вы отчаянные ребята! Наша страна — это черная дыра, в которую сколько ни кидай миллиардов, все проглотит без следов. Это такой хаос, в котором особенно легко и приятно быть начальником: греешь лапу сколько хочешь. Или каким-нибудь общественным работником, жаль, что их отменили. Во всем мире это не профессия, а хобби. Единственная страна, где до недавнего времени человек получал деньги за хобби, не умея при этом работать вовсе,— наша. Потому они, наверное, и делают все, чтобы вернуть в страну и хаос, и себя.

— В финансовой госсистеме неразбериха до сих пор. Как финансируются в нормальных странах? Вот передают какому-то региону, стране, группе банков кредит: этому сто миллионов, этому двести, этому миллиард. И ставят условие: в течение двух или трех месяцев представить проекты под эти деньги. И всегда есть конкретный человек, который за реализацию этих проектов отвечает, отвечает головой, своим капиталом, поэтому он сто раз подумает, прежде чем что-то предложить.

С нами как-то еще сотрудничали, но, боюсь, скоро перестали бы вовсе, потому что госсистема наша подписывала контракт, деньги перечислялись на счет Внешэкономбанка, после чего исчезали бесследно. Куда? Одному Богу известно. Кто готовил контракт? Ну-у, он уже давно уволился. Никаких концов.

Я был во многих странах мира, и поразило меня: как странно порой складываются наши финансовые отношения. Представьте себе крупную западную страну, где на счетах лежит 500 миллионов долларов — специальная помощь нашей стране со стороны правительства. Сколько из них мы востребовали? Что-то около 20, может быть, 30 миллионов. Почему? Деньги же давным-давно надо бы пустить в оборот! Оказывается, Внешэкономбанк никого к ним близко не пускает. Это же святая святых. Кормушка. И какая! Подо что же мы эти деньги выманили? Под список проектов, конечно. Вот это самое убойное. Проекты составлены гениально: на развитие легкой промышленности — столько-то миллионов, на развитие тяжелой — столько-то. Почему столько, а не столько? Я хочу знать, почем земля, на которой начнется строительство, какова проектная стоимость, во что обойдется наем рабочей силы, сырья, что там за цены, какова будет эффективность от реализации проекта. Это норма при составлении проекта. Но, видимо, на Западе считают, что требовать общепринятый проект от советских специалистов — это значит перенапрячь их мозги до выхода из строя. И отступаются. Правительство этой страны сейчас заявляет: мы дали Советскому Союзу на развитие столько-то миллионов долларов. А мы, как бы не слыша, просим по-прежнему кредитов. Но ведь они уже дали. Ха-ха! А мы не взяли. Кто кого здесь обманывает? Почему? Чудовищное государство!

— И все-таки ответьте: как же вы рискнули в стране, где все стараются друг друга наколоть (это у них, проклятых, девиз: честным быть выгодно, у нас же...), где ворье на ворье сидит и ворьем погоняет, играть в какую-то финансовую игру?

— А банковское дело вообще рисковое. Вы же сами говорите: игра. Жаль, что по разным правилам в нее играют. Я работаю на принципах нормального банковского дела. И предприятию, которое мой кредит не вернет, денег не дам никогда. Мне их сверху никто не спускает. Я сколько в карман положу, столько из него и выну. Если я приобретаю что-то под десять процентов, то продать это под девять не могу, я разорюсь. Естественно, мы вызываем у сложившейся финансовой системы бешеное раздражение. Но и мы ведь не дети.

— Кто ваша команда?

— Ребята примерно моего возраста, с кем-то я учился в институте. Персонал обслуживающий мы набирали.

— Критерии?

— Их два. Высокий уровень компетентности и способность брать на себя ответственность, первое. Второе: порядочность. Второе для меня перевешивает. Мне бы хотелось в море воров и мерзавцев создать островок нормальных деловых отношений, основанных на честности, порядочности, доверии.

— Давно вы научились говорить «нет»? Отказать кому-то, когда нет времени, не пойти на компромисс даже с приятелем, если он предлагает неприемлемое?

— Думаю, недавно. Года полтора назад. Я впервые поехал во Францию в новом статусе и понял там, чего мне не хватает. Как-то очень наглядно я увидел, что у генерального директора, его заместителя и начальников отделов разные функции. И не надо мешать друг другу. Есть этические правила, продиктованные не воспитанием, а интересами дела. На Западе президент банка, обращаясь в другую фирму, никогда не станет разговаривать с тамошним клерком, потому что у него иной уровень информированности. Наши же руководители, завязав порой отношения с десятым по значимости чиновником, уверены, что уже вступили в отношения со всей фирмой, которую он представляет.

— Есть у вас при наборе команды предубежденность перед возрастом? Многие сейчас не верят в способности, в самую психологию пожилых людей...

— Я против них не настроен. Просто со сверстниками мы быстрее понимаем друг друга. Мне удобней работать с людьми, которые схватывают с полуслова.

— К роскоши вы привыкли? Наелись?

— Я всегда жил достаточно скромно, поэтому у меня нет сверхзапросов. Сейчас действительно у меня никаких проблем ни с едой, ни с одеждой, могу не думать о том, сколько что стоит. Не могу назвать это роскошью, нормально все. Мне нужно очень немногое. Прежде всего налаженный быт. У меня прекрасная жена, у нас отличные отношения, она четко понимает, чем я занимаюсь.

— Она не работает?

— Почему? Работает, во Внешэкономбанке. И не хочет оттуда уходить, сколько я ни пытаюсь сбить ее с толку.

— Дети у вас есть?

— Пока нет.

— Квартира...

— Квартиры нет. Я прописан с матерью.

— Вы не можете купить себе квартиру?

— Увы, еще не научился. По закону жилой площади мне хватает.

— Ваши телохранители возле вас только в течение рабочего дня или и дома тоже?

— Это коммерческая тайна. Тут в одной газете журналист написал: «При проверке коммерческих банков выявлена слабая охрана служебных помещений...»

— Ценная информация. С вами все ясно. Меня теперь занимает, как же они-то вас проглядели, позволили дело начать, дали росточку взойти? Или не предполагали, что вы так приметесь разрастаться? Я думаю, они строили очередную декорацию для близорукого Запада. Мол, смотрите, господа, и у нас все стало точно, как у вас. И коммерческие банки появились. Значит, давайте еще кредитов. Может, потому заниматься банками разрешили мальчишкам, что были уверены: с этими-то мы, зубры, справимся всегда. Чуть что — под колпак. Правильно?

— Абсолютно. Но нас, коммерческих банков, уже не 200 — 300, как вначале, нас все больше и больше, и все больший объем кредитных вложений мы контролируем.

— Значит, вы — реальная опасность.

* * *

Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы боевые знамена. Мчится и скачет на помощь вся Красная Армия.

— Как же они за вас взялись?

— Мы зарегистрировались в Союзном банке, а Российский банк (я очень уважаю Бориса Николаевича, но, может быть, руки у него до всего не доходят) занял позицию, к нам негативную. Может, на волне общего отношения к центру, не знаю.

А способ они выбрали, кстати сказать, интересный. Где-то осенью прошлого года принялись вызывать моих клиентов и сотрудников в МВД на Житную (коробок там высокий) и требовать: напишите, что Агапов — взяточник. Один мой сотрудник и написал мне служебную записку о том, как его туда вызывали в рабочее время и что просили заявить. Я эту бумагу направил Бакатину. Все замялось. И симпатичный полковник приезжал в банк и всех успокаивал: все нормально, идет рабочий процесс! Зато пошли ревизии. Аж три за последний год.

Когда столько ревизий, значит, есть кому искать. Еще до окончания ревизии руководство Центрального банка уже «знало», что у нас все плохо. Мы не дети, понимаем, откуда ноги растут. Появляется приказ Матюхина: проверить все филиалы Кредобанка в связи с «серьезными сигналами». Потом в связи с теми же, видимо, «сигналами» отдают приказ вообще закрыть наш банк. Подумав, его не закрывают, но настаивают на моем увольнении. Рекомендуют пайщикам меня сместить. Пайщики, кстати, и ухом не ведут. У нас все чисто, мы благополучно отстреливаемся. Более того, после скандальной публикации в «Коммерсанте» (желающих узнать подробности к ней и отсылаю) наш баланс увеличился на 700 миллионов. Мы вступили в ассоциацию ВИЗА ИНТЕРНЕЙШНЛ, в которой 22 тысячи банков, впервые в стране выпустили кредитную карточку, платежи по которой принимаются, кстати, во всем мире. Но — репутация! Вы понимаете, каким способом они нас пытаются выкупать в грязи! А пока отмываешься — ты теряешь престиж, теряешь доверие, в сущности, все. И это не персонально на нас охота. Под точно таким же прессингом все коммерческие банки, так называемые инициативные, которые создавались, как и мы, с нуля. Их точно так же постоянно гнут к земле, стараясь поставить на колени.

Я говорил, что по государственной концепции банк — мешок с деньгами. По нашей — конкретный человек, к которому приносят не только деньги, но информацию, проекты, с ним советуются, он консультирует, выступает посредником. Такие люди и ушли из государственной структуры, создали свою и тем, по сути, подложили бомбу под госсистему. Для нее ситуация складывается крайне серьезно. Если шашлычно-мангальных кооператоров можно запросто выкинуть и они даже не пикнут, то с банками так не поступишь. На банках завязаны предприятия, десятки, сотни тысяч людей, получающих в коммерческих банках зарплату. Банк становится организацией общественной. И чем больше клиентуры обслуживает банк, тем выше должно быть его место на социальной лестнице. Банк должен стать точкой опоры, источником надежности в нашем ненадежном, колеблющемся мире. Что-то должно же быть у нас прочным, спасительным. На Западе говорят: политики приходят и уходят, банкиры остаются. У нас же любое политическое изменение способно посадить банки на мель. На что уповать человеку, за что ему держаться? Тони, человек, тони!

* * *

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин.— Что же это такая за непонятная страна?..

— Самое, конечно, забавное во всей этой истории — ваша уверенность, что можно сделать эту страну почеловечней при помощи банковского дела. Семьдесят лет здесь начальники произносят гордые формулы о любви к человеку, чавкая или ковыряя в зубах, отчего формулы приобретают гастрономический оттенок. Возможно, что новое общество, к рождению которого вы прикладываете руку, станет человеколюбивым недвусмысленно. Однако те ребята, которых мы видим в ларьках и новорожденных конторах, зубастые, еще не наевшиеся, мало напоминают своих дореволюционных предтеч, тех, кто меценатствовал всласть и милосерден был — от полного благополучия своего. Сытый голодного, думается мне, как раз и разумеет.

— Я не хочу сказать, что я какой-то высоконравственный, хотя замечено: с ростом ответственности за других что-то важное происходит с человеком, он меняется. Обязательно ли в лучшую сторону — пока неясно, но хочется верить. Я, например, всегда стоял на том, чтобы прибыль банка направлять на социально значимые программы.

— Да все тратят деньги на благотворительность, и, однако, мы знаем подкладку этого действа, тратится ведь часть, которую государство все равно отберет в качестве налога.

— Никакой прямой выгоды, связанной с налогами, в отношении благотворительности у нас нет, забудьте об этом. Те крохи, которые нам разрешено вкладывать в благотворительность, действительно не облагаются налогами. Но остальные-то суммы облагаются.

— А сколько вы вкладываете?

— В этом году уже около четырех миллионов.

— А в процентах это сколько?

— Скажу. За полугодие мы получили порядка 17 миллионов прибыли. Считайте. Процентов двадцать.

— Даже больше. Хорошо. Но я хочу понять: почему?

— Можете мне поверить или не поверить, это ваше дело. Вот свежий пример. Вчера пришла ко мне женщина, вся в слезах: муж умирает. Нужна операция за валюту. Я позвонил своему партнеру в Вену, и мы обо всем договорились. Они разослали факсы по американским и европейским клиникам с просьбой ответить, где делают такие операции. Финансирование берем на себя.

— А как эта женщина на вас вышла?

— Прочитала статью в «Коммерсанте».

— Но к вам же попасть, видимо, непросто?

— Те, кому очень надо, попадают.

— И всем помогаете?

— Нет. Если понравится человек, помогаем. Понимаете? Глаза у него хорошие, видно же: хороший человек. И я все сделаю, чтобы ему помочь. Не

понравится, не сделаю ничего. Вот такая установка. Я думаю, это нормально.

— Так, узнав об этом, к вам сейчас пойдут все подряд, и не только убогие, но и мошенники. Попробовать, вдруг клюнете.

— Они и идут. Я как-то сказал по телевидению о спонсорских услугах нашего банка, и пошли. Причем абсолютное большинство, если грубо, хамы-просители. Уверенные, что вот он пришел и ему тут же отстегнут денег. Я в таких случаях задаю очень простой вопрос: «Сколько вам нужно?» — «Полмиллиона».— «А на что?» — «Ну, там, на мероприятия».— «А мероприятия — это что? Что конкретно собираетесь вы сделать, можете расписать?» — «Вы знаете, я не думал на эту тему».— «Вот идите и подумайте, придумаете — приходите».

Иногда приходят снова, приносят проект. Смотрю: хорошо, но вам вовсе не нужно полмиллиона, вам достаточно пяти тысяч, чтобы начать! Понимаете, я начинаю сужать его проект до такого состояния, что там в принципе и платить-то нечего. Просто подумать надо было. А ему лень.

— А уж так выучило нас государство, все беря на себя — где и как жить, что делать, о чем думать, не давая и шагу самим ступить. Получилась страна безруких, безголовых, беспомощных людей. Ну и что, выгоняете их вон?

— Нет, перестаю объяснять и говорю: я почти все за вас сделал, хотите дальше? Минута моего времени стоит 100 рублей. Деньги на стол — расскажу все до конца. Сами уходят.

— Вы полностью содержите национальный русский симфонический оркестр Михаила Плетнева, финансируете театр Романа Виктюка.

— И правильно делаем, потому что считаем их лучшими.

— А сейчас еще вы вкладываете деньги и в исполнение в Америке симфонии Вячеслава Артемова. Я знаю, об этом вас просил Ростропович. Случай, конечно, эффектный: деньги пришли из нищей России. Хорошо. Но почему вклады не в хлеб насущный, не в сирот, не в приют?

— Вопрос некорректный. Хотя могу на него ответить: ошибаетесь, вкладываем и в приюты, недавно именно на приют при церкви в Пушкине дали денег. Миллион дали на студенческое общежитие. Но львиная доля вкладов действительно идет на искусство и на реставрацию храмов. 300 тысяч — на храм в Петродворце, 200 тысяч — на храм в Пушкине. И множество вкладов, где суммы меньше.

— А кто решает, во что вкладывать деньги, вы лично?

— У нас принцип единоначалия. Совет пайщиков, конечно, обсуждает, кому давать, кому не давать, но мне они полностью доверяют. Так что решаем мы с правлением.

— Как насчет удовлетворения, типа: за этим театром, картиной, симфонией, за этим храмом стою я. Пусть даже об этом знают немногие.

— А это нормально. И, кстати, знают об этом не немногие. И все работает на репутацию банка. Ошибиться нам трудно, мы поддерживаем искусство серьезное, нерентабельное, умирающее в нашей стране. Сегодня страна в нем не нуждается. Я, кстати, уверен, что меценатство долгое еще время будет единственным способом поддерживать жизнь серьезного искусства. И еще я думаю, что, когда восстановят церковь Петра и Павла, наверное, приятно будет сознавать, что там появится табличка на память о Кредобанке.

— Вы верующий?

— И крещен в церкви святой Екатерины в Пушкине, которая была воссоздана буквально из праха, там ведь прежде хранили, а потом сжигали химические отходы. И крестил меня в ней мой ровесник, отец Геннадий. Наш банк не случайно называется Кредо. У нас есть нравственная позиция. И слово «кредит», кстати, тоже происходит от «кредо» в значении «вера», «доверие». Хотя наши марксисты никак в такое поверить не хотят, им все кажется, что кредит у нас имеет чисто материальную основу. Ерунда.

Вы меня все хотели поддеть, а бесполезно. Меня уже похвалил человек, которого я уважаю безмерно. Мстислав Леопольдович Ростропович. Мы встретились на концерте, посвященном памяти Андрея Дмитриевича Сахарова. Ростропович приехал буквально на три часа, и в этой суматохе мы столкнулись, и он меня обнял, поцеловал, так по-отцовски, да, это правда.

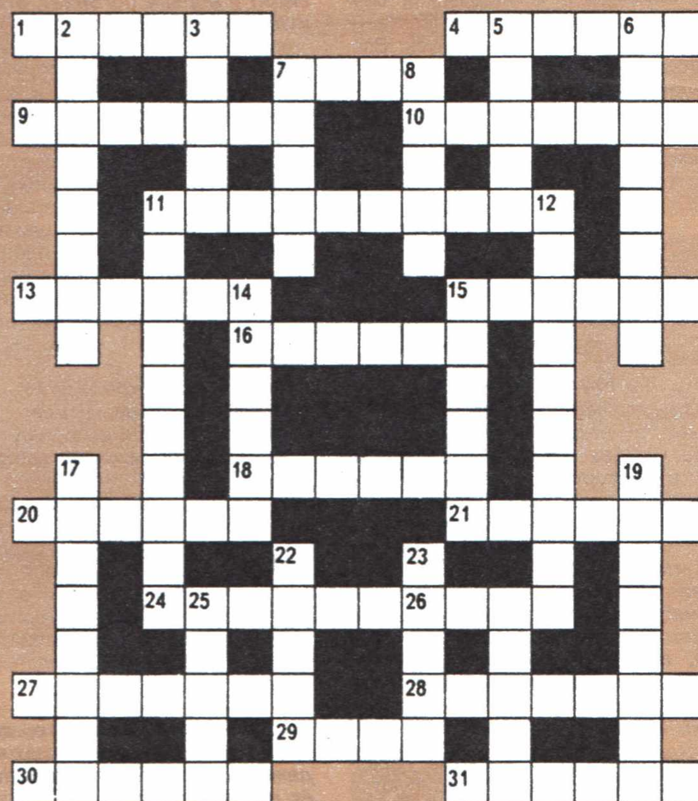
Меня прямо повело. Он сказал, что искренне потрясен (можете быть уверены, его слова я запомнил буквально) тем, что в этой голодной стране есть люди, которые хоть что-то реально могут делать для культуры. Так он сказал. Вот мы и делаем.

Недавно я попал на телевизионный «Пресс-клуб», где молодым журналистам, представлявшим в основном независимые и прогрессивные издания, показали несколько документальных короткометражек, среди них «Деловые люди» — о частниках и кооператорах. Самым интересным в фильме были не кооператоры (это все были ребята подставные), а реакция покупателей. Что наговорили они продавцам, торгующим западным товаром ценою раз в десять выше привычной, можете представить. Одна женщина ругаться уже не могла, только руками развела потерянно: «Откуда же у меня такие деньги?»

После фильма молодые и независимые журналисты только что ногами не топали на злодеев, обиравших народ: у-у! Сытые морды! Я тоже начал просить слова, и, к счастью, в толкотне стихийного этого митинга меня не заметили и слова не дали. А я хотел сказать негодующей на частника аудитории: «Опомнитесь, ребята. Впервые советский человек увидел настоящие западные товары, причем по цене (если перевести рубли обратно в валюту) много дешевле реальной их стоимости. Почему, попадая на Запад, вы не набрасываетесь на продавца за то, что его «Мальборо» стоит раза в четыре дороже (представьте!), чем у наших кооператоров? Потому что это нормальная цена. Чего же здесь-то из вас слюни летят?»

И еще хотел сказать возбужденным коллегам: да победи нас Чуки и Геки, этот фильм они пропустили бы мгновенно, без всякой цензуры, и показывали бы его ежедневно по первой всесоюзной программе, сразу после «Времени». Потому что в нем авторы всему советскому народу показали *лицо врага.* Пальцем в него ткнули и сказали: «Фас!» А те, кто устроил негодующим гражданам такую экономику, при которой человек не способен купить нормальный товар за его реальную цену, а может только облизываться, те сидели бы в своем Кремле, потирая ручки и любуясь, как спровоцированные замечательным фильмом толпы рвут на части частников.

Юрий Агапов зашел в лимузин, охрана попряталась в его кожаных недрах, и они тронулись на своей бесконечной машине, и долго втягивался за угол желтый лимузиновый хвост. И исчез буржуй-идеалист.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Военный конвой, охрана, сопровождение. 4. Птица семейства вороновых. 7. Денежная единица Древней Руси. 9. Украинский струнный музыкальный инструмент. 10. Воспитанник военного училища. 11. Повесть М. А. Булгакова. 13. Спортивная командная игра. 15. Промысловая морская рыба отряда окунеобразных. 16. Оборот речи, присущий только данному языку. 18. Музыкальное произведение в медленном темпе. 20. Французский писатель, автор романа «Саламбо». 21. Птица семейства голубей. 24. Советский минералог и геохимик, академик. 27. Центральная часть колеса. 28. Небольшая лирическая инструментальная пьеса. 29. Овощ. 30. Гимнастический спортивный снаряд. 31. Мужская статуя, поддерживающая перекрытие здания.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2.Действующее лицо в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 3. Химический элемент, жидкий металл. 5. Категория в систематике животных. 6. Бак с герметической крышкой. 7. Сетчатая хлопчатобумажная или льняная ткань. 8. Ценная бумага. 11. Русский литературный критик, публицист, революционный демократ. 12. Трехсложная стихотворная стопа. 14. Швейцарский живописец, автор картины «Шоколадница». 15. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, играющий в Санкт-Петербургском Большом драматическом театре. 17. Зернохранилище. 19. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Чайка». 22. Стихотворение А. С. Пушкина. 23. Лиственное дерево рода тополей. 25. Город в Тургайской области Казахстана. 26. Приток Ангары.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Водевиль. 8. Гликоген. 9. Гавот. 11. Литавра. 13. Таможня. 15. Мицар. 16. Бекас. 18. Сатин. 19. Лобачевский. 22. Бажан. 23. Сфера. 24. Ирбис. 25. Сирокко. 28. Спидвей. 30. Среда. 31 .«Сомнение». 32. Саксофон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Фонвизин. 2. Ветла. 3. Фляга. 4. Плятт. 5. Токио. 6. Зеландия. 10. «Воскресение». 12. Верхоянск. 14. Миссисипи. 16. Брамс. 17. Сосна. 20. Патиссон. 21. Гиперион. 26. Осень. 27. Осмий. 28. Сазан. 29. Дымов.

ХОЛДИНГИ ЭЛБИМ-БАНКА

У НАС ВСЕГДА БЫЛО
НА ТЫСЯЧУ РУБЛЕЙ
ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ
НА РОССИЙСКОЙ
ТОВАРНОЙ БИРЖЕ,
НО ВЫ ПОКУПАЛИ НЕ У НАС.
ПРИДЕТСЯ ПРОДАТЬ ВАМ
ДЕШЕВЛЕ НА ДВЕ ТЫСЯЧИ...

2000

ХОЛДИНГИ ЭЛБИМ–БАНКА
ТЕЛЕФОНЫ:
В МОСКВЕ:
251 03 34
323 03 77 ФАКС
235 42 84
254 99 69
214 65 83
183 12 22
В ЛЕНИНГРАДЕ:
(812) 233 32 74
151 52 19 ФАКС
В НОВОРОССИЙСКЕ:
(86134) 2 40 02
3 11 48
2 55 12 ФАКС

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ

1 руб. Индекс 70663